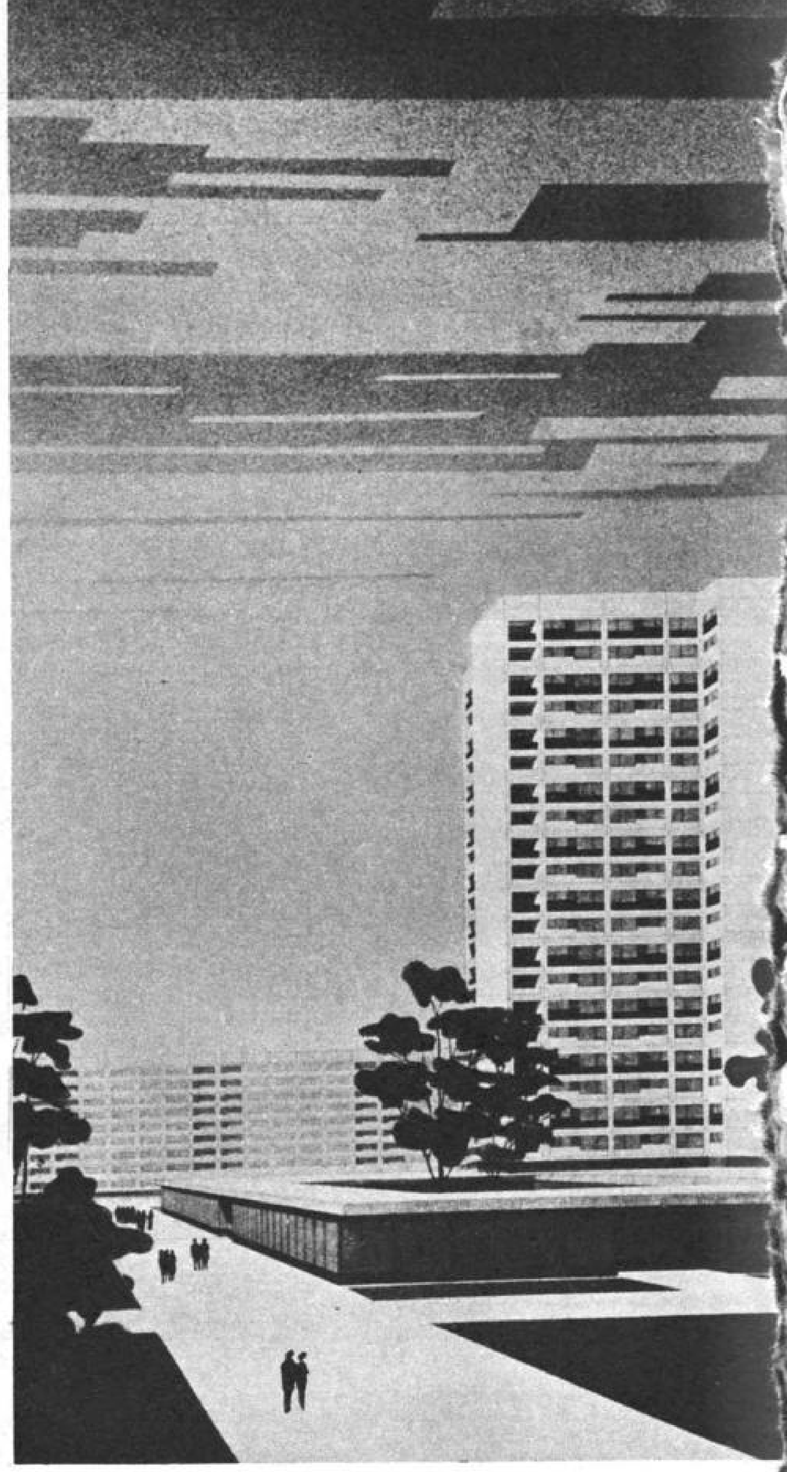

ОГОНЁК

Вот некоторые проекты, по которым архитекторы предлагают строить в Москве жилые дома в семидесятых годах.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

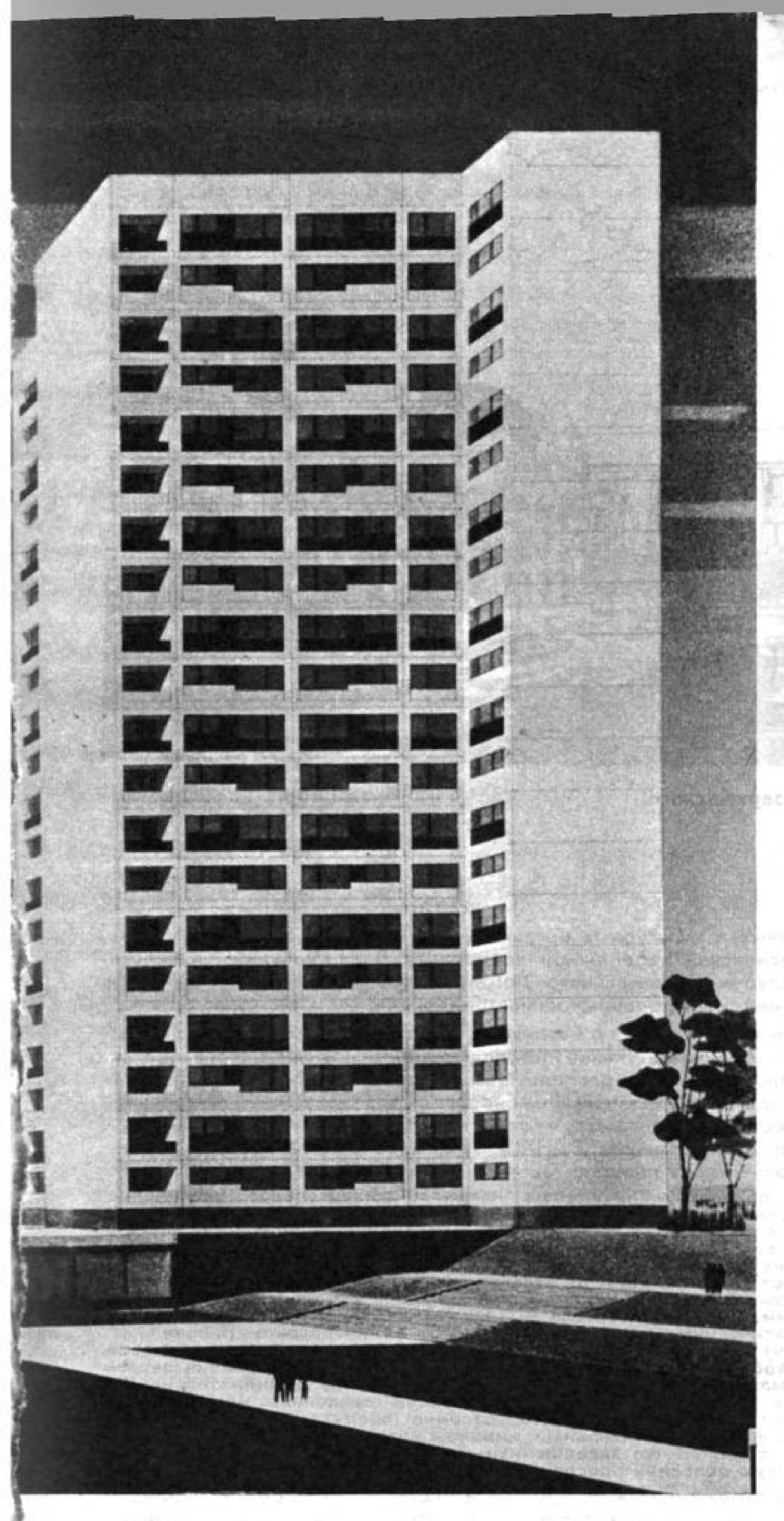
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

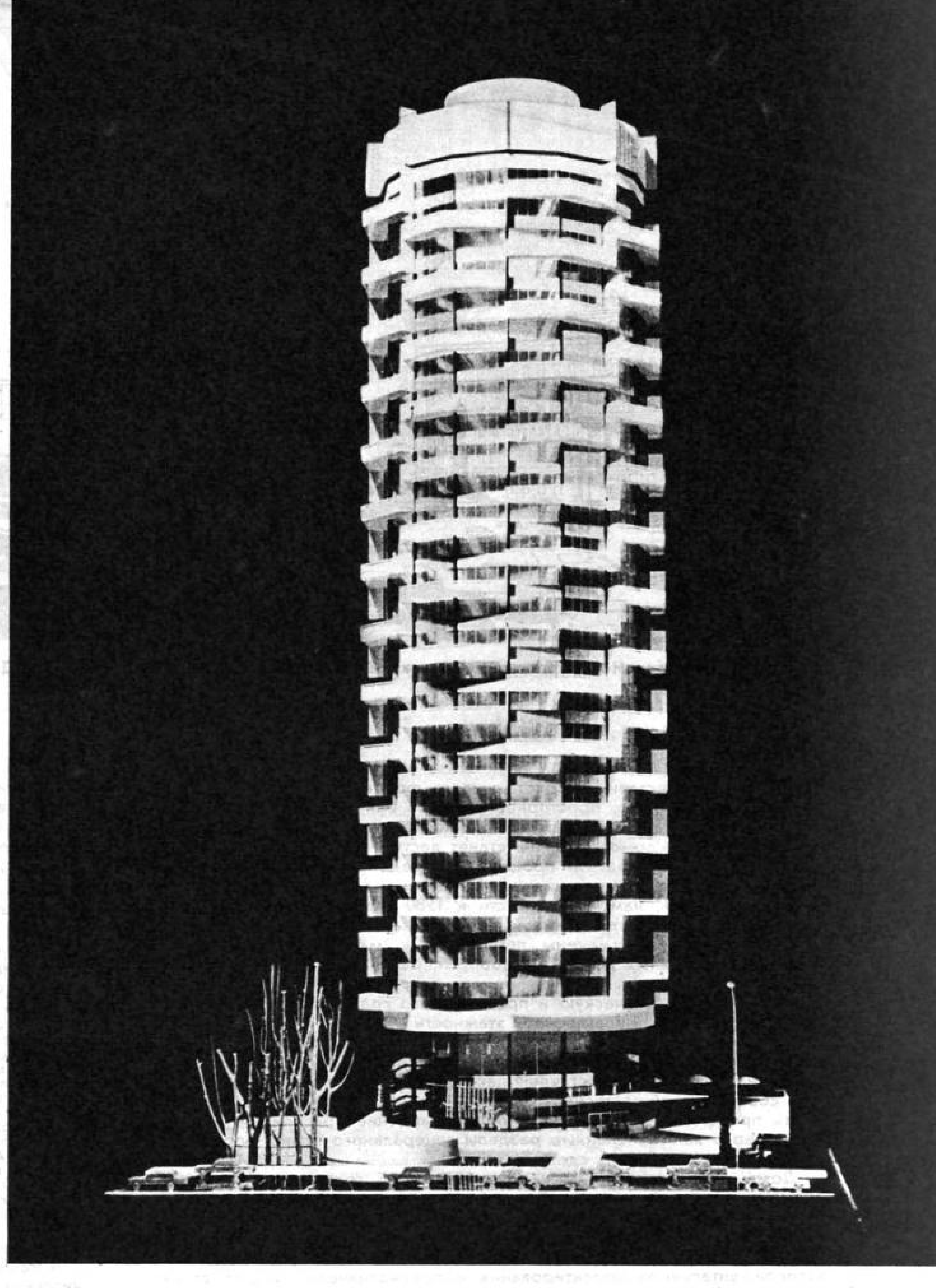
Основан 1 апреля 1923 года

№ 52 (2165)

21 ДЕКАБРЯ 1968

Москва шагает в завтра

В. ПРОМЫСЛОВ,
председатель Исполкома Моссовета

В конце 1966 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР, как известно, одобрили технико-экономические показатели нового генерального плана развития столицы. Тогда же московским организациям был дан жесткий срок: до истечения 1968 года разработать детальную, научно обоснованную программу строительства и реконструкции города, охватывающую все стороны жизни, работы, быта шести с половиной миллионов москвичей на период до 1980 года включительно. Задание партии и правительства выполнено. Проект генерального плана (принципиальными положениями своими он заглядывает и в конец нынешнего века) в основном готов, сверстан.

Долго, упорно, целеустремленно трудился над составлением плана большой отряд специалистов — ученых, архитекторов, конструкторов, экономистов, социологов, транспортников, озеленителей. Им помогала в прогнозировании современная электронная техника. И вот передо мною плод коллективного труда — отпечатанный пока всего в нескольких экземплярах объемистый том, оснащенный картами, таблицами, чертежами. Главы этого тома — увлекательнейший рассказ о завтрашнем дне столицы. Читаешь их — и словно чувствуешь биение пульса великого города, уверенно идущего по пути социалистических преобразований.

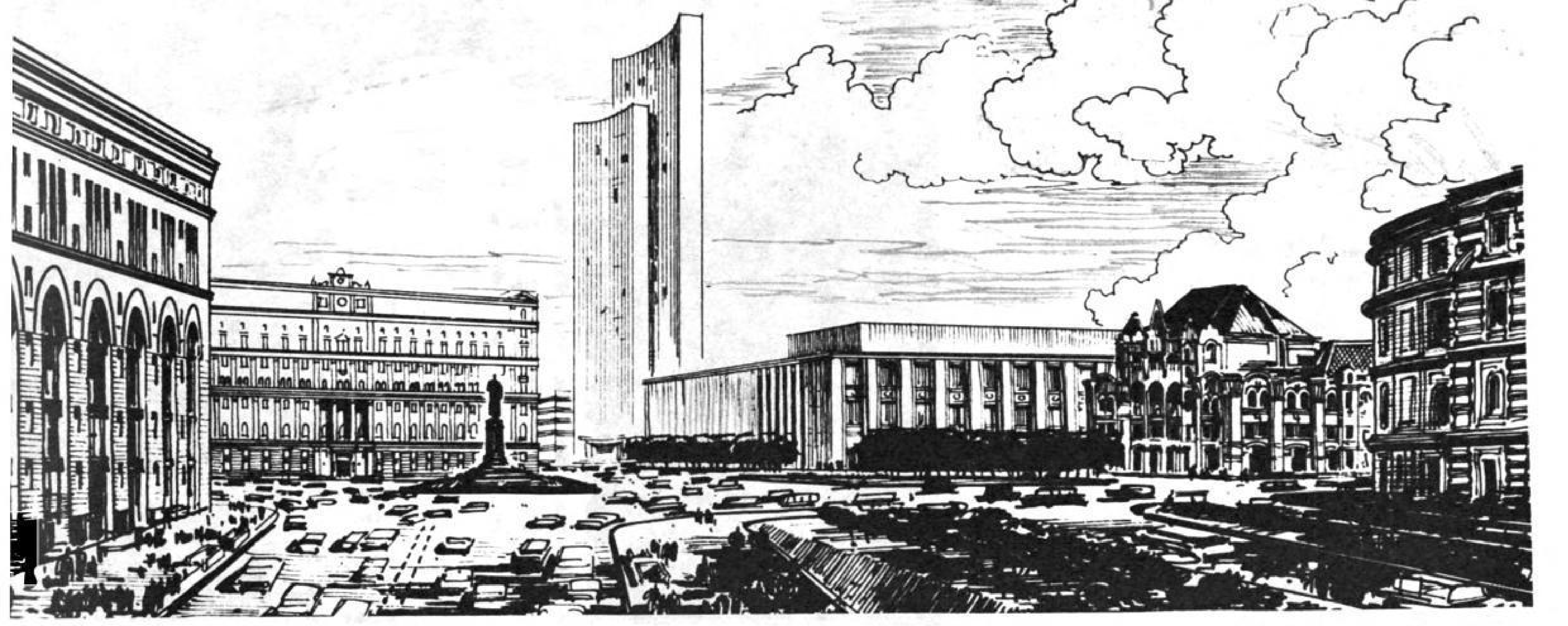
Здесь не место подробно излагать содержание проекта генерального плана. Тем более что его ждет глубокое, тщательное изучение в Госстрое и Госплане СССР, рассмотрение в правительственных инстанциях. Само собой разумеется, предстоят поправки, дополнения. Но можно со всей ответственностью заявить, что выполнена беспрецедентная по масштабам и социальной направленности работа. Все энергичнее, настойчивее, во все возрастающих темпах будет претворяться ведущая идея генплана — еще выше поднять жизненный уровень населения.

Хотелось бы ознакомить читателей «Огонька» лишь с некоторыми положениями программы переустройства Москвы. Начну с жилья. Примерно пятьдесят миллионов квадратных метров жилой площади — полтора миллиона квартир — будет сдано до конца 1980 года. В каждой квартире поселяется в среднем три человека. Выходит, по крайней мере еще четыре с половиной миллиона москвичей отпразднуют новоселье.

Оглянемся вокруг себя. Свершенное легче всего познается в сравнении. Пусть сегодня не все удовлетворены своими жилищными условиями. Но ведь значительная часть населения уже улучшила их, и притом весьма заметно.

Коммунальная квартира с ее житейскими неудобствами и неурядицами постепенно уходит в прошлое и, надо полагать, с завершением нового генплана полностью сдаст свои «позиции». А это будет означать подлинную революцию в быту, торжество грандиозной социальной реформы, начало которой положено на заре Советской власти, в ту грозовую пору, когда был подписан декрет о переселении рабочих из бараков и подвалов в особняки и квартиры аристократии и буржуазии.

В строй войдет полтора миллиона квартир... Это означает, помимо

Там, где начинается Новокировский проспект. Вариант проекта застройки площади Дзержинского. Рис. архитектора Р. Гвоздева.

огромного количественного роста жилого фонда, во-первых, разуплотнение существующего: просторнее станет в ранее заселенных квартирах. А во-вторых, общее омоложение московской застройки. Абсолютное большинство домов столицы станет вести счет своему возрасту от советских времен. Оба эти процесса и предопределяют неуклонную тенденцию к повышению жилищной обеспеченности москвичей. Генплан, в частности, намечает довести к 1980 году среднюю норму до 12—15 квадратных метров жилой площади на одного человека.

Последние годы отмечены переходом к массовому сооружению многоэтажных жилых домов и, наоборот, резким сокращением строительства малоэтажных. Об этом немало говорилось и писалось. Жизнь подтвердила экономическую и прежде всего градостроительную целесообразность зданий повышенной этажности.

Современные наши возможности не сравнить с прежними, еще не столь давно казавшимися пределом. А в недалеком будущем сегодняшний предел будет оставлен далеко позади. Таково закономерное при советском общественном строе явление. Следовательно, надо уметь предвидеть. Именно научное предвидение красной нитью проходит через многочисленные разделы генерального плана, определяя, **что и когда** должно быть сделано.

Дома, что соорудят, скажем, в 1970—1975 годах,— как непохожи они на те, что поднялись в районах столицы во второй половине шестидесятых! Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы беглого знакомства с четырнадцатью проектами, выполненными в стенах «Моспроектов» и Московского научно-исследовательского института типового и экспериментального проектирования и предназначенными для строительства в ближайшие годы.

Типовой дом часто ассоциировался у нас с понятием монотонности, однообразия. Дома, о которых идет речь, хотя и выполнены на основе единого каталога индустриальных изделий (тоже нового), отличаются друг от друга и внешностью и внутренней планировкой. Более того, они приспособлены к различным градостроительным условиям: одни будут строиться на оживленных улицах, другие — в глубине кварталов, третьи — в местности со сложным рельефом. Одни поступят в распоряжение маленьких семей, в другие въедут семьи многодетные, в третьи — одиночки. Город давно ждет типовых серий, являющих собой заметный шаг вперед по сравнению со старыми,— домов, архитектурно более выразительных, квартир, более удобных, добротных, напоенных воздухом и светом.

Первый же период действия генерального плана ознаменуется реализацией целой семьи усовершенствованных типовых проектов. А тем временем наши зодчие и конструкторы думают о более отдаленной перспективе, соразмеряя свои замыслы, творческие мечты с экономическими и техническими возможностями, которые, несомненно, придут на смену нынешним. В Советской стране мечтать сегодня — значит сделать завтра.

Новый генеральный план — это грандиозный комплекс работ, призванных не только поднять все отрасли городского хозяйства на более высокий уровень, но и во многом улучшить самую структуру города.

Важным звеном генплана надо считать проект реконструкции общегородского центра, осуществление которого фактически уже ведется. Но прежде чем рассказать об этом проекте, давайте условимся, что считать центром. До Октября он ограничивался Бульварным кольцом, потом, по мере расширения территории города и роста населения,— Садовым. А за этими кольцами море неблагоустроенных кварталов, домов, лишенных элементарных удобств, большей частью деревянных. Нет нужды подробно говорить о том, как стремительно шагнула Москва за советские полвека. Тем, кто интересуется послеоктябрьской историей городского хозяйства столицы, рекомендую вышедший в издательстве «Статистика» маленький сборник «Москва в цифрах за годы Советской власти». Он целиком состоит из цифр и диаграмм, а читается как беллетристика.

Генеральный план рассматривает общегородской центр как пространственно развитую и целостную в архитектурном отношении систему, охватывающую не только центральное ядро города, но и обширные территории, простирающиеся вдоль набережных рек Москвы и Яузы, по радиальным направлениям и внешней зоне Садового кольца.

В центральном ядре разместятся здания высших партийных и правительственных учреждений, министерств, ведомств, административно-общественных и культурных организаций. Укажу для примера, что на Краснопресненской набережной по проекту Д. Н. Чечулина началось строительство монументального Дома Советов РСФСР, где будет сосредоточена государственная жизнь Федерации.

Наметки генплана предусматривают, что общегородской центр будет развиваться преимущественно по следующим основным направлениям: на юго-запад, туда, где расположены стадион имени В. И. Ленина, комплекс зданий МГУ имени Ломоносова и где должен быть воздвигнут величественный ансамбль — памятник Владимиру Ильичу; на север — к площади Коммуны, ВДНХ и Общесоюзному телецентру; на северо-восток — через площадь Заставы Ильича к Измайловскому парку.

Проект реконструкции центра намечает значительное увеличение строительства в давно сложившихся частях города, разуплотнение существующей скученной застройки, более энергичную ликвидацию ветхих, отживших свой век строений, обогащение архитектуры улиц, площадей, набережных зелеными посадками.

Все чаще мы переходим от отдельных, выборочных, как выражаются архитекторы, зданий к крупным жилым комплексам. Напомню об экспериментальном квартале № 10 в Новых Черемушках или о квартале с поэтическим названием «Лебедь» в Ленинградском районе.

Проспект Калинина, широкая, ровная артерия, соединяющая Садовое кольцо с Арбатской площадью, явился удачным опытом пробивки первоклассной магистрали в живой ткани города. Четыре административных 25-этажных здания (недавно в них переехало несколько министерств), пять многоэтажных жилых домов, отлично оборудованные магазины, рестораны, кафе, вместительный киноконцертный зал «Октябрь» — все это вместе с только что завершенным высотным корпусом СЭВ и образовало первую половину проспекта.

А как с отрезком между Арбатской площадью и Кремлем? Пройдут считанные годы, и вторая половина магистрали станет явью. Добавлю, что градостроители думают не только о самом проспекте, но и о переустройстве прилегающих кварталов.

Пока еще нет законченного, отшлифованного решения, проектанты во главе с главным архитектором города М. В. Посохиным ведут поиски. Но в рисунках и макетах архитекторов, в планировочных схемах, в экономических выкладках угадывается прямая, как стрела, озелененная на всем протяжении трасса, угадывается преображенная, раздвинувшая свои границы Арбатская площадь, в центре которой воздвигнут Дом мира и дружбы народов с громадным залом для массовых собраний, митингов, ансамблей.

Прежде всего ставится задача расширить наиболее узкую часть проспекта — за счет южной его стороны. Некоторые дома снесут, а памятник архитектуры — главный дом ансамбля городской усадьбы конца XVIII — начала XIX века, в котором сейчас размещается Музей архитектуры имени Щусева, передвинут в линию с библиотекой имени В. И. Ленина. В результате проспект от Москвы-реки до Кремля будет иметь ширину, обеспечивающую движение транспорта в три-четыре полосы в каждом направлении.

Я рассказал о начальной стадии работ. А вот задумка, рассчитанная на более отдаленное будущее и нуждающаяся еще в градостроительном и экономическом обосновании,— архитекторы хотят сделать Арбатскую площадь двухъярусной: нижний, подземный, ярус отдать транспорту, вестибюлям метро, стоянкам автомобилей, а верхний, наземный, покрытый зеленью, цветниками, — пешеходам. Повторяю, здесь нужны всесторонние исследования.

Центр Москвы с его проспектами, площадями и набережными, с парками, садами и бульварами должен составлять гармоничное единство, в котором новое и все ценное старое, говорящее об истории города, живут вместе. Авторы проекта планировки и застройки Новокировского проспекта (руководитель группы П. П. Штеллер) учитывают, в частности, что на будущей магистрали находится свыше ста памятников русского зодчества, в том числе творения Баженова, Жилярди, Зарудного. Вписать их в современный ансамбль — дело, требующее высокого мастерства.

Новокировский проспект возьмет начало у площади Дзержинского и закончится Комсомольской площадью. Являясь одним из лучей звездообразной композиции центра, направленным на северо-восток, магистраль как бы продолжит юго-западное направление — Ленинский проспект и составит вместе с ним главный диаметр центральной части столицы и города в целом. Возникнет важная транспортная артерия Москвы, которая свяжет узел трех вокзалов с центральной частью города.

Характерной чертой Новокировского явится то, что в отличие от проспекта Калинина он вберет в себя немало построенных в разное время и разными архитекторами значительных зданий, таких, как ЦСУ — произведение знаменитого Ле-Корбюзье, Министерства авиационной промышленности, Министерства сельского хозяйства, гостиницы «Ленинградская» и других. Добиться, чтобы все они вместе с новыми зданиями составили единое целое,— долг проектировщиков. Еще одна особенность: на многих участках проспект пройдет параллельно старой улице Кирова, а кое-где, например, в районе Тургеневской площади, пространственно с ней объединится.

Приведу некоторые показатели недавно одобренного исполкомом Моссовета проекта: протяженность Новокировского — два с половиной километра, ширина — от 50 до 80 метров. Это будет в полном смысле слова деловая магистраль, в основном занятая ведомствами. Жилых домов на ней сравнительно мало. Достаточно сказать, что тут построят около 360 тысяч квадратных метров полезной площади административно-общественных зданий и только 55 тысяч квадратных метров жилья.

Опыт зарубежных столиц, да и наш, московский, говорит, что деловые улицы живут только днем, а по вечерам, когда учреждения закрываются, замирают, как бы выключаются из шумной городской жизни. Чтобы избежать этого, было решено отдать первые этажи Новокировского под рестораны, кафе, магазины. На магистрали поднимется одна из самых больших в Москве гостиниц. Распахнутся двери выставочных залов, кинотеатров.

Естественно, движение автомобилей будет весьма интенсивным — много тысяч машин в час в каждую сторону. Инженеры разработали систему развязок в двух уровнях, включая транспортные и восемь пешеходных тоннелей. А пересечение проспекта с Садовым кольцом предложено в трех уровнях. На кольце построят эстакаду, подобную той, что создана на Самотечной площади, транзит пропустят в тоннеле, а местное движение — на поверхности. Не забыты и автостоянки, главным образом подземные, многоярусные, рассчитанные в общей сложности на пять тысяч машин.

В не очень далеком будущем Новокировский проспект станет одной из самых красивых и представительных артерий столицы. Контраст между новыми высотными зданиями и протяженными, словно распластавшимися, домами придаст проспекту выразительный облик.

Наступление на остатки дооктябрьской Москвы, сохранившиеся в виде переплетения узких улиц и переулков с покосившимися домами, идет в разных местах нашего города. Расскажу еще об одной магистрали, которая по своему градостроительному значению заслуживает того, чтобы отнести ее к числу важнейших.

Если из центра Москвы вы мчитесь на автомашине к Внуковскому аэропорту, то, миновав Малый Каменный мост, должны резко снизить скорость. Старая планировка города и нынешняя техника пришли в противоречие. Поворот на узкую Якиманскую набережную Водоотводного канала, затем — в Полянский переулок. Наконец, вы попадете на улицу Димитрова, к тому месту, где стоит церковь XVII века.

Улица невелика: ее длина — чуть меньше километра, а ширина — всего лишь 16—18 метров. Но улица эта — своего рода визитная карточка столицы, парадный путь для автомобильных кортежей, следующих с гостями Москвы из аэропорта, связующее звено между такими широкими и оживленными городскими магистралями, как проспект Маркса и Ленинский проспект. Естественно, в нынешнем виде она не отвечает запросам города. В повестке дня — коренная реконструкция, в результате которой навсегда уйдут в прошлое черты древней Якиманки.

Основываясь на практике последних лет, авторы проекта (руководители группы Д. И. Бурдин, А. Б. Гурков, Я. Б. Белопольский) задумали концентрированную застройку улицы, способную, подобно осуществленной застройке первой очереди проспекта Калинина, обеспечить максимальный градостроительный эффект в наиболее сжатые сроки. Проект не ограничивается фронтальной застройкой улицы, а предусматривает реконструкцию прилегающих территорий.

В общих чертах предстоящая реконструкция сводится к превращению улицы в подлинно столичную магистраль, достойную имени выдающегося деятеля мирового революционного движения Георгия Димитрова. Она спрямляется, получает непосредственный выход на Малый Каменный мост. Ширина ее доводится до 50 метров.

Западная сторона улицы полностью преобразится. В первую очередь тут возведут три крупных жилых комплекса общей площадью около 130 тысяч квадратных метров. Эти дома как бы раскроются на реку, на Крымскую набережную. На этой набережной, где сооружается комплекс Государственной картинной галереи СССР и вблизи которой проектируется высотное здание Министерства внешней торговли, создадут обширную зеленую зону. На восточной стороне улицы Димитрова возведут жилые комплексы общей площадью 250 тысяч квадратных метров.

Обновленную магистраль расчистят, освободят от малоценных строений. Отсюда выведут не связанные с центром столицы предприятия и учреждения.

Подлежит реконструкции и Октябрьская площадь. На ней построят многоэтажные здания Министерства внутренних дел, Госбанка, торговый центр, кинотеатр со зрительным залом на две тысячи человек, вторую очередь гостиницы «Варшава», «Гастроном», за прилавками которого одновременно станут двести продавцов, ресторан, способный сразу принять полторы тысячи посетителей.

...Я рассказал о трех магистралях, уже получивших, если так можно выразиться, благословение московских организаций. Но этим генеральный план отнюдь не исчерпывается. Реконструкция центра Москвы — сложнейшая градостроительная проблема, и нет такой стороны жизни города, которая не была бы так или иначе связана с нею. Программа развития Москвы включает, например, и прокладку магистрали от проспекта Маркса до Общесоюзного телевизионного центра и вторую очередь строительных работ на самом этом проспекте — в сторону Москвы-реки. И если сегодня ведутся лишь предварительные расчеты, экономические прикидки, набрасываются первые эскизы, то завтра они перейдут в стадию реального проектирования.

Квартира, дом, улица, район... Бесчисленное множество штрихов и деталей генерального плана складывается в картину прекрасного города коммунистического завтра.

НОВЫЕ РУБЕЖИ

С пристальным вниманием следили советские люди за работой пятой сессии Верховного Совета СССР седьмого созыва. Здесь были рассмотрены важные государственные вопросы.

Сессия утвердила Основы земельного законодательства СССР и союзных республик. Страна Советов располагает самыми обширными угодьями в мире — только за колхозами и совхозами закреплено свыше 540 миллионов гектаров. Землю, достояние народа, нужно беречь как зеницу ока. Недаром таким серьезным, поистине всенародным было обсуждение Основ. За те четыре месяца, пока оно шло, в Верховный Совет СССР поступило около трех тысяч предложений! И вот принят новый закон, который создает прочную базу для единообразного решения принципиальных, общих для всей страны вопросов землепользования...

Сессия обсудила и приняла Законы о Государственном плане развития народного хозяйства СССР и Государственном бюджете страны на 1969 год. В них определены рубежи четвертого года пятилетки.

В 1969 году:

— При общем росте производства промышленной продукции на 7,3 процента производство средств производства возрастет на 7,2 процента, а производство предметов потребления — на 7,5 процента.

— Почти на 90 процентов увеличится производство станков с программным управлением.

— Более 310 000 гектаров орошаемых и около 820 000 гектаров осушенных земель будет введено в действие.

— Свыше 15 000 километров автомобильных дорог с твердым покрытием будет введено в эксплуатацию.

— 116,4 рубля составит среднемесячная заработная плата рабочих и служащих. На 1969 год предусматривается размер оплаты труда рабочих, служащих и колхозников на уровне, ранее намечавшемся на 1970 год.

— Будет построено свыше 4 миллионов новых квартир.

Провожая 1968-й...

На этой неделе Московский Кремль стал свидетелем важного события в жизни России — сессии Верховного Совета РСФСР. Наш корреспондент задал двум депутатам один и тот же вопрос: «Чем порадовал вас 1968 год?»

АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ СЕМЕНОВ, председатель колхоза «Красный партизан», Ростовской области:

— Нелегким был год: дождей почти не было. Но колхозники потрудились отлично, и природа не смогла нам помешать. В будущем году по зерну пятилетку завершим. Шахтеры нам помогают. Нет, не шефство. На территории колхоза несколько шахт. Воду, которую оттуда откачивают, мы пускаем на полив. А это дает нам хороший урожай нормовой свеклы.

Сегодня звонил домой, и мне сообщили последнюю новость: «заселен» новый коровник, полностью механизированный, на 500 голов. Колхозники получили в этом году 700 тысяч рублей: за два года рост на 230 тысяч.

Вот и судите — удачный у нас был год или нет?

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ БОРДИНОВ, директор Фурмановской прядильно-ткацкой фабрики № 2 Ивановской области.

— Фабрика наша сейчас проводит экономический эксперимент. Задача такая: на базе материальной заинтересованности за три года резко повысить производительность труда — на 29 процентов и высвободить тысячу рабочих. Первый год эксперимента заканчивается. Результаты? Пожалуйста: производительность труда выросла на 11 процентов, зарплата рабочих — на 9,2 процента, высвободилось 350 человек. Все они заняты теперь на других работах. Сейчас на многих заводах и фабриках не хватает рабочих. Когда и другие предприятия перейдут на нашу систему, эта проблема не будет стоять так остро. Новый год мы встретили раньше срока. Годовую программу выполнили в дни работы сессии.

ФЕСТИВАЛЬ СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ

В эти дни внимание всех любителей музыки — а их десятки миллионов в нашей стране — приковано к IV съезду композиторов СССР. На открытии съезда в Колонном зале Дома союзов присутствовали руководители партии и правительства: товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев.

Открывая съезд, Герой Социалистического Труда композитор Д. Д. Шостакович сообщает собравшимся о награждении Союза композиторов орденом Ленина и выражает сердечную благодарность всей огромной многонациональной армии композиторов за эту великую честь и доверие.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев оглашает приветствие ЦК КПСС съезду композиторов, которое делегаты и гости встречают горячими аплодисментами.

С отчетным докладом о работе Союза композиторов за шесть лет после III съезда выступил первый секретарь правления Союза Т. Н. Хренников. Доклад «О массовом музыкальном воспитании» сделал Д. Б. Кабалевский.

В работе съезда приняли участие гости — видные музыкальные деятели многих стран.

На снимке: кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев оглашает приветствие ЦК КПСС IV Всесоюзному съезду композиторов.

Фото А. Гостева.

В печати опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами СССР участников восстания на болгарском крейсере «Надежда». Сегодня мы рассказываем об этом героическом восстании и о судьбе его участников.

МЫ — С РУССКИМИ

Это восстание вспыхнуло 50 лет тому назад — 15 декабря 1918 года в Севастополе. Экипаж болгарского крейсера «Надежда» потребовал, чтобы командир судна капитан-лейтенант Стателов явился в кубрик. За ним послали вестового. Тот вскоре вернулся и сообщил: капитан идти к матросам отказался и требует к себе Спаса Спасова.

— Нет, Спас, не ходи, пусть он сам придет сюда! — кричали матросы. — Именно здесь мы вручим ему ультиматум.

Что же случилось на болгарском крейсере? Какой ультиматум собирались моряки вручить Стателову?

Крейсер «Надежда» прибыл в Севастополь в сентябре 1918 года на ремонт. В Крыму тогда хозяйничали немецкие оккупанты. Капитан-лейтенант Стателов быстро нашел общий язык с оккупантами и с белогвардейцами. А когда немцы вынуждены были убраться из Крыма и полуостров захватили интервенты Антанты, Стателов изъявил готовность служить и им.

Однако революционно настроенные матросы «Надежды» решили помешать своему командиру. Несмотря на строгий запрет Стателова, моряки быстро вошли в контакт с севастопольскими рабочими. Особенно подружились они со слесарем болгарином Александром Васильевичем Рупчевым.

На корабле было несколько тесняков — предшественники болгарских коммунистов: Спас Спасов, Щерю Тодинов и другие товарищи. Они заходили к Рупчеву домой. По заданию городской подпольной большевистской организации он часто беседовал с надеждинцами. Вернувшись на корабль, Спас Спасов и Щерю Тодинов рассказывали матросам, за что борются русские братья под руководством большевиков. Революционное брожение на «Надежде» росло. На судне то тут, то там появлялись надписи: «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим»!, «Вся власть — Советам!».

Капитан встревожился не на шутку. Он сговорился с командованием интервентов о том, чтобы использовать крейсер «Надежда» для борьбы против Советской России. Узнав об этом, моряки возмутились до глубины души. Спас Спасов, Иван Георгиев и Щерю Тодинов, посоветовавшись с А. В. Рупчевым, решили создать революционный комитет, который должен был захватить корабль. К ним присоединились Христо Сакакушев, Митруш Гергинов и другие матросы. Был написан ультиматум. От Стате-

Сын таджикского народа

Жизнь Бободжана Гафурова неразрывно связана с историей его родного Таджикистана.

Сын батрака-садовода из окрестностей древнего Ходжента, он прошел путь от босоногого мальчика-батрака до крупного общественного деятеля, выдающегося ученого, активного борца за мир и дружбу народов, против колониализма.

Гафуров — один из тех, кто укреплял Советскую власть в Таджикистане, один из первых партийных журналистов таджиков, неутомимый партийный работник предвоенных лет. С 1946 по 1956 год он бессменно работал Первым секретарем ЦК Компартии Таджикистана, возглавлял борьбу партийной организации нашей республики за подъем и расцвет народного хозяйства и культуры.

Подлинный интернационалист, страстный пропагандист дружбы народов, человек большого сердца, тысячами нитей связанный с народом, — таким узнал и полюбил Бободжана Гафурова наш Таджикистан.

Еще в годы партийной работы в нем проявилась сильнейшая тяга к науке. Его труды по истории Таджикистана, народов Средней Азии явились не только большим вкладом в академическую науку. Они открыли вчерашним неграмотным дехканам драматически насыщенную историю их родины, наполнили их новым и ярким чувством патриотической гордости за свой народ.

Бободжан Гафуров — директор Института народов Азии. Он многократно выезжал в различные страны Востока и Запада, достойно представляя советскую науку.

Плодотворна работа Б. Г. Гафурова в качестве заместителя председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки и члена постоянной комиссии по вопросам науки, культуры и образования Верховного Совета СССР, депутатом которого он является, будучи избран трудящимися Таджикистана.

Б. Г. Гафуров — автор многочисленных работ по истории Востока и истории национально - освободительного движения народов Азии и Африки. Тов. Б. Г. Гафуров является членом различных научных обществ многих зарубежных стран. Совсем недавно он был избран членом Индийского комитета по международным культурным связям.

Б. Г. Гафуров — главный редактор советского журнала «Азия и Африка сегодня». За большие заслуги перед советским народом Б. Г. Гафуров награжден шестью орденами Ленина.

Научная и общественная деятельность Б. Г. Гафурова представляет его как крупного ученого — историка-марксиста, воспитателя кадров ученых Средней Азии, выдающегося научного организатора, пламенного большевика, борца за мир, дружбу народов и независимость угнетенных народов Востока.

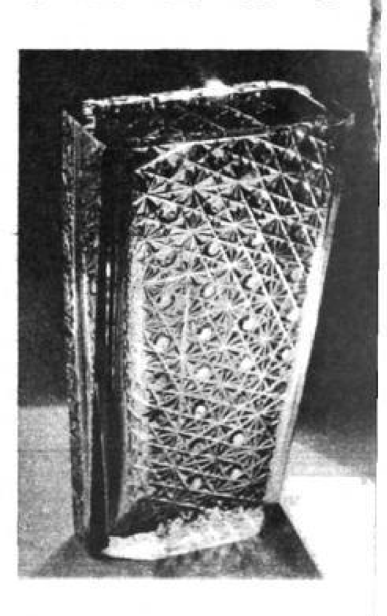
В ноябре 1968 года Б. Г. Гафуров избран действительным членом Академии наук СССР.

Свое шестидесятилетие Б. Г. Гафуров встречает в расцвете творческих сил.

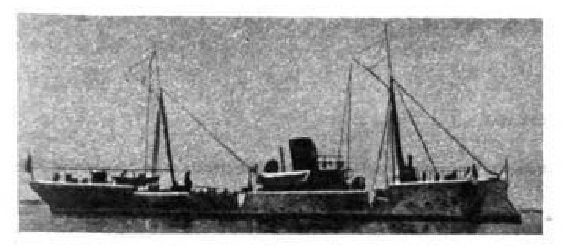
Я хочу пожелать Бободжану Гафуровичу от своего имени и от имени его таджикских друзей новых успехов в славном и благородном деле, которому он посвятил всю свою жизнь.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

ЗНАКО

Приз журнала «Огонек», который будет разыгран на международном женском турнире по гандболу.

Крейсер «Надежда».

БРАТЬЯМИ

Спас Спасов с дочерью за несколько лет до своей кончины.

лова требовали немедленно передать командование кораблем в руки революционного комитета.

...Наконец в кубрике появился капитан-лейтенант Стателов.

— По какому поводу построились? — зло спросил он.

— Мы решили предъявить вам ультиматум,— вышел вперед портупей-юнкер Спас Спасов.

— Какой еще ультиматум? Бунтовать вздумали? Большевистским духом заразились? — орал побагровевший Стателов.— Всех арестовать!

— Домой! Мы не желаем воевать против русских братьев! — твердо заявили матросы.

И тут же Спас Спасов объявил о том, что власть на корабле переходит в руки революционного комитета.

Так началось восстание на крейсере «Надежда». Но с самого начала восставшие допустили две ошибки: во-первых, не арестовали Стателова и, во-вторых, не изолировали его приспешников — мичмана Бакырджиева и двух кондукторов.

О том, чтобы пробиться сквозь корабли интервентов, блокировавшие бухту, не могло быть и речи. А. В. Рупчев, к которому надеждинцы обратились за советом, решил с помощью городской подпольной большевистской организации вывести экипаж с судна и переправить его через линию фронта к частям Красной Армии. Но когда Спас Спасов и его товарищи вернулись на корабль, чтобы взять оружие, боеприпасы, продовольствие, оказалось, что мичман Бакырджиев с двумя кондукторами припрятали оружие. Началась борьба. В схватке был убит Бакырджиев. Кондукторов связали. Услышав выстрелы, к кораблю направились интервенты, которые следили за мятежным крейсером. Но надеждинцы заявили: «Здесь болгарская территория. Кто попытается силой взойти на крейсер, будет уничтожен!»

Однако силы были неравны. Надеждинцев схватили и привели на английское судно «Темерер». Сам Стателов срывал с восставших погоны. Потом арестованных перевели на миноносец «Фюри», который взял курс на Варну. Несмотря на строгую секретность рейса, в Варне собралась огромная толпа, которая приветствовала восставших.

Процесс над восставшими начался 21 апреля 1919 года, а закончился 26-го. Около здания суда собирались толпы народа, требовавшие: «Свободу надеждинцам!». Руководитель восстания Спас Спасов был приговорен к смертной казни, остальные матросы — к тюремному заключению на разные сроки.

Надеждинцы встретили приговор достойно. Взявшись за руки, они пели «Интернационал».

Болгарские патриоты помогли Спасу Спасову бежать из тюрьмы и переправиться за границу. Он хотел вернуться в Советскую Россию, но это ему не удалось. Долгие годы скитался он по разным странам и вернулся на родину уже седовласым старином, после установления демократического строя.

Ежегодно в декабре надеждинцы собираются и вспоминают о том, как они в 1918 году протянули руку братской солидарности русским товарищам. В нынешнем году на этой традиционной встрече не будет Спаса Спасова — он недавно умер. Советским орденом Красного Знамени Спас Спасов награжден посмертно.

Восстание на крейсере «Надежда» получило большой резонанс не только в Болгарии, но и далеко за ее рубежами. В те дни, когда в Варне судили надеждинцев, в Севастополе подняли волнения французские моряки. Это было достойным продолжением подвига болгарских моряков.

М. ОЗЕРОВ

Ученый, учитель

Академику Константину Ивановичу Скрябину, крупнейшему советскому гельминтологу,— 90 лет.

Трудно переоценить его заслуги перед наукой. Достаточно сказать, что из его учеников и последователей больше ста человек стали докторами наук и около двух с половиной тысяч защитили кандидатские диссертации.

Мы попросили одного из учеников академика Скрябина, члена-корреспондента Академии наук СССР Константина Минаевича **РЫЖИКОВА**, рассказать о своем учителе.

На мою долю выпало счастье учиться непосредственно у Константина Ивановича и близко с ним общаться. И, может быть, именно потому, что я знаю его хорошо, мне трудно коротко рассказать о нем.

Вспоминаю, как я попал к Константину Ивановичу. Незадолго до начала Великой Отечественной войны я увлекся гельминтологией — наукой, по существу, созданной академиком Скрябиным. Война, фронт прервали занятия. После демобилизации я работал преподавателем биологии в средней школе, начал опять проводить те опыты по гельминтологии, которые вел до войны. Понятно, что у меня возникла масса трудностей, и я решился написать о них академику Скрябину. Надо сказать, что до войны я встречался с ним всего лишь раз. И вдруг ответ — длинная обстоятельная телеграмма. Скрябин сообщал, что помнит меня, что ценит мой интерес к гельминтологическим исследованиям. Тут же сообщал, что организует в системе Академии наук Союза гельминтологическую лабораторию и предлагает мне поступить в аспирантуру с тем, чтобы продолжить работу над начатой до войны диссертацией.

Надо ли говорить, что эта телеграмма определила мой жизненный путь. Я стал ученым-гельминтологом, одним из огромного числа учеников академика Скрябина.

Мне приходилось много работать в экспедициях, которыми руководил Константин Иванович. Кстати сказать, метод экспедиционных исследований — это один из основных методов школы академика Скрябина.

Работа в экспедициях удивительно интересна. Здесь большие возможности для новых открытий, находок, постоянно сталкиваешься с интересными загадками. Под его руководством мы изучали паразитов — червей гельминтов, вызывающих серьезные заболевания и у животных среднеазиатских пустынь и у животных Крайнего Севера. Собранные материалы, научные труды академика Скрябина имеют колоссальное значение для медицины и ветеринарии.

Не могу не сказать еще об одной черте этого большого ученого — о чувстве оптимизма, о его глубокой вере в успех благородного дела, которое он осуществляет, в успех науки, лидером которой он является.

Это чувство никогда, ни при каких обстоятельствах не покидает его. В день его девяностолетия хочется ему от души пожелать, чтобы чудесное чувство оптимизма, которым он так богато наделен, сопутствовало ему еще долгое, долгое время...

МЬТЕСЬ: ГАНДБОЛ!

У каждого спорта своя судьба, и притом не всегда счастливая. Есть такие баловни судьбы, как футбол или баскетбол, они всегда на виду, с ними знакомы миллионы. А вот их ближайшему родственнику — гандболу — у нас не повезло, многие не знают, что это за игра, и удивляются, когда слышат такие характеристики: «Да это же футбол, только в него надо играть руками». Или: «Да это же разновидность баскетбола, только мяч поменьше и забрасывать его надо не в корзину, а в ворота...»

Словом, гандбол до сих пор оставался в тени, на заднем плане. А вместе с тем у него немалая история, а точнее, сразу три истории. Первая начинается в 1898 году, когда датчанин Нильсон изобрел гандбол — игру для женщин — 7 x 7. Спустя два десятка лет команды стали выступать в составе не 7, а 11 человек, а затем мир снова вернулся к варианту 7 против 7, и теперь в этот гандбол играют всюду.

Первый чемпионат мира для женских команд был проведен в 1957 году, и золотые медали завоевала команда Чехословакии. В 1962 году чемпионками мира стали румынские спортсменки, а наша команда, впервые принявшая участие в чемпионате, оказалась шестой. Победу в третьем чемпионате мира, в котором советские гандболистки не участвовали, одержала команда Венгрии. А вот четвертый мировой чемпионат, который должен был состояться в декабре в Советском Союзе, сорван по вине политиканов из международной Федерации. В ответ на абсолютно не обоснованные причины срыва соревнований, не имеющие никакого отношения к спорту, Федерация ручного мяча СССР проводит в Москве международный турнир шести команд: Венгрии, Румынии, ГДР, Польши, Болгарии и СССР. По силе это соревнование не уступает первенству мира: ведь представительницы социалистических стран — законодательницы самого современного гандбола — атакующего, динамичного.

Мы убеждены, что эта прекрасная игра завоюет сердца наших зрителей и в первую очередь понравится болельщикам баскетбола: все же гандбол ближе всего именно к нему, недаром старший тренер сборной команды СССР — бывший баскетболист Л. Гуревич.

Сборная команда страны, несмотря на свою молодость, достигла немалых успехов. В ее боевом списке победа на «Кубке Загреба». Обладателями кубка европейских чемпионов были гандболистки команды «Луч» (Москва) и дважды спортсменки наунасского «Жальгириса». Летом нынешнего года команда СССР завоевала в Югославии «Кубок Ташмайдана». Теперь наша команда, в которую входят спортсменки Москвы, Киева, Свердловска, Баку и Каунаса, встретится с лучшими командами мира в Москве. Победительницам будет вручен приз журнала «Огонек».

Н. СУСЛОВ,
ответственный секретарь Федерации ручного мяча СССР

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОГОНЬКА»

Советские ученые рассказывают читателям «Огонька» о том, кто мешает созданию европейской безопасности.

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И НАТО

Игорь БЛИЩЕНКО, профессор, доктор юридических наук.

ВОПРОС. Какое влияние оказала сессия Совета НАТО в Брюсселе на проблемы европейской безопасности?

ОТВЕТ. Брюссельская сессия НАТО провозгласила программу закрепления раскола Европы и противопоставления одних европейских государств другим.

Государственный секретарь США Д. Раск заявил «в развитие» положений коммюнике, что независимые и суверенные государства — Австрия и Югославия, видите ли, «входят в сферу интересов» НАТО. Это заявление вызвало самый резкий отпор. Канцлер Австрии Клаус заявил: «Австрия не является чьей-либо сферой влияния»,— а президент Югославии И. Тито опроверг провокационные заявления о том, что Югославия якобы нуждается «в защите» НАТО.

В Брюссельском коммюнике нет ни единого слова, осуждающего реваншистские устремления Бонна. Более того, министры иностранных дел стран — членов НАТО продолжают настаивать на непризнании ГДР, что усиливает напряженность в центре Европы и мешает решению проблем европейской безопасности.

Брюссельское коммюнике открывает новый этап гонки вооружений, предлагая членам Атлантического блока увеличить военные ассигнования и наращивать вооруженные силы.

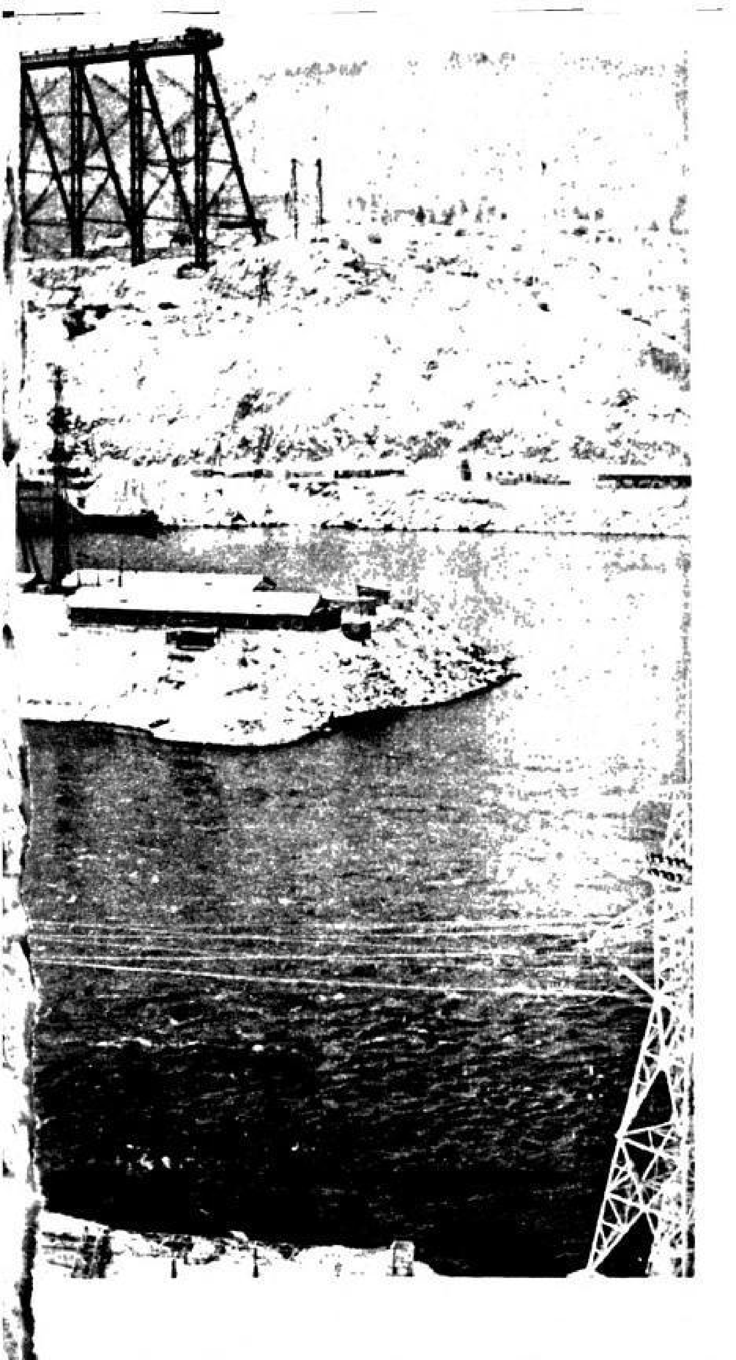
Таким образом, главный итог сессии — это демонстративное стремление НАТО усилить напряженность и угрозу европейской и международной безопасности, проводить обанкротившуюся политику с позиций силы. Вот почему сегодня необходимо всячески крепить организацию Варшавского договора — надежный щит социалистического содружества, мобилизовать все силы общественности на борьбу за претворение в жизнь реальной программы европейской безопасности, сформулированной на совещании европейских коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах в 1967 году.

●

Виктор ГЛАДЫШЕВ, доцент, кандидат юридических наук.

ВОПРОС. За последние годы в ФРГ происходит рост сил неонацизма. Чем это угрожает европейской безопасности?

ОТВЕТ. Рост сил неонацизма и реваншизма в ФРГ непосредственно связан с деятельностью НАТО. Именно НАТО поощряет гонку вооружений в Европе, вселяя новые надежды западногерманским милитаристам.

22 декабря —
День энергетика

Нет, не утопия!

Над Енисеем, в морозном краю, возвышается грандиозная плотина Красноярской ГЭС. Первые два ее агрегата вступили в строй в канун 50-летия Октября. В нынешнем году введены еще две турбины. С начала года гидростанция выработала более двух с половиной миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Красноярская ГЭС, плотину которой вы видите на снимке, занимает заметное место в ряду других советских электростанций. И, поздравляя советских энергетиков с праздником, хочется снова вспомнить страницы истории.

...В январе 1920 года в промерзшей Москве, в городе, который лихорадили голод и эпидемии, В. И. Ленин пишет свое знаменитое письмо об электрификации России. Герберт Уэллс сказал тогда: Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех «утопистов», в конце концов сам впал в утопию, в утопию электрификации. Однако всего 15 лет спустя Анри Барбюс уже имел возможность так сказать об Уэллсе: «Как жаль, что он не может навсегда вымарать из своих произведений эту страницу: за нее теперь так сурово разделывается с ним в СССР каждый школьник!»

За 1920—1921 годы на электростанциях страны было введено всего 12 тысяч киловатт. Но настало время, когда была воздвигнута Волжская ГЭС имени В. И. Ленина мощностью 2,3 миллиона киловатт... А потом пришел черед Братской и Красноярской гидростанций. Сейчас на Назаровской ГРЭС испытывается турбогенератор мощностью 500 тысяч киловатт. Нигде в мире на тепловых электростанциях еще нет турбогенераторов, подобных назаровскому. Мы вводим в строй энергоблоки на 800 тысяч киловатт, создаем турбогенератор мощностью 1 миллион киловатт, один такой мог бы дать свет для двухмиллионного города. На очереди создание сложнейшего комплекса оборудования для выработки электроэнергии в еще более крупных масштабах, для передачи десятков миллионов киловатт на расстояния в тысячи километров.

Может, через десять—двадцать лет красноярский гигант не будет казаться нам уникумом и займет более скромное место в ряду советских электростанций. Советские люди превратили бывшую темную Россию в страну электрическую. Все это еще раз подтверждает: ленинский план ГОЭЛРО никогда не был утопией.

Фото Ю. Бармина (ТАСС).

Сейчас неонацистские силы в Федеративной Республике Германии группируются вокруг так называемой национал-демократической партии (НДП). Каждый ее третий член входил в состав гитлеровской фашистской партии. Выступив впервые на политической арене в феврале 1965 года, НДП сейчас уже располагает поддержкой миллиона восьмисот тысяч избирателей. Ее нынешний руководитель Адольф фон Тадден заявляет, что в 1969 году он будет иметь 50 мест в бундестаге, а еще через четыре года — государственную власть. «Политическое здоровье Западной Германии,— писала английская «Таймс»,— ухудшается. Это вызывает законное беспокойство. Национал-демократическая партия консолидирует свои силы в общенациональном масштабе более успешно, чем это удавалось какой бы то ни было правой партии со времен войны».

Создавая благоприятную атмосферу для неонацистов, боннские власти преследуют демократические и прогрессивные организации. Правящие круги ФРГ по-прежнему стремятся к ядерным арсеналам и выискивают предлоги для затягивания подписания договора о нераспространении ядерного оружия.

Вполне понятно, что было бы в высшей степени неосмотрительным недооценивать отмеченные факторы, могущие привести к драматическому развитию событий в Европе и во всем мире. Именно тревогой за судьбы мира и безопасность миллионов людей в Европе и в других частях планеты продиктована твердая и бескомпромиссная позиция Советского Союза в оценке тех процессов, которые развиваются в центре Европы.

●

Виктор МЕНЖИНСКИЙ,
профессор.

ВОПРОС. Каковы юридические основания незыблемости границ послевоенной Европы?

ОТВЕТ. Бонн и его покровители в последнее время усилили атаки против существующих европейских границ, в первую очередь против границы по Одеру и Нейсе. Те территории в Восточной Европе, на которые претендуют боннские реваншисты, официально именуются во всех документах ФРГ не иначе как «восточными областями, временно находящимися под иностранным управлением».

Нынешние европейские границы были установлены не случайно, а глубоко обдуманно и сознательно, с учетом прошлого, настоящего и будущего, с учетом уроков истории международных отношений и на основе общепризнанных принципов международного права.

На Крымской конференции союзники определили в качестве своей неизменной цели уничтожение германского милитаризма и нацизма и обязались следить за тем, чтобы Германия уже никогда больше не смогла нарушить международный мир. Потсдамские соглашения подтвердили, что их целью является осуществление указанной декларации Крымской конференции о Германии. В этом отношении Потсдамские соглашения являются юридическим основанием новых границ в Европе, и в частности границы по Одеру и Нейсе.

Реваншистские политики и юристы в ФРГ пытаются до сих пор отрицать за Потсдамскими соглашениями такое значение. Они утверждают, что границы по Одеру и Нейсе якобы не являются окончательными, что эти границы могут быть определены лишь в мирном договоре.

Совершенно неверен взгляд, что окончательное определение границ возможно только в форме мирного договора. Юридическое оформление вопроса о новых границах в мирном договоре носит лишь декларативный характер, поскольку мирный договор не создает, а лишь констатирует фактически сложившееся в результате поражения агрессора в войне положение вещей.

Практика международных отношений показывает, что вопросы о границах с юридической точки зрения обычно решаются следующим образом. На первом этапе территория разделяется и соответствующим актом устанавливается над ней суверенитет определенного государства. Этот этап именуется «алокация», «атрибуция» или «разделение». Именно такое решение было принято в Потсдамском соглашении, которое определило территории, подлежавшие передаче Польше как «бывшие немецкие территории», в то время как двумя месяцами ранее, в Декларации от 5 июня 1945 года, говорилось еще об областях, образующих «в настоящее время часть немецкой территории».

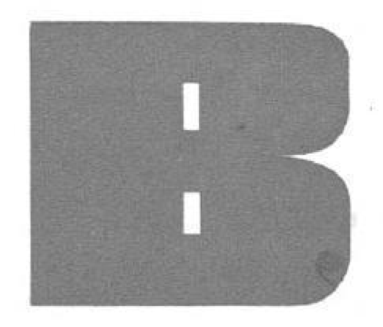
На втором этапе проводится «окончательное определение» границы, в ходе которого речь идет о договорном описании установленной и существующей границы. К этому необходимо было приступить на мирной конференции, но, учитывая конкретное историческое развитие, которое привело к образованию двух самостоятельных германских государств, этот этап был осуществлен договором между ГДР и Польшей от 6 июля 1950 года в Згожельце.

Наконец, проводится сама демаркация границы, которая предусматривает осуществление всех работ на местности, определение расстояний и обозначение пограничными знаками границы и подписание заключительного протокола об обозначении границы. Этот акт был подписан 27 января 1951 года во Франкфурте-на-Одере.

То обстоятельство, что ГДР не признана некоторыми государствами де-юре, ничего в действительности не меняет, так как ГДР существует по воле ее народа как независимое суверенное государство.

А. СТАРКОВ

ДВЕ ЗАПИСИ
ИЗ ЖУРНАЛИСТСКОГО
БЛОКНОТА

списке с

Осень 1966 года. Казань

Ездил сегодня в Зеленодольск с Нафиговым. Рафик Измайлович—доктор исторических наук. Молодой доктор — 37 лет.

В университете знают и чтут историю своей alma mater. С кем ни встретишься — с математиками ли, физиками, химиками, биологами, юристами — и о чем ни поведешь разговор, он обязательно коснется так или иначе прошлого, истоков, учителей. Ну, а уж историки... историки, по какому бы периоду они ни специализировались — по древнейшей ли древности, по средним векам, по нашей животрепещущей современности,— все они непременно занимаются историей университета. Но прежде всего и больше всех, конечно, историки партии, кафедра, которой заведует профессор Нафигов.

Я разговаривал с аспирантом Виктором Скворцовым. Он только что вернулся из многомесячной поездки по архивам наших северных областей, в которую отправился на другой день после защиты диплома, не давая себе отдыха. Он спешил на розыск предположительно находящихся в Архангельске и Вологде рукописей Федосеева, руководителя казанских революционных кружков, в одном из которых участвовал и студент Ульянов. К сожалению, пока бумаги не обнаружены, но проступило несколько ниточек, по которым можно продолжить поиск.

На столе у Рафика Измайловича рядом с телефонным списком лежит под стеклом список студентов. 256 фамилий. Но это студенты не нынешние, а 1887 года. Участники знаменитой сходки 4 декабря. Не сразу да и не за один год составился этот перечень. Была работа в архивах, было тщательное сличение донесений, показаний, воспоминаний. И список точный. Но до последнего времени не удавалось детально расшифровать его, проследить, в частности, судьбы этих людей, разыскать их потомков. И вдруг случай. В Ленинскую комнату, маленький университетский музей, открытый для всех, пришел человек, который долго стоял возле стенда с первым полицейским донесением о сходке 1887 года. В данной бумаге обозначено 39 студентов, исключенных из университета уже в самый день бунта, ибо их виновность, как сказано, «не подлежит сомнению». Фамилии по алфавиту. Тридцать пятым — «Ульянов Владимир Ильич — юридич. ф», а восьмым — «Дударь Михаил Сосипатров — медиц. ф». Человек, склонившийся над стендом, был сын того Дударя.

Мы ездили к нему в Зеленодольск. Это в сорока километрах от Казани.

...Почти вся семья в сборе. Нет лишь Володи, старшего сына, он в командировке.

Дмитрий Михайлович ходит по комнате, прихрамывая, как бы припадая на обе ноги.

— В шесть лет — детский паралич. Врачи присудили чуть ли не к пожизненному постельному режиму. Но какой там режим, если я в голодную пору остался после смерти отца единственным мужчиной в семье! А было мне тринадцать... Не слушались, не слушались ноги, а потом пошли понемножку. Посчитали, что сопротивление бесполезно, все равно заставлю их ходить. И вместо постели всю жизнь на строительных площадках. Инженерного диплома нет, техникум окончил, инженер по должности, практик. За тридцать-то лет пол-Зеленодольска отстроил.

Про отца:

— Сохранилась фотография. Вот взгляните. Сестры говорят, что я похож на него. По снимку это не очень видно. Отец был жгучий брюнет, какового во мне уже трудно угадать. Разве только по бровям, они еще не поседели... Он тут в форме акцизного чиновника. Было такое ведомство, взимавшее налоги с табака, сахара, вина и спичек. Отец служил контролером при спирто-водочном заводе. В его функции входили не только налоги, но и контроль за кондицией спирта. В том смысле, чтобы водичкой не разбавляли. У него были специальные такие клещи, которыми он ставил пломбы на бочках. Этот инструмент памятен мне, поскольку я им однажды запломбировал себе пальцы так, что пришлось тащить к доктору... Имея дело с вином, отец сам в рот не брал хмельного. И не курил. Должности своей держался потому, что она предоставляла ему определенную независимость: он никому не подчинялся в городке. Начальство из губернии наезжало изредка, и эти дни были для отца самыми тягостными. Он ни в какой форме не терпел чинопочитания. Необходимость хоть в малой степени угождать власть имущим претила ему.

Мы жили в Мамадыше, уездном городишке. Знали, что отец учился когда-то в Казани, в университете. А почему прервал образование, уехал, не рассказывал. Казанский период был закрытой зоной в домашних разговорах, переступать которую не полагалось никому, даже маме. У меня осталось в памяти смутное ощущение какой-то беды, какой-то тучи, постоянно висевшей над семьей. Вроде бы это и ни в чем конкретно не сказывалось и все же невидимо давило. А раз и проявилось. Когда я болел, отнялись ноги и нужно было везти меня к врачам в Казань, обсуждалось, кто поедет со мной, и отец, помню, сказал матери: «Ты же понимаешь, что мне там нельзя показываться».

Теперь-то я вижу по документам, что после декабрьской студенческой сходки его не только исключили из университета, а посадили в тюрьму и выслали на родину, в Мензелинск, сначала без права выезда, а затем со смягчением: минус двенадцать, с запретом жить в университетских городах. Но, насколько мне известно, он уже не жил больше ни в каких крупных городах — лишь в уездных. Из Мензелинска в Ядрин, оттуда с молодой женой в Чистополь и затем в Мамадыш. Видимо, переводили по службе... Служба всегда находилась у него где-то на втором плане. Он ее терпел, не более, отбывая, как повинную. Не служба в акцизном ведомстве, а служение искусству наполняло его жизнь. Истинная привязанность, страсть — театр. Вот бог, которому он поклонялся. И явственней, чем внешний облик, мне запомнился голос отца, хотя я слышал его последний раз сорок пять лет назад, и, между прочим, на репетиции, но какая это была репетиция, я скажу позже... Мне и сейчас слышится, как читает он нам по вечерам книги. Нашу домашнюю библиотеку, а она была немалой, мы, можно сказать, не прочли, а прослушали из уст отца. Он читал и на любительских концертах. Играл в любительских спектаклях. А вскоре после революции сбылась его мечта — стать профессиональным актером.

Как я сейчас понимаю, у отца было достаточно оснований, чтобы замкнуться, залечь в берлоге, озлобиться на мир. Жизнь-то ему сломали. Но сам он не сломался. Сколько себя помню, в доме всегда было шумно, людно. У нас и своих-то хватало, за обеденный стол садилось десять человек: папа с мамой, бабушка, тетушка, шестеро ребят. А тут еще постоянно заходили друзья отца по драмкружку, по хору. Репетиции, спевки. Наверно, было и что-то другое. В точности сказать про это не могу: мал был. И все же думаю, что не случайно в тот предзимний октябрьский денек, когда на площади перед солдатской казармой поставили трибуну, обитую кумачом, именно отец вышел на возвышение и что-то долго и восторженно говорил толпе, взмахивая фуражкой, и на руке у него была красная повязка, такая же по цвету, как на трибуне. Многих слов, которые он произнес тогда, я не понял, а слово «революция» уже знал... Потом пришли белые, отец покинул город, год мы жили без него, он скитался где-то в Сибири.

Он вернулся с возвращением красных. В нашем доме размещался штаб полка, взявшего Мамадыш. Комиссар, зная пристрастие отца, предложил ему организовать театр, который назвали Красноармейским. Собралась профессиональная труппа. Спектакли шли в бывшем особняке фабриканта Щербакова. Отец был режиссером и играл. В «Оводе», в инсценировке, которую сам и написал по роману, хотел сыграть Артура. Но в театре появился молодой актер Нежданов, и отец, которому было уже за пятьдесят, уступил ему эту роль, сыграв падре. А в «На дне» — Луку. Ставили Островского, и я, помню, помогал отцу напяливать толщинку, стеганый жилет, какие носили купцы. Спектакли шли с аншлагом, зрители съезжались со всей округи, из далеких городов. Да и труппа выезжала на гастроли... Но вскоре людям стало не до театра. Голод охватил Поволжье. И отец решил ехать на Украину. Дед наш Сосипатр был, кажется, выходец из-под Полтавы, почтовый чиновник... Вот удостоверение, выданное отцу на дорогу: «Предъявитель сего артист Дударь Михаил откомандировывается в распоряжение Миргородского политпросвета. С Дударем едет его семейство: жена Евдокия и дети Нина, Зоя, Лариса, Валентина, Дмитрий». И сохранился еще профсоюзный билет за № 1065: «Профессия — актер. Специальность — драма. Место службы — Красноармейский дворец города Мамадыш».

Месяца полтора добирались. Как ехали, смутно помнится. Не езда была тяжкой — пересадки, которые слились в памяти в одну сплошную мучительную пересадку. И багажа нашего становилось все меньше и меньше. Часть у нас украли — на Царицынской пристани сразу два чемодана стянули,— да мы так намыкались с багажом, что уже и не очень-то жалели о потерянном. Часть вещей продали, обменяли на пропитание. Но книги, которые отец захватил с собой, все сберегли. Он готовился к новым спектаклям. Учил в теплушке роль Несчастливцева, и спутники по вагону с удовольствием слушали его, забывая о своих дорожных горестях. Первой он собирался поставить в Миргороде пьесу в стихах, которая называлась «Сокол и ворон». Ни автора, ни содержания не помню, хотя мы с сестрами помогали отцу репетировать ее, подыгрывали. Среди прочего текста там были строки:

Есть вороны, которые падаль клюют.
И соколы есть, что с налета бьют.

Я запомнил эти слова, вероятно, потому, что они были последними, услышанными мной из уст отца. Где-то на перегоне перед Полтавой он проснулся вдруг среди ночи, разбудил мать, сказал, что ему плохо, нестерпимо болит сердце, сказал, чтобы ребят разбудила, и, услышав наши голоса, затих, умер. На стоянке в Полтаве тело вынесли из вагона и увезли в город. Поезд стоял сутки, мама отправилась в морг, но отца уже похоронили. И мы поехали с тем же поездом дальше, не делая пересадки на Миргород. Боялись расстаться с вагоном, с крышей над головой. А ехать без отца нам было все равно куда. Мы оказались в Кременчуге — поезд не шел дальше...

Это было сорок пять лет назад, и мне испол-

Ульяновым

нилось, как я уже сказал, тринадцать. Выкарабкались мы тогда, выжили. Сейчас нас четверо: сестры и я. Две завершили, можно считать, высшее медицинское образование, начатое в свое время отцом, который дошел до второго курса. Нина врачом в Свердловске, Валя — в Тюмени. А Лариса окончила филологический, журналистка, живет в Москве...

— Лариса Михайловна Дударь?— уточняю я.

— Вы знакомы?

— Она работала когда-то в «Огоньке». Я не застал ее, но наслышан. И знаю ее сына Андрея, он ведь тоже журналист.

— Вот видите, тесен мир!

В семье зеленодольских Дударей три поколения и четыре профессиональных клана. Строители: глава семьи и его сноха Лида, дипломированный инженер. Металлисты: сын Михаил, тезка деда, выпускник Ижевского механического института; другой сын, Евгений, разметчик, и его жена Люда, техник-конструктор. Медики: Валентина Федоровна, хозяйка, работающая статистиком в больнице, и невестка Нонна, хирург. В одиночестве лишь сын Владимир, мебельщик, окончивший Поволжский лесотехнический институт, который отпочковался когда-то от Казанского университета. Так что у внука с дедом одна alma mater — кормящая мать, только деда она недокормила...

...Возвращаемся с профессором Нафиговым в Казань. Рафик Измайлович доволен поездкой.

— Любопытный материал для кафедры. Мы, историки, все в архивах больше, в документах... Но в каком архиве найдешь то, что я услышал сегодня? Людей искать, прослеживать их судьбы! Говорят, в Ленинградском университете то ли учится, то ли работает кто-то из потомков братьев Загржд. Они в списке исключенных, соседи Дударя: Иосиф — под номером девять, Николай — десятый. Оба с физико-математического факультета.

Осень 1968 года. Ленинград

В Ленинском сборнике, том II,— публикация А. Аросева «Первый шаг». Автор комментирует перечень 39 студентов Казанского университета, арестованных после декабрьской сходки 1887 года.

«...Если разбить весь вышеприведенный список на группы, руководствуясь временем поступления каждого в университет, то окажется, что первокурсников... было всего трое (среди них Владимир Ильич)...

Быть на сходке и подвергаться риску хватало мужества, как мы видим, у очень немногих из вновь поступивших. Те, кто пошел на сходку, были наиболее решительными и наиболее самостоятельными в своих поступках...

Если мы примем во внимание, что старший брат Владимира Ильича, Александр Ильич, народоволец (казнен 8 мая 1887 г.), родился в 1866 г., то окажется, что основная масса студентов в приведенном списке будет в возрасте Александра Ильича Ульянова и немного старше.

Отсюда ясно, что в те годы (конец восьмидесятых) среди учащейся молодежи именно поколение Александра Ильича Ульянова являлось еще руководящим в области идей и революционных «оказательств». Молодые гимназисты и первокурсники-студенты, робко вступавшие на путь революционной борьбы, находились под влиянием именно этого поколения.

Подтверждение нашей мысли о том, что Владимир Ильич сознательно примкнул к более революционной группе старшего поколения, поколения Александра Ильича, мы находим между прочим и в следующем полицейском документе:

«... Ульянов Владимир... Еще дня за два до сходки подал повод подозревать его в подготовлении чего-то нехорошего: проводил время в курильной, беседуя с Зегрждой, Ладыгиным и другими, уходил домой и снова возвращался, принося по просьбе других что-то с собой и вообще о чем-то шушукаясь; 4-го же декабря бросился в актовый зал в первой партии, и вместе с Полянским первыми неслись по коридору 2-го этажа. В виду исключительных обстоятельств, в которых находится семья Ульянова, такое отношение его на сходке дало повод инспекции считать его вполне способным к различного рода противозаконным и даже преступным демонстрациям».

Упоминаемые здесь студенты Загржда и Ладыгин находятся в списке исключенных студентов, который мы привели выше. Загржда — два брата; мы не знаем, с старшим или с младшим из них был замечен Владимир Ильич. Но если даже и с младшим, то последний как раз был в возрасте Александра Ильича Ульянова, а Ладыгин на год старше.

Ни Загржда, ни Ладыгин не знали Владимира Ильича до его приезда в Казань; следовательно, Владимир Ильич познакомился с ними в сравнительно краткий срок: в Казань он приехал в июне 1887 г., в университет поступил 29 июля (10 авг.) 1887 г. и уже за два дня до сходки, т. е. 1—2 декабря, он, как говорит полицейский документ, уже «шушукался» с Зегрждой и Ладыгиным.

Таким образом приведенный выше полицейский документ указывает нам, между прочим, и на то, что Владимир Ильич сознательно искал среди старшего поколения революционно-настроенных товарищей».

...Памятуя слова Рафика Измайловича, я позвонил из Москвы в отдел кадров Ленинградского университета, и тут же по телефону мне выдали справку: ни среди студентов, ни среди преподавательского состава нет Загржды, есть Зегжда, без буквы «р», Сергей Андреевич, 1935 года рождения, ассистент кафедры теоретической механики, кандидат физико-математических наук. После небольшой паузы, во время которой перелистывались какие-то бумаги, было добавлено, что вот по старым документам значится еще Зегжда Нина Алексеевна, работавшая когда-то на кафедре истории КПСС, а ныне доцент такой же кафедры в пединституте имени Герцена... Меня немножко смущало отсутствие буквы «р», но фамилия редкая, и я надеялся, что указанные лица и есть искомые мной потомки братьев Загржд. Я позвонил на квартиру Сергею Андреевичу, и он действительно оказался внуком, но не Николая, не Иосифа, а Петра, третьего брата, а всего их было шесть братьев Загржд: кроме упомянутых, Алексей, Борис, Александр, и Нина Алексеевна — дочь четвертого. А вообще в Ленинграде образовалась широко разветвленная колония Зегжд, возглавляемая дядей Павлом, Павлом Николаевичем. Он, как можно догадаться по отчеству, и является самым наипрямым потомком — сыном — Николая Загржды, старшего из двух братьев, исключенных из Казанского университета по одному списку с В. И. Ульяновым... Как человек обязательный, Сергей прислал мне назавтра телеграмму, в которой уведомил, что его дядюшки в настоящее время нет в городе, он на курорте и возвратится такого-то числа.

Вечер названного дня я, приехав в Ленинград, провел в доме у Павла Николаевича и его жены Анны Петровны. Она Зегжда по мужу и Загржда по отцу — дочь Петра.

— Мы двоюродные,—сказал Павел Николаевич.— А наша дочь Ольга вышла замуж за нашего племянника. Таким образом, у меня в ближайшей перспективе стать, прямо-таки по Марку Твену, самому себе дядей...

За столом вместе с нами сестры Анны Петровны — Софья и Вера. Первая — Зегжда, вторая — Загржда.

— Верочка пожадничала,— сказала Софья.— В отличие от всех нас, потерявших «р» в фамилии, она сохранила в своем паспорте эту букву, хотя сама ее с детства не выговаривает...

Вот так, на шутливой волне, начался разговор, и по этому поводу Нина Алексеевна, приглашенная Павлом Николаевичем в качестве консультанта как кандидат исторических наук, сказала, что дядя Коля с удовольствием принял бы участие в такой вот беседе: обожал шутку.

— Это точно,— сказал Павел Николаевич.— Он любил пошутить. Всех нас, ребятишек, своих детей и многочисленных племяшек, наделял забавными прозвищами. Я был «Мурзик», сестричка Милена—«Фигура», а Сонечка вот—«Маркиза с мушкой», другая племянница — «Самоварушко», и это очень подходило к ее симпатичной физиономии... Чувством юмора был наделен щедро. И дружил с такими же. У него был приятель Мясоедов, у которого рождалась дочь за дочерью — семь набралось. Когда родилась восьмая, он прислал телеграмму: «Верь не верь, паки дщерь. Как быть?» «Утопить»,— последовал телеграфный ответ отца. Письма, которые остались от него, мы и сейчас перечитываем с удовольствием, всякий раз смеясь над шутками, в них рассыпанными. Веселого нрава был человек, хотя жизнь сложилась у него невесело, порядочно нанесла ударов, но не сломила.

Я подумал, что Павел Николаевич сказал об отце почти теми же словами, как и Дударь о своем. У их отцов есть сходство в характерах и общие пункты в биографиях, в частности, то, что оба после исключения из университета оказались в акцизных управах. Возможно, это произошло случайно, а может быть, и действовала некая направляющая длань: студентов-бунтарей с высоты их порывов низвергнуть пониже, в налоги на вино и спички...

Загржды — выходцы из Польши. Нина Алексеевна уточнила:

— Наш дед Станислав Иосифович, варшавянин, офицер, за участие в Польском восстании 1863 года был уволен из армии и выслан в Пензу...

Прерву Нину Алексеевну, чтобы сказать два слова о ней самой, вернее, о нас обоих. И будет это еще одним примером тесноты мира. Когда я услышал в Казани от Рафика Измайловича фамилию Загржда, она показалась мне знакомой. Но я мог видеть ее в книгах... А при нашей встрече вот сейчас в Ленинграде Нина Алексеевна сказала: «Мы знакомы. Вы ведь ленинградец? Таких-то и таких-то знаете?» И назвала имена своих однокурсников по истфаку университета, моих друзей. В этой компании мы не раз виделись еще в тридцатых годах... Интересы Нины Алексеевны, как историка партии, отданы главным образом эпохе гражданской войны, но, конечно же, она специально изучала все, что связано с братьями Загржда.

—...Трое старших, один за другим, поступили в Казанский университет. Декабрьская сходка застала Николая на четвертом курсе физмата, Иосифа — там же на третьем, а Петра — на первом юридического. Он был ровесник и

сокурсник Володи Ульянова, но, как правильно отмечает в своей публикации Аросев, новичков на сходке были единицы, и Петр среди ее участников не значится. Николай же и Иосиф, прошедшие уже к тому времени через марксистский кружок Федосеева, названы в одной из полицейских бумаг «наиболее виновными в произведенных беспорядках и наиболее опасными по своему дурному влиянию на остальных студентов». А кто из братьев был активнее, ближе к Ульянову, с кем из них он советовался, «шушукался», сказать трудно. Я склонна к предположению, что с Николаем, и исхожу при этом из косвенных данных: его наказали строже — он получил «волчий билет». Иосифу разрешили перевестись в другой университет, в Дерптский, но, потрясенный событиями, натура тонкая, нервическая, он вскоре заболел и оказался в психиатрической клинике, из которой уже не вышел.

Павел Николаевич говорит, что отец пытался все же завершить высшее образование хотя бы экстерном, подавал несколько раз соответствующие формальные прошения на высочайшее имя. Но тщетно, несмотря на то, что был студентом незаурядных способностей, особенно математических, и его намеревались оставить при кафедре астрономии «для приготовления к профессорскому званию».

— Он иногда шутил с горечью, что вот-де собирался вести счет звездам, а должен считать налоги. Но астрономия была с ним всю жизнь, влечение к звездам так и не погасло. Все, что выходило печатного в области этой науки не только на русском, но и на немецком, французском, английском и итальянском языках, которыми он свободно владел (надо еще добавить латынь и греческий), появлялось в его библиотеке. И мы, ребята, росли в этом смысле под звездами, небесную карту знали от отца не хуже географической. В доме не было часов: весь распорядок дня — по солнцу, по звездам.

«Волчий билет» перекрыл избранную им дорогу. И пока не было собственной семьи — а он женился поздно,— Николай сосредоточил все свои заботы на младших братьях, на их высшем образовании. Станиславу Иосифовичу, маленькому пензенскому чиновнику, одному бы не выдюжить, не поднять сыновей. И старший его нагрузился работой сверх меры, чтобы поддерживать материально младших. Он помог Пете, разочаровавшемуся в юриспруденции, перебраться в Московский университет, на медфак. Жизнь в Москве дороже казанской, и «стипендия», ежемесячно высылаемая братом, была очень кстати. Так же, как и остальным трем студентам — Алексею, Борису, Александру. Все они потом — главный врач госпиталя, инженер-путеец, один из проектировщиков Днепрогэса, учитель биологии — культивировали в своих семьях, в своих детях неподдельную признательность дяде Коле. И всякий приезд его в гости радостно обставлялся, тем более что для ребят это означало бесконечные розыгрыши, забавы, шутки, на которые дядюшка был мастак. А под конец его жизни братья получили возможность, при печальных, к сожалению, обстоятельствах, полной мерой отблагодарить Николая за все, что он сделал для них в молодости.

— Отец не то чтобы преуспевал, но, в общем-то, постепенно продвигался по акцизному ведомству. Человек он был оседлый, не склонный к суетной перемене мест. Десять лет прожил в Ревеле, переехал с повышением в должности неподалеку, в городок Везенберг, ныне Раквере, и здесь — пятнадцать лет. А вот с началом мировой войны пошли наши частые переезды. Метнуло в Нижний Новгород, снова в Везенберг, в Минск, потом мы очутились проездом в Петрограде, на один день. И это было, как я узнал позже, 25 октября 1917 года. Таким образом, первый день революции я провел шестилетним мальчишкой в Петрограде... 26 октября отец повез нас на юг,— у мамы открылся процесс в легких, и отец выбрал для нее Моздок, а сам возвратился к месту службы, в Минск. И оказался отрезанным от семьи. Моздок был теперь на территории белых, у Деникина. Отец пробовал как-то нас вызволить, вывезти, добрался с этой целью до Астрахани, чтобы морем — на Кавказ, но не удалось. И тогда он поехал в Москву. Я не знаю, зачем он отправился туда, с какими первоначальными планами, потому что, как он рассказывал, мысль о том, чтобы обратиться к Ленину, возникла у него уже в Москве, а не ранее... Сонечка вот знает о посещении отцом Ленина лучше меня. По самым свежим его впечатлениям. Он ведь на пути из Москвы к нам заехал в Саратов, к семье Петра Станиславовича, который, как военный врач, находился в то время на фронте.

— Дядя Коля пробыл у нас неделю. Ждал какой-то оказии. У него был документ, подписанный Лениным. Я видела этот мандат. В нем говорилось, что товарищу Загржде должно оказывать всякого рода содействие. В чем именно, не помню, кажется, это было сказано в общей форме.

— Бумага не сохранилась. Отец, видимо, уничтожил ее при переходе через фронт.

— Он не говорил нам, естественно, как собирается попасть в Моздок. Но чувствовалось, что у него имеется определенный замысел, в осуществлении которого он уверен... Он говорил, что Владимир Ильич сразу признал в нем товарища по студенческой сходке, хотя прошло больше тридцати лет. Расспрашивал, как он жил эти годы, что с братом... Сказал, что испытывается исключительная нужда в специалистах всех отраслей. Предложил работу в Народном комиссариате финансов. Но дядя Коля сказал, что его жена с сынишкой и дочерью у белых. Надо их как-то спасти, вывезти. И попросил у Ленина помощи в этом...

— Вы знаете, у меня начисто сгладились в памяти — и сколь мучительно я ее ни напрягаю, так и не восстанавливаются — обстоятельства, при которых отец появился в Моздоке. И даже как-то необъяснимо, почему же я это забыл. Мне шел восьмой год, возраст, когда все запоминается... У нас уже никаких средств к существованию не осталось, мать продала и обменяла уже все, что можно было продать и обменять. Мы жили одним, ложились спать и вставали утром с одной мыслью, одной мечтой: отец, отец... И вот он дома, а как это произошло — днем ли, ночью, пришел он или приехал — ну, не помню. Милена старше меня на год и тоже забыла... Вернувшись, отец с матерью-то, наверно, всем поделился. Но нам с Миленкой ничего, конечно, не было сказано ни про Москву, ни про Ленина. Мы узнали об этом гораздо позже, когда белых выбили из города,— примерно через год. Что делал все это время отец? По-моему, работал в банке. Как устроился, как объяснил властям свой приезд? Я полагаю, что он запасся в Москве доку-

---

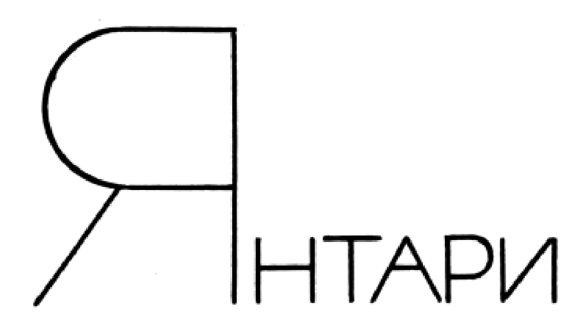
Мара ГРИЕЗАНЕ

Маре Гриезане 17 лет. Пишет стихи на русском и латышском языках (Мара — латышка). Учится в музыкальном училище.

Стихи ее привлекают искренностью, свежестью, эмоциональным накалом. Они строги, четки по форме.

Хочется верить, что, упорно работая над собой, совершенствуясь, М. Гриезане еще познакомит нас с новыми, самобытными стихами.

ЯНТАРИ

НОВОГОДНИЙ ТРИПТИХ

I

Года снежная вершина
так слепяще высока!
И Больших Часов машина
так могуча и легка.
Быстро сердце подрастает:
глупой мудростью грешит,
дни кудесные листает
и судьбу свою вершит.

II

Новый год — мой лунный ларчик:
спит ушастый лунный зайчик
на чеканном серебре.
Отворить мой ларчик можно
не хитрó, но осторожно
рано утром в январе...
Поверну волшебный ключик,
теплый, маленький, как лучик,
и увижу синий свет,
и уютную светелку,
и мою сестренку Елку...
Улыбнусь — и года нет.

III

Я проснулась в январе,
посмотрела — во дворе
лебединое перо
и живое серебро!..
Вроде то, что и вчера:
та же тропка вдоль двора,
та же бабкина метла,
та же белая ветла...
А на самом деле нет:
стал светлее белый свет,
и дохнул щегол лесной
восемнадцатой весной.

* * *

Ах, волны вы янтарные,
вдали без вас нельзя,
вы добрые, коварные,
извечные друзья.
И мне, птенцу свободному,
наснится до зари,
как по морю холодному
все ходят янтари...

• • •

Завидую рыбакам —
веселым морским богам:
огромным, смешным рукам,
бесформенным сапогам,
расплющенным козырькам...
Завидую рыбакам,
их страстным ночным гудкам,
их радостным маякам,
их сладостным берегам...
Завидую рыбакам.

• • •

К восемнадцати годам
все от глупости раздам:
жемчуга, наряды, злато,
торбу денег... А в придачу —
зимний дом, авто и дачу.
Чем богата, тем и рада.
А себе оставлю малость:
только море, сушу, небо,
ковш воды, горбушку хлеба,
кеды, песенку, усталость...
Остальное вам досталось.

• • •

Я полюбила море,
теплое, грозовое...
Ты — голубое поле,
доброе, круговое...
Я — водяную гриву,
парусник, полный ветра...
Ты — расписную иву
в тихом биеньи света...
Латвию и Россию
не продадим, не купим.
Все мы сродни друг другу:
родину с детства любим.

• • •

«Милый!» — над причалами
чайка прокричит.
«Милый!» — над пучинами
парус протрубит...
Это слово русское
отыщу в морях,
как младенец — солнышко,
подержу в руках.
Это имя щедрое
трижды повторю,
как младенец — солнышко,
людям подарю...

• • •

В чистом доме рыбака
чутко спят немые сети,
полны тайн немой пучины,
не разгаданной никем.
В чистом доме рыбака
подают уху морскую
с деревянной вкусной ложкой
и домашний мягкий хлеб.
В чистом доме рыбака
на душе свежо и чисто.
А хозяин супит бровь
и добрющим глазом кóсит...

• • •

Парус рыбачий уходит.
(День... А возможно, ночь.)
Женщина вышла на берег.
(Мать... А возможно, дочь.)
Женщина встала над морем.
(Значит, не быть беде.)
Комкает кончики шали.
(Где ты, мой парус, где?!)

ПАМЯТНИК

Сутулый, остроокий
и каменный всерьез,
стоит столетний Горький,
корнями в землю врос.
Один из неимущих,
ломающих судьбу,
великий Волжский Грузчик
с Россией на горбу.

8 МАРТА

Я не помню мамы:
детство — люлька, тень...
Звонко стукнет в рамы
вешний Женский день.
Тосты, телеграммы,
торты по рублю...
О чужие мамы,
как я вас люблю!

ПРИМОСКОВНАЯ ОСЕНЬ

1

Вдалеке, за Москвой,
словно тихие гусли,
прокурлыкали гуси
над землей заревой.
«До свиданья... Курлы...
Время — в теплые страны...»
А крыла их багряны,
а крыла их белы.

2

...А полдень звонок и высок.
Лучится пригородный пояс...
От вечных рощ наискосок
лучится пригородный поезд...
И холодящий блеск волны
и эти солнечные дачи
полны преддверья тишины
и неожиданной удачи.

3

Пульсирует закат
прохладной, чистой кровью.
Спокойный листопад
плывет по Замосковью.
Оранжева земля
с лесными берегами,
как будто свет Кремля
струится над лугами.

4

Я осени дочь,
я тень ветерка,
как лунная ночь,
проста и легка.
Бездумно кружу
под самой Москвой,
бездомно дружу
с летучей листвой...

ПОЧТИ СКАЗКА

Целый день моросит —
поздний дождик висит.
Промокает вконец
муравьиный дворец.

У большого дворца,
у большого крыльца
муравьишки дрожат —
короля сторожат.

А Король-Муравей
из-под рыжих бровей
все на небо глядит —
он на небо сердит.

«Эй, орлы-муравьи!
Горемыки мои!
Утепляйте дома —
скоро будет зима.

Можно ямку отрыть
и соломкой покрыть...
И до самой весны
видеть сладкие сны...»

ментами, которые ставили его вне подозрения перед властями на территории белых. Было ли у него какое-либо задание от Владимира Ильича? Никаких определенных в этом плане сведений у меня нет. Знаю только, что он дружил с учителем математики Александровым, коротавшим у нас в доме почти все вечера. Отец всякий раз провожал его и долго не возвращался. А потом, когда в город вошли красные, этот Александров объявился большевиком, остававшимся в подполье.

Они жили в Моздоке до середины двадцатых годов. Местом службы у Николая Станиславовича был райфинотдел, налоговый сектор. Я спросил у Павла Николаевича, знали ли в городе о прошлом отца, о его знакомстве с Лениным. И Павел Николаевич, с его мягкой, плавной манерой говорить, ответил мне с неожиданной жесткостью, с абсолютной категоричностью в голосе:

— Он никогда и ни при каких коллизиях не извлекал и малейшей пользы из этого эпизода своей биографии.

Видно, то был отцом преподанный и навсегда воспринятый жизненный урок.

— Он стал катастрофически слепнуть. В Ростове сделали операцию. Неудачно. Левый глаз, правый чуть-чуть воспринимал свет... Работать отец не мог, а пенсия задерживалась из-за неправильно оформленных бумаг. И снова понесли мы вещи на базар... Но тут из Ленинграда приезжает тетя Наташа, жена Алексея Станиславовича.

— Моя мама,— сказала Нина Алексеевна.

— Там, в Ленинграде, окольным путем узнали о наших бедах. И выслали гонца. Тетя Наташа увезла нас с отцом.

— Я помню, как вы приехали к нам в Детское Село. Дядя Коля, ставший каким-то маленьким, подсохшим... Черная повязка через глаз. Стоит, опираясь на вас, говорит: «Вот мой Мурзик, вот Фигура, а я слепой котенок...»

— В Моздок он уже не вернулся. Он умер в Ленинграде на руках у своего брата Бориса... Милена жила попеременно то у дяди Леши в семье, то у дяди Пети. А я — у Александра Станиславовича. И учился в школе у него. Он преподавал нам два предмета: ботанику и химию... Дядя Саша не отпускал меня из семьи, пока я не приобрел профессию. Она у меня отцовская: я бухгалтер... А ребята — политехники: Ольга и Наталья окончили Политехнический, Павлик — на третьем курсе.

...В двух записях из блокнота — три судьбы. А их было тридцать девять.

Одна известна всему человечеству — судьба студента Ульянова.

Рядом с ним на той сходке было тридцать восемь. О трех я рассказал. И подумал, что хорошо бы проследить жизнь остальных. И еще я подумал, что это можно сделать с участием наших читателей, с их помощью.

Вот фамилии тридцати пяти студентов, исключенных из Казанского университета по одному списку с Лениным, вместе с Дударем и братьями Зегрждами:

Аккер М. И., Алабышев В. Я., Алексеев Н. Н., Альмендингер И. И., Аргентовский В. П., Вышенский Н. Е., Гудков В. В., Ионов К. П., Каменский И. П., Киреев Д. К., Коников М. Р., Корнильев М. М., Ладыгин В. Д., Лангор И. М., Матвеев Д. М., Набережнов А. В., Образцов С. Г., Огородников А. Н., Осинин К. Н., Подбельский Н. П., Покровский А. Г., Полянский С. Ф., Пчелин Павел, Пчелин Петр, Рассказов И. А., Савицкий В. В., Сараханов К. К., Танаевский Г. Г., Троицкий Л. М., Туманов Л. А., Тургеневский-Захаров А. С., Фосс Е. Н., Шаровский А. К., Фадеев К. И., Чириков Е. Н.

Пусть откликнутся те, кто знает об их судьбах.

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

Здесь многое не так, как на земле. Для тех, кто работает на этой высоте, солнце восходит раньше, ветер дует сильнее... Седьмое небо... Попасть сюда можно со скоростью семь метров в секунду. Но для этого придется терпеливо дождаться своей очереди. И лишь затем воспользоваться одним из пассажирских лифтов Останкинской телебашни. Взлет вверх длится меньше минуты, но и этого достаточно, чтобы забраться на дерзкую стодесятиэтажную (заметьте — 110 обычных этажей!) высоту, если мерить привычными, домашними мерками. Именно сюда вознесен талантом инженеров и конструкторов самый высотный в Москве ресторан.

Желающих попасть наверх, отведать местных яств значительно больше, чем может принять ресторан. Земля слухом полнится, и идет молва о «Седьмом небе» по меньшей мере как о седьмом чуде; молва всегда чуть-чуть преувеличивает... Так или иначе, на «Седьмом небе» хотят побывать многие. А мест — считанные десятки. Поэтому мы и приглашаем совершить это небольшое путешествие, заглянуть вместе с нами на кухню, в залы. Начали мы с бронзового зала. Название его не случайно — в отделке господствуют присущие бронзе оттенки. И словно дополняющие их глухие, глубоко черные тона. В ресторане три таких этажа: золотой, серебряный, бронзовый. Соединяет их современнейший лифт, и под стать ему стремительная, изящно вписанная в полукруг лестница. В ее отделке использован мрамор.

Серебряный зал выдержан в подобающих названию тонах — и колонны, и стулья, и сервировка. Даже кофеварка словно бы посеребрена. Впрочем, это — ее единственное отличие. И тут, на отметке в несколько сот метров, кофеварка не работает — так же, как почти любая другая, стоящая в наземном кафе или ресторане. И это делает «Седьмое небо» знакомо привычным, сразу пропадает скованность первого знакомства, и даже вращающийся — кругосветка! — пол уже не может изменить обыденных представлений.

Скользит пол медленно, степенно, несет аккуратно сервированные столики, позволяет за час окинуть взглядом все окрест — и недалекую ВДНХ, и проспект Мира, и улицы, расположенные куда дальше. Мы без особого труда находим дома, в которых живем, видим здание, где расположена редакция «Огонька». Останкинская телебашня позволяет сделать это запросто. Она вообще дарит много сюрпризов, ресторан лишь один, может, самый скромный из них. Приятно тут, наверху... Москва отсюда вроде бы и знакома и поражает какой-то новизной.

Случилось так, что нам однажды пришлось подниматься на башню в день, по-осеннему серый и неприветливый. Но едва вошли в круглый, очень светлый коридор (под ним — более чем 300-метровая бездна) смотровой площадки, остановились в изумлении — все вокруг залито ярким солнцем, где-то внизу клубятся белые облака, на которых величественно покоится тень башни — стройный, грациозный силуэт... Из-за одного этого стоило подниматься на такую высоту.

Чем кормит «Седьмое небо»? Угощает ресторан фирменной курятиной, пирожными с изображением башни, потчует напитком, изобретенным заведующим производством П. И. Милюковым и названным «Высота». Если вы не были на «Седьмом небе», но хотите отведать что-то из его фирменных угощений, попробуйте «Высоту». Петр Иванович преподносит читателям «Огонька» — это его новогодний подарок — рецепт напитка. На литр требуется две трети лимона, 100 граммов «Мукузани», 15 граммов ликера «Лимонный», 150 граммов вишневого сиропа. Затем доливайте кипяченой воды. И подавайте к столу лед. Но не только такие опытные мастера, как Милюков, работают в этом ресторане. Рядом с ними молодежь, как, скажем, Светлана Ручкина и Люда Смирнова; интересно, неожиданно начинать трудовую биографию в таком вот ресторане...

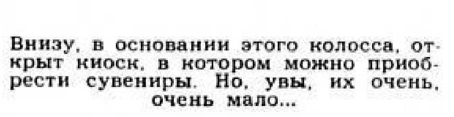
...«Высота», как, впрочем, и все остальное, готовится на кухне — до нее от залов почти триста метров. Тут свой лифт, тоже расторопный,— четыре метра в секунду. Кухне приходится работать с точностью хорошо отлаженного часового механизма, иначе не успеть к тому или иному сеансу. Именно сеансу, потому что в этот ресторан, как в театр или в кино, приходят по загодя приобретенным билетам, к определенному времени. Аншлаг — ни один билет не залеживается в кассах. И долго еще так будет, заявки на билеты поступают от многих предприятий и учреждений...

И сейчас вот лифт доставил наверх большую группу тех, кто заранее позаботился о билетах. Есть ли среди них строители этой башни? Не знаем... А будь наша воля, дали бы тут банкет в честь тех, кто возвел это изумительное сооружение, кто поставил современнейшую башню близ старинной останкинской дубравы, кто, если разобраться, и помог этому ресторану стать таким популярным.

На поднебесной высоте...

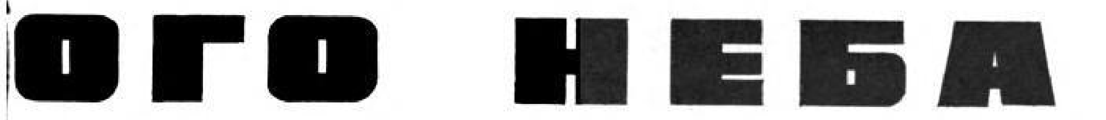
Этажи седьм

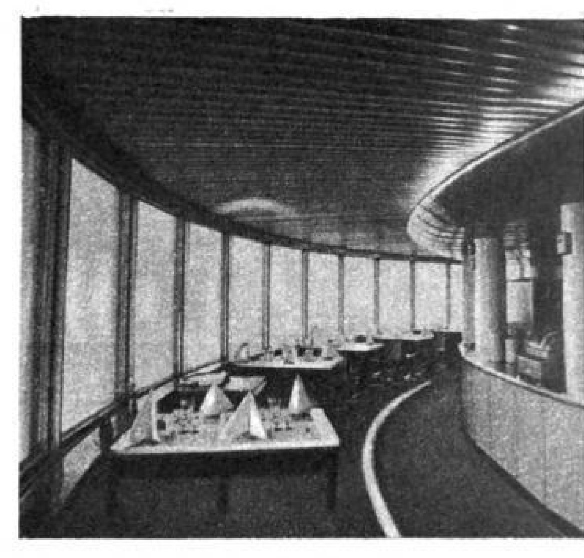

Внизу, в основании этого колосса, открыт киоск, в котором можно приобрести сувениры. Но, увы, их очень, очень мало...

Стремительная лестница, круглый зал, внимание, которым сейчас пользуется ресторан у всех,— все это вновe для официантки Наташи Андреевой.

В ресторане три этажа, три таких зала.

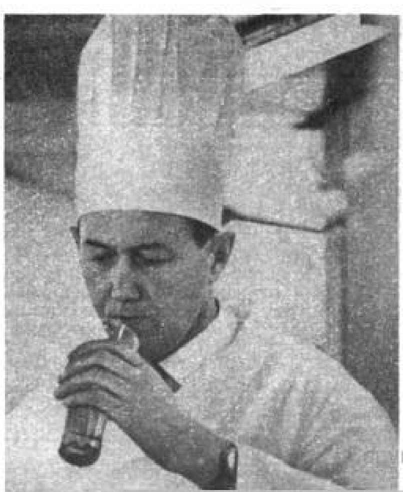

Мановением ее руки залы ресторана заполняет музыка. Какая? Это зависит от вкуса и настроения техника связи Тани Сорокиной...

На «Седьмом небе» всегда людно...

Петр Иванович Милюков — автор напитка «Высота» и первый его дегустатор.

Ликбез для волшебников

1969

Что бы вы сделали, если бы стали дедом-морозом?

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото А. БОЧИНИНА.

Деды-морозы сидели в комнате и деловито расчесывали бороды. На первый взгляд это просто высокие солидные мужчины с крепкими голосами и безукоризненной дикцией. Но это только на первый взгляд, ибо мы — на краткосрочных курсах повышения квалификации дедов-морозов.

Кому не знакомо чувство ожидания деда-мороза?! Вспомните: огромный зал, высоченная, нарядная елка, красавица Снегурочка... Мы ждем чуда. И наконец... Откуда-то из-за елки появляется огромный бородатый старик с посохом, взмахивает рукой — и елка вспыхивает сотнями разноцветных огней.

Мы хорошо понимаем, что перед нами артист, что борода привязана, а елку зажигает электрик,— и все же верим в доброго и всесильного деда-мороза.

— Итак, остановимся на бровях,— басит артист эстрады и кино В. М. Бубнов.— Не вздумайте смахивать пот, когда в зале жарко. Брови не борода, они не привязаны. Заденешь рукавицей — и оторвешь. Попробуй потом приклеить!..

Тринадцать лет уже перевоплощается в деда-мороза В. М. Бубнов. Если вы бывали на елке в Колонном зале Дома союзов, то, без сомнения, помните и его стать и зычный голос.

А вот артист Москонцерта Р. Л. Нейман озабочен: как приобрести эту самую стать?.. И рост подходит и голос, а вот объемами не вышел.

— Ты подушку подложи резиновую,— советует Н. А. Сибейкин.

— Как так?

— Надуй как следует — и под шубу...

— А если свалится? Представляешь: воздеваю руки, провозглашаю: «Елка, зажгись!» — а из меня вываливается подушка.

— Нужно хорошенько привязать. Дай-ка покажу.

— Теперь о накладках,— поднялся Н. Н. Макаренко.— Что делать, если опаздывает Снегурочка?..

— Я, пожалуй, спою,— заявил И. Е. Мищенко.— Что-нибудь для солиста и хора без оркестра.

— Ну, а если не зажигается елка?

Задумались деды-морозы. Все верят в сказочного старика, который все может, все умеет,— и вдруг елка не слушается! Так в одну минуту легко потерять контакт с аудиторией. Тогда конец, ты уже не всемогущий дед-мороз.

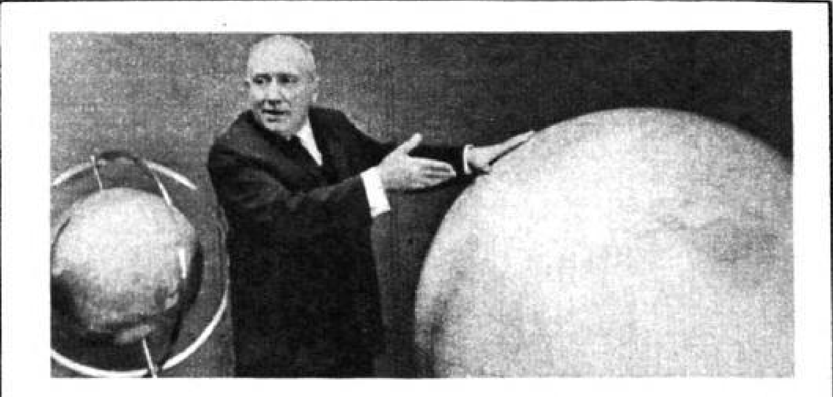
— Скажи ребятам, что елка любит, когда ее просят все вместе,— нашелся дед-мороз с двадцатилетним стажем Н. Д. Игнатьев.— И пусть кричат: «Елка, зажгись!» — до тех пор, пока электрик не вставит новые пробки или не приедет аварийная служба.

— Молодец! — сказал Бубнов.— Но на всякий случай я проверю все провода Дворца спорта в Лужниках. Елка там будет на льду, а Снегурочка у меня, кажется, фигуристка: чиркнет коньком по проводу — и скандируй потом!

— Да, чуть не забыл! — всполошился Мищенко.— Надо всем сказать, чтобы перед тем, как произнести приветствие, повнимательнее присмотрелись к аудитории. Если в зале будет публика старше тринадцати лет, избави бог говорить: «Здравствуйте, дети!» Обидишь на всю жизнь! Они уже считают себя взрослыми, поэтому говорите: «Здравствуйте, ребята!»

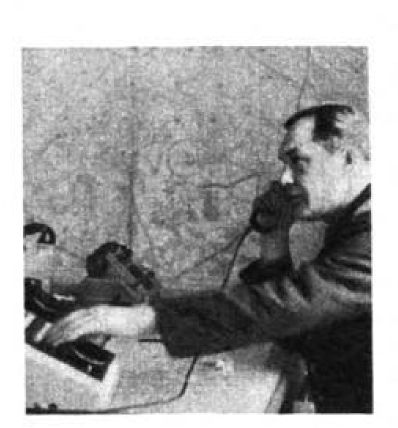
До Нового года считанные дни. Завтра на эти своеобразные курсы, организованные детским сектором Москонцерта, придут новые деды-морозы. Всего их будет в столице около трехсот, и всем им придется сдавать этот необычный экзамен — самым седым, самым бородатым, самым бровастым и самым знаменитым дедам-морозам.

Деды-морозы профессионалы хорошо знают, что им делать на Новый год. Зато все остальные необученные граждане наверняка растеряются, если у них спросить, что бы они делали, став настоящими дедами-морозами со всеми волшебными полномочиями. Но оказалось, что всех, к кому мы обратились, этот вопрос не застал врасплох.

БУГАЕВ В. А., академик АН Узбекской ССР, директор Гидрометцентра СССР

Я бы заказал погоду на зимний сезон в соответствии с составленным нами прогнозом.

СЕВРЮКОВ В. Я., подполковник милиции, дежурный по городу

Я бы сделал так, чтобы застольная встреча Нового года продолжалась до утра. А на улице бушевала пурга. Когда люди дома — происшествий меньше. Тогда бы даже я смог провозгласить праздничный тост.

А то любителей погулять по городу в новогоднюю ночь обычно на чудеса тянет. Помню, как один такой торопыга пробрался в зоопарк и залез в клетку к медведю. Худо было обоим.

Ширин Гасан оглы ГАСАНОВ, азербайджанский колхозник, отпраздновавший 151-й день рождения

Дедом-морозом я быть не могу. Дедом — потому, что я уже прапрапрадед. Морозом — потому, что душа у меня горячая.

Володя АРИЛАНОВ, «морж»

Под водой дед-мороз не властен. Там делами заправляет Нептун. Можно, я еще и Нептуном буду? Хорошо звучит: дед-мороз Нептунский - Химкинский Клязьминский - Баскунчак - Эльтонский!

МАЛЬЧИКОВ Д. С.,
швейцар ресторана «Прага»

Я бы запретил встречать Новый год дома. Все должны идти в наш ресторан и гулять во всю мощь. А я бы для порядку присмотрел. После Нового года полномочия деда-мороза я бы сложил, а вот бороду его себе оставил. Моя-то, понимаете, редеть стала. А швейцару без бороды никак нельзя!

КИРЕЕВ Ф. Ф.,
директор винного магазина «Праздничный»

В канун новогодних праздников мы продаем по двадцать тысяч бутылок в день. В основном это шампанское, «Тетра», «Твиши», «Айгешат», «Лидия» и «Фрага».

Но есть скверные вина, которые я бы заморозил в бутылках. Чтобы ни один человек не мог налить их в бокал! Пусть я не выполню план, пусть мне влепят выговор, но за ту ночь властью деда-мороза я превратил бы в лед бутылки, скажем, с «Розовым крепким», «Портвейном розовым», которые долго стоят на прилавках, стоят, а потом мы возвращаем их на переработку.

ЛИФШИЦ Б. А.,
управляющий трестом «Гордормеханизация», в задачи которого входит и уборка снега

В прошлую новогоднюю ночь мы вывезли десять тысяч машин снега. А по графику осадков не ожидалось. Поэтому я бы сделал так, чтобы снег шел только по согласованию с нашим трестом. Ну, и по-мужски поговорил бы с настоящим дедом-морозом. А то ведь на него совсем управы не стало. За последние десять лет он заставил нас работать восемь новогодних ночей!

МАКАРОВ И. Я.,
продавец мороженого

Не пробовали торговать мороженым в двадцатиградусный мороз? Тогда вам меня не понять... Покупатель бежит мимо, а если какой-нибудь чудак попросит «эскимо» или «трубочку»,— как подашь, если пальцы от холода не гнутся?! Так что я бы завел десятиведерный самовар и торговал горячим чаем с бубликами! Всем хорошо — и мне и людям.

БАБАЕВ А. Г.,
директор Института пустынь АН Туркменской ССР

Я бы наконец встретил нормальный Новый год: чтобы была елка, снег и мороз. А то ни одного путного новогоднего праздника. Елку мы кое-как добываем, но вместо снега ее заносит песком, печет солнце, и жара — градусов двадцать. Надоело! Пора завалить Каракумы сугробами, насадить елки, дабы не возить их из Сибири, переименовать наш институт в Арктический — и тогда бы я с утра до вечера катался с барханов на лыжах.

Игорь КИО,
иллюзионист

Мы с дедом-морозом, можно сказать, коллеги. Только он делает чудеса раз в год, а я на манеже каждый вечер. Но одного фокуса я сделать не могу. Поэтому, став дедом-морозом, я в течение одной ночи достроил бы новое здание Московского цирка, над которым строители бьются уже шесть лет, и... загодя записал свою годовалую дочь Вику в школу фигурного катания, куда без волшебства не пробьешься.

Сережа КОРШУНОВ,
первоклассник школы № 501

Я бы перевел в «Торпедо» лучшего вратаря года Юрия Пшеничникова. Тогда бы моя любимая команда наконец стала первой.

КРИВИН Ф. Д.,
писатель

Если б я был этим дедом, я призвал бы к себе Самого Лучшего Мастера Холодильников и сказал бы:

— Дорогой Мастер, я ухожу, и я хотел бы передать тебе свое дело. Потому что у нас есть кому морозить людей, а холодильники починять некому... Нет-нет, не уговаривай, я решил, я достаточно долго делал погоду. Тогда мне показалось, что человек — скоропортящийся продукт, поэтому его нужно побольше держать на холоде. Это была моя ошибка.

— Дорогой Мастер,— сказал бы я,— для того, чтоб меня заменить, достаточно Хорошего Мастера Холодильников. Оставайся, Мастер, а я ухожу.

И я ушел бы — на север или на юг, на Северный или на Южный полюс, а то и вовсе прочь от земли... Чтоб не осталось холода между людьми, чтобы тепло, одно тепло люди отдавали друг другу.

В Куэрнавака, в гостях у Сикейроса

А. СОФРОНОВ

Все уже кончалось, абсолютно все, наступал последний день Олимпийских игр — день финалов, день бурных страстей, радостей и страданий. Измученные переживаниями, наши сердца да еще на такой солидной высоте, как 2 240 метров, требовали духовной компенсации... Находясь в Мехико, мне, естественно, хотелось побывать у очень своеобразного художника, давнего друга нашей страны Давида Сикейроса. Но это оказалось не так просто. Сикейрос жил в это время в небольшом городке Куэрнавака, расположенном километрах в восьмидесяти от Мехико. Как и в каждом большом городе, художнику работать трудно, да еще такому известному и почитаемому, каким является Давид Сикейрос.

В таких случаях всегда борются два чувства: не мешать художнику, а с другой стороны, побывать у него, чтобы об этой встрече рассказать читателям. В данном случае победило второе чувство.

В Мехико, во время Олимпийских игр, находилась киногруппа во главе с Василием Чичковым, писателем и журналистом, много лет своей жизни отдавшим Латинской Америке, изучению жизни ее народов. Он был хорошо знаком с Сикейросом еще в те годы, когда работал в Мексике специальным корреспондентом газеты «Правда». Кроме этого, он является автором впечатляющей картины о Мексике, которую, направляясь для съемки фильма о XIX Олимпийских играх, захватил с собой. Василий Чичков обещал «содействовать» нашей встрече.

Я сидел в огромном спортивном зале, где шло горячее соревнование наших и югославских баскетболистов, когда ко мне подошел один из наших журналистов и сказал, что Чичков просил, чтобы я немедленно приехал в Советское посольство в Мехико, где в настоящее время находился Давид Сикейрос. Чичков показывал ему картину о Мексике. Я бы с удовольствием уехал: наши баскетболисты проигрывали, но, взглянув на часы, понял—ехать поздно, 10 часов вечера. До посольства около часа езды, улицы забиты автомашинами. Раньше одиннадцати не доберусь. С двойным чувством огорчения: наши проиграли,— отправился я в обиталище журналистов — «виллу Пренсы», как по-испански называли дом, в котором жили журналисты, оказавшиеся в Мехико на Олимпийских играх.

Но утром настроение исправилось: я получил сообщение о том, что в субботу, накануне закрытия игр, Сикейрос приглашает нас к себе на обед.

Мы мчались по отличной дороге, ведущей в Куэрнавака. Сутолока олимпийской жизни не позволила раньше вырваться за пределы столицы, поэтому я жадно всматривался во все, что лежало по обе стороны дороги. Синие горы в легком тумане, долины справа от дороги. Небольшие бедные селения, табунки лошадей. В одном месте, возле отвесного ската, огороженного невысоким бетонным парапетом, Чичков остановил машину.

— Самое красивое место. Обычно здесь делают перекур.

Вместе с товарищами Чичкова, кинооператорами, мы вышли из машины. Место и в самом деле было привлекательным. Глубокая тишина висела над видневшейся внизу зеленой долиной. У парапета стояли путники, закусывая бутербродами.

— Здесь высота уже поменьше, чем в Мехико,— сказал Чичков,— а Куэрнавака еще ниже — полторы тысячи метров над уровнем моря. Там место вечной весны.

С этими короткими данными мы и въехали в Куэрнавака.

Мы медленно двигались по пустынным улочкам, где у заборов на тротуарах стояли под деревьями с яркими цветами оседланные лошади. Было тепло и пустынно. Изредка из раскрытых лавчонок, где над полками, набитыми всякой бакалеей, висели седла и уздечки, на нас глядели карие любопытные глаза.

Вскоре на небольшом взгорье мы увидели поднимающееся над высоким каменным забором огромное яркое панно. Это была вилла, а

Вспоминая о Мексике

Финишировал 1968 спортивный год. Много ярких событий связано с ним, и прежде всего — Олимпийские игры в далекой и близкой Мексике. Вот мы и решили преподнести на память нашим читателям эту мексиканскую вкладку.

Сколько радостных и печальных воспоминаний связано у нас с мексиканскими стадионами! Увы, не всегда, далеко не всегда претворялись в жизнь наши олимпийские надежды. Но так или иначе Мехико запомнится нам надолго. Улыбки наших мексиканских друзей, красота современного огромного города, ослепительные краски народных праздников и гуляний, лихая отвага тореадоров, блистательное мастерство мексиканских художников, архитекторов, скульпторов.

Никогда еще за всю историю современных олимпиад так тесно не сплетались в единое целое мастерство спортсменов, танцоров, певцов, музыкантов. Никогда еще стены стадионов не украшались столь выразительными фресками крупнейших художников. Никогда еще так не почиталась девичья красота. Мексиканские журналисты назвали русскую девушку Наташу Кучинскую «невестой Мексики», русские прозвали мексиканскую девушку Энрикету Басилио, вознесшую олимпийский огонь на тридцатипятиметровую высоту к огромной металлической чаше, «олимпийской невестой»...

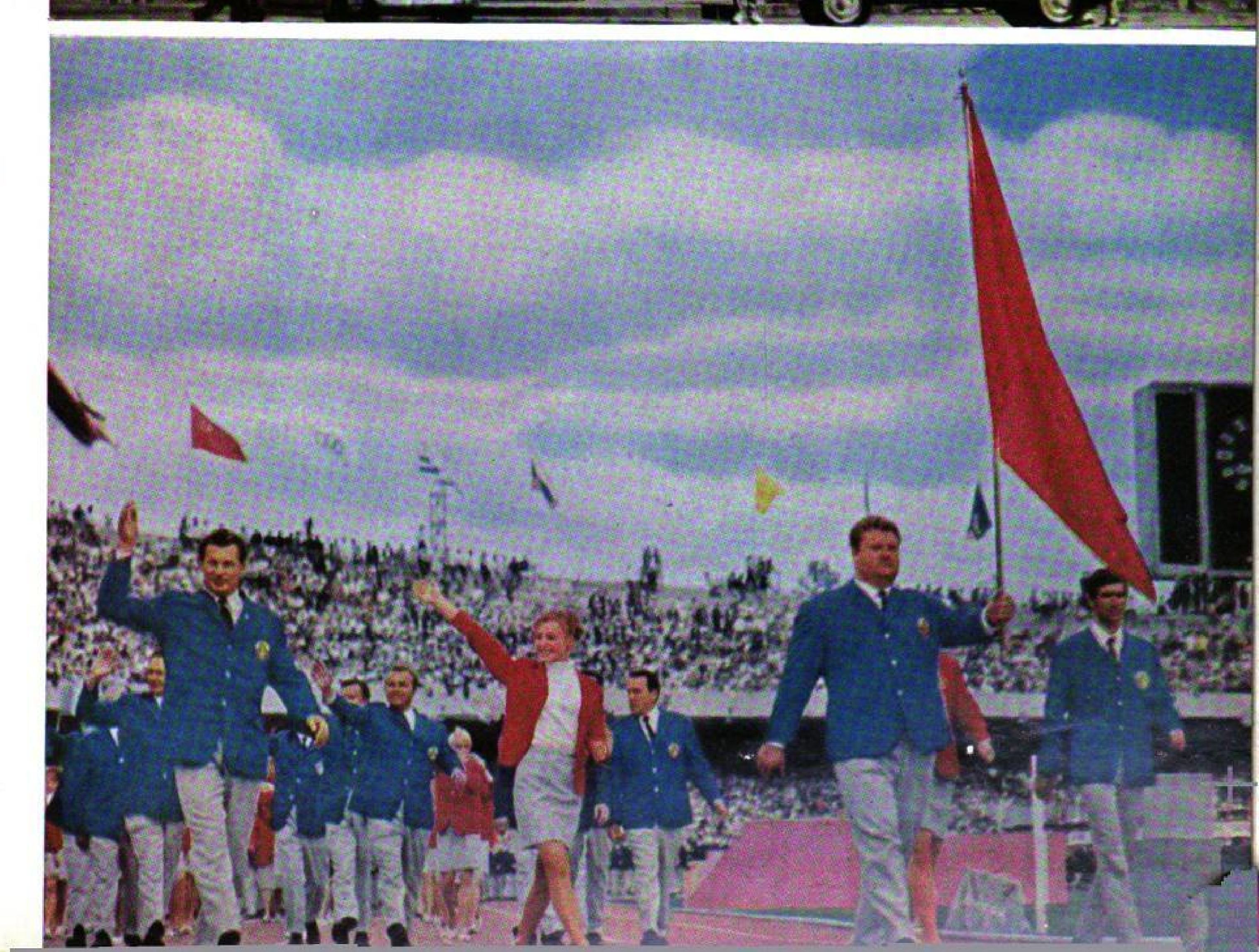
Шестнадцать дней освещал олимпийский огонь арены Мехико, а теперь все, что мы увидели за эти дни, спрессовано в двух толстых томах, врученных журналистам сразу же после окончания Олимпиады — полосатые, как шкура зебры, обложки, убористые колонки фамилий и цифр. По оперативности, по тщательно продуманному графическому оформлению эти две книги, в которых собраны официальные результаты XIX Олимпийских игр, бесспорно, являются еще одним рекордом Мексиканской олимпиады. И как удивительно сочетаются в них лаконизм судейских протоколов с эмоциональным напряжением спортивной борьбы! Стоит раскрыть эти книги, перелистать их страницы — и снова зазвучит мексиканская симфония, снова оживает все то, что мы видели на беговой дорожке, в плавательных бассейнах, на ринге, на водной глади канала Сочимилко. Снова видим мы переполненный Олимпийский стадион и Виктора Санеева, нашего молодого прыгуна, ставшего в Мехико рекордсменом мира, поднимающегося на высшую ступень пьедестала почета. Снова Борис Лагутин, признанный лучшим боксером Олимпиады, улыбается зрителям. Снова гремят овации в честь наших гимнасток, волейболистов, штангистов, стрелков...

Нелегко разобраться в потоке ярких и разнообразных мексиканских впечатлений, осмыслить итоги Олимпийских игр. К этому мы еще придем, и с героями Олимпиады мы еще встретимся на страницах «Огонька», а пока хочется просто вспомнить гостеприимную Мексику. Вот она перед вами.

Латиноамериканская башня — самое высокое здание в Мехико

Советские спортсмены на открытии Олимпиады.

Фото Л. Бородулина.

Мексиканская девушка в национальном наряде.

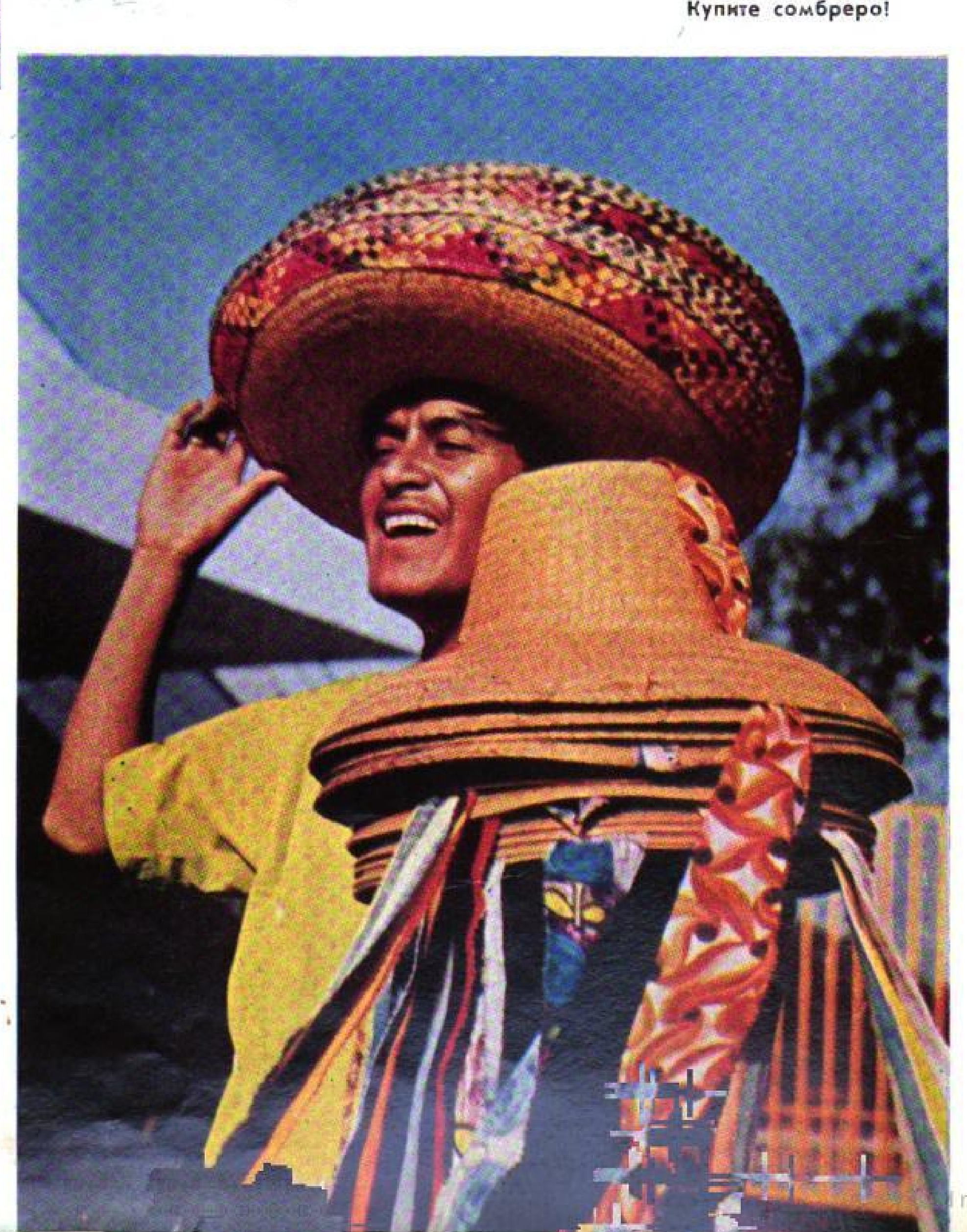
Чарро — мексиканский конный праздник.

Народное гулянье на каналах в парке столицы.

Купите сомбреро!

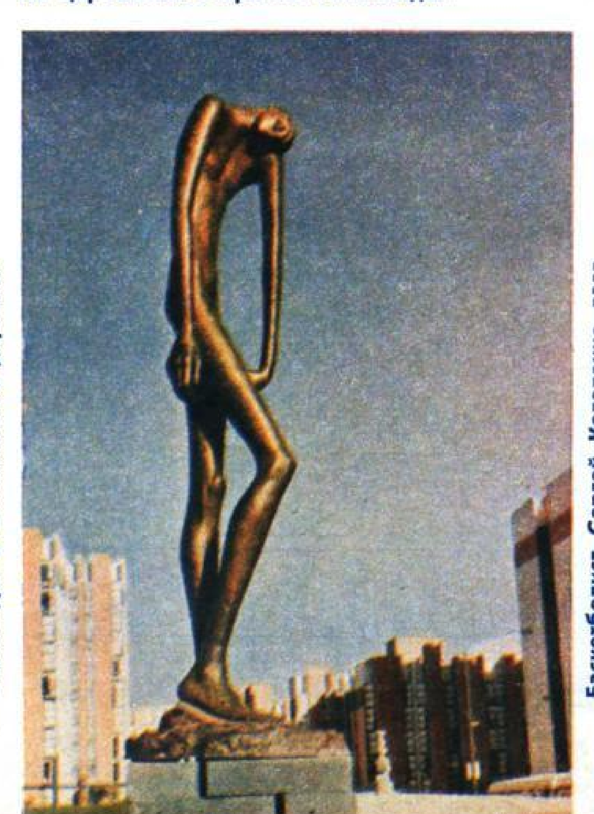
Здание университета в Мехико.

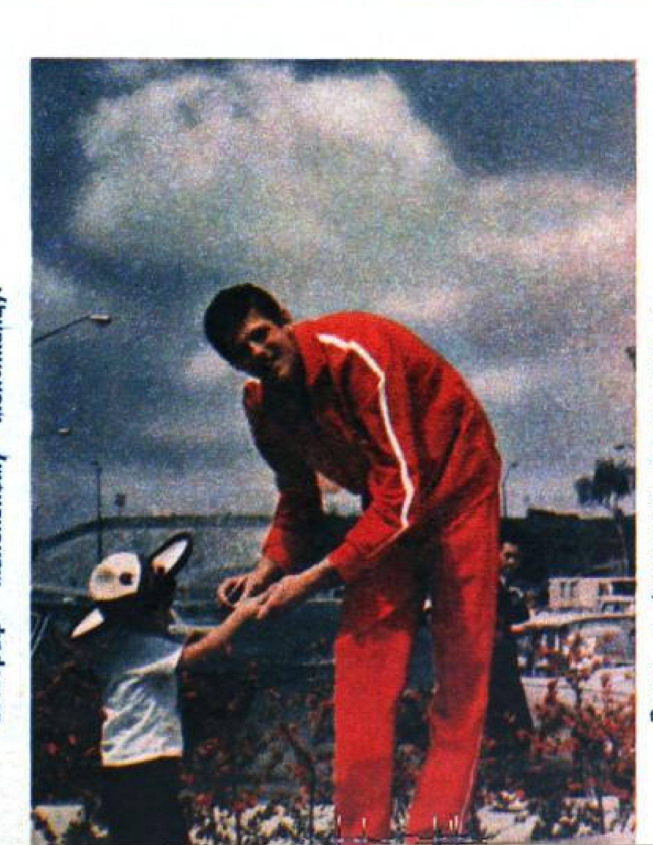
Энрикета Басилио с олимпийским огнем.

На церемонии открытия олимпиады.

Скульптура в Олимпийской деревне.

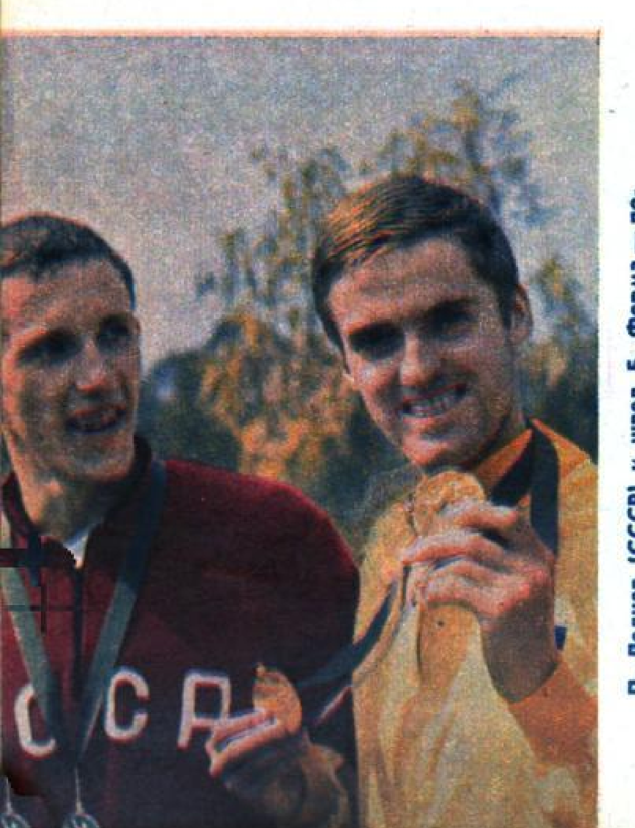

Баскетболист Сергей Коваленко дает автограф маленькому мексиканцу.

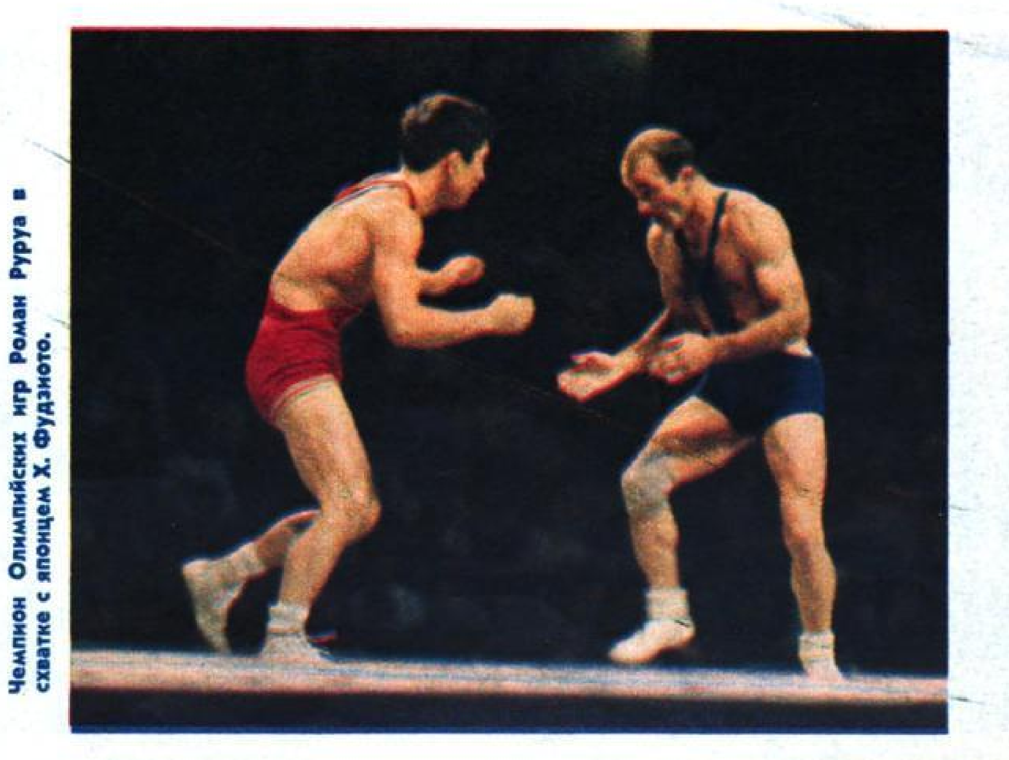

Здесь, в Акапулько, проходили соревнования яхтсменов.

Наташа Кучинская — любимица мексиканцев. По окончании соревнований она получила подарок от мексиканского художника — свой портрет.

П. Леднев (СССР) и швед Б. Ферма — победители в соревнованиях пятиборцев.

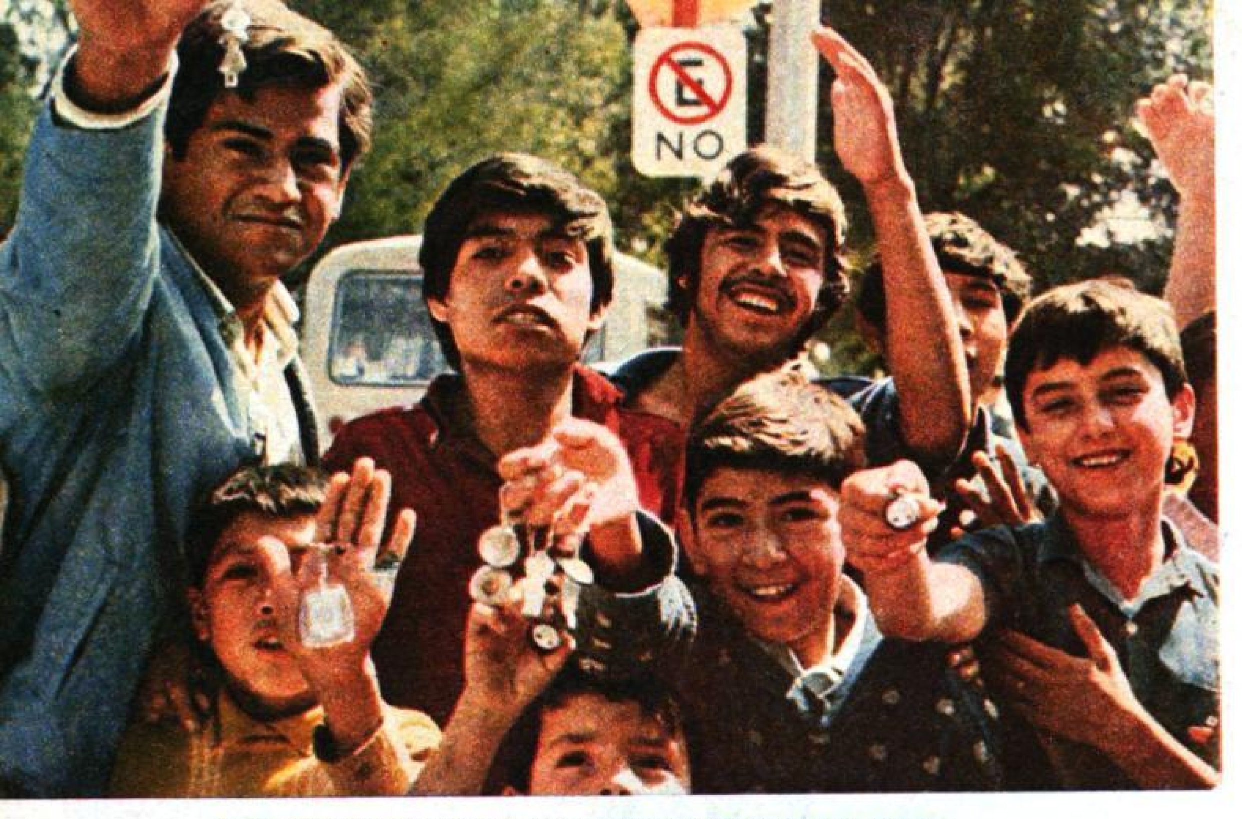

Чемпион Олимпийских игр Роман Руруа в схватке с японцем Х. Фудзиото.

Победители в соревнованиях штангистов полутяжелого веса (слева направо): Я. Тальтс (СССР), К. Кангасниеми (Финляндия), М. Голомб (Польша).

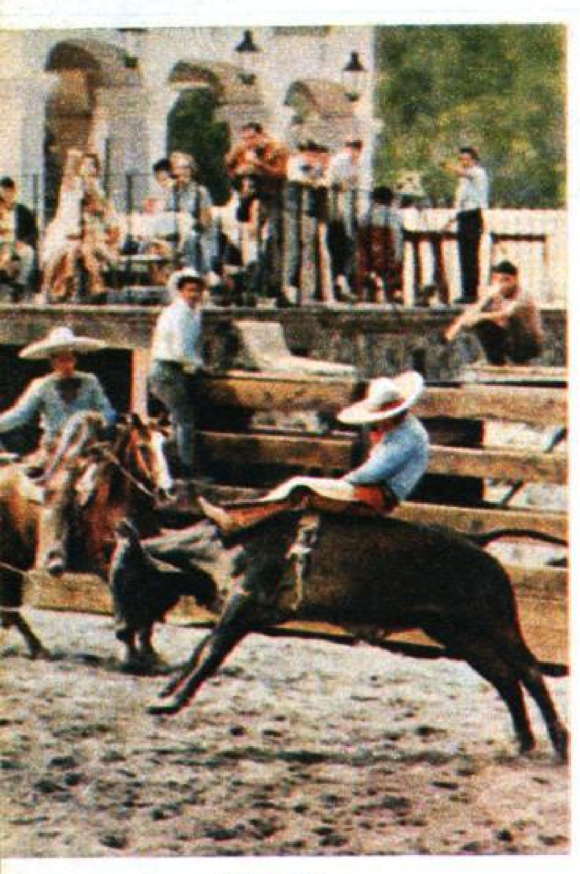
Юность Мексики.

Мексиканские мальчишки — коллекционеры значков олимпиады.

Детская забава — мыльные пузыри.

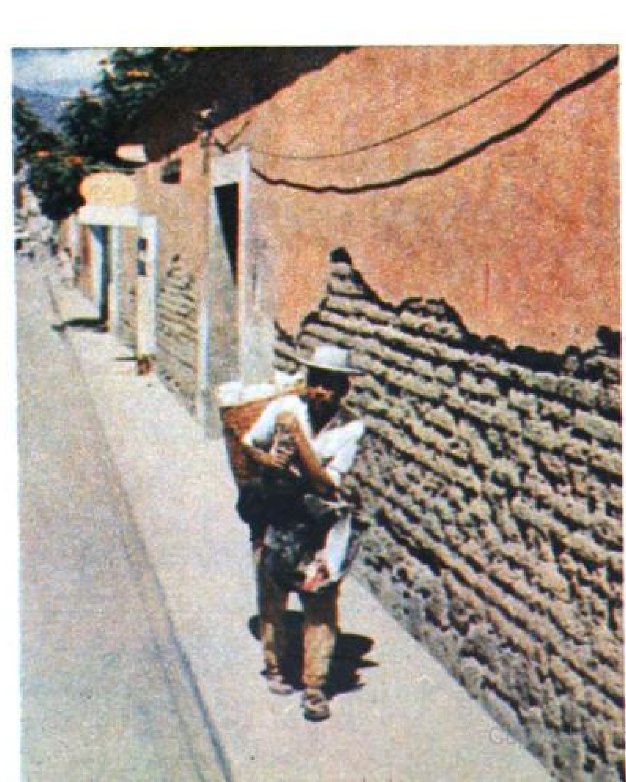
На арене...

Плавательный бассейн в Олимпийской деревне.

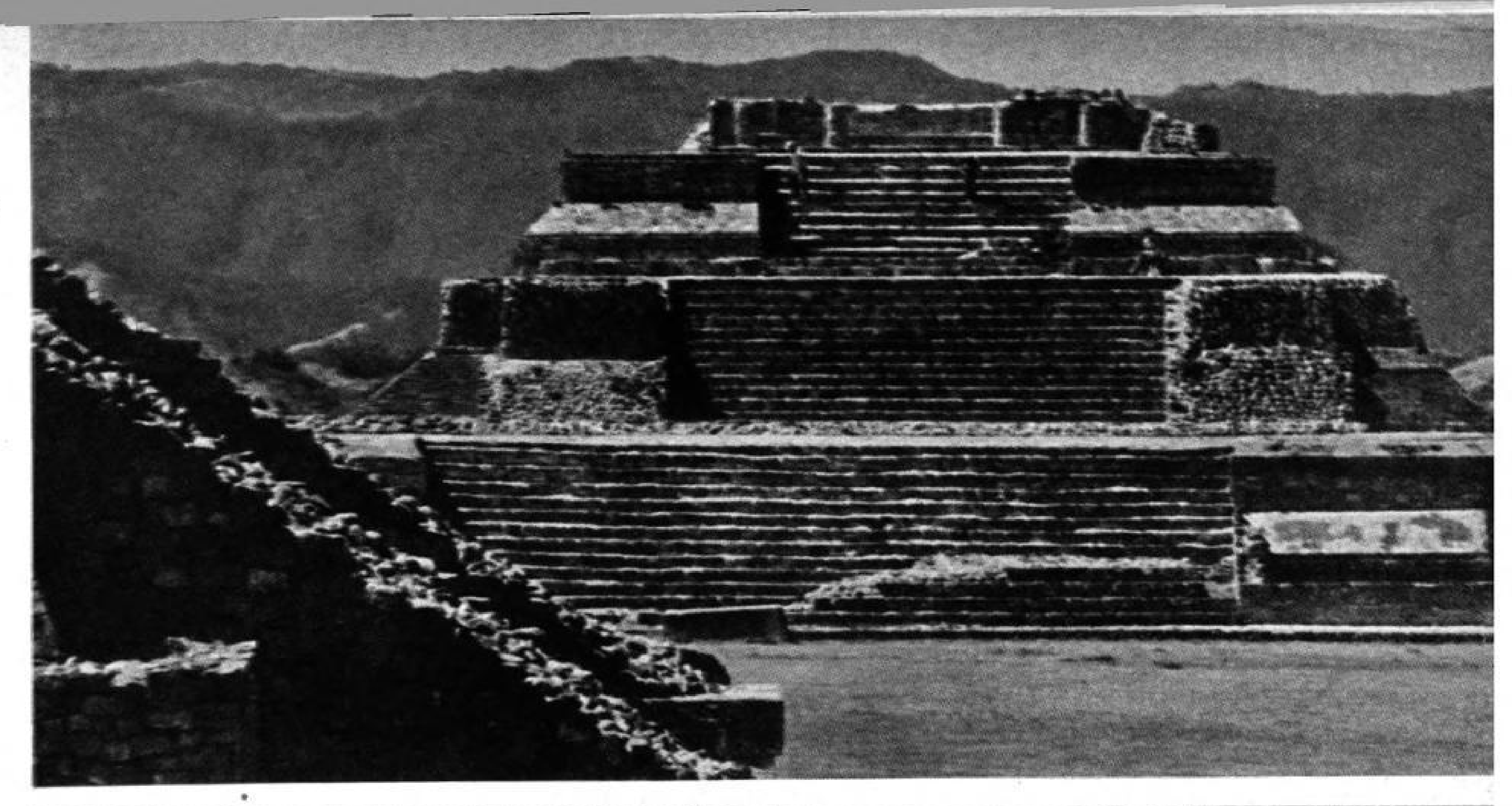

Сувениры олимпиады.

С базара.

Древняя пирамида в Оахаке.

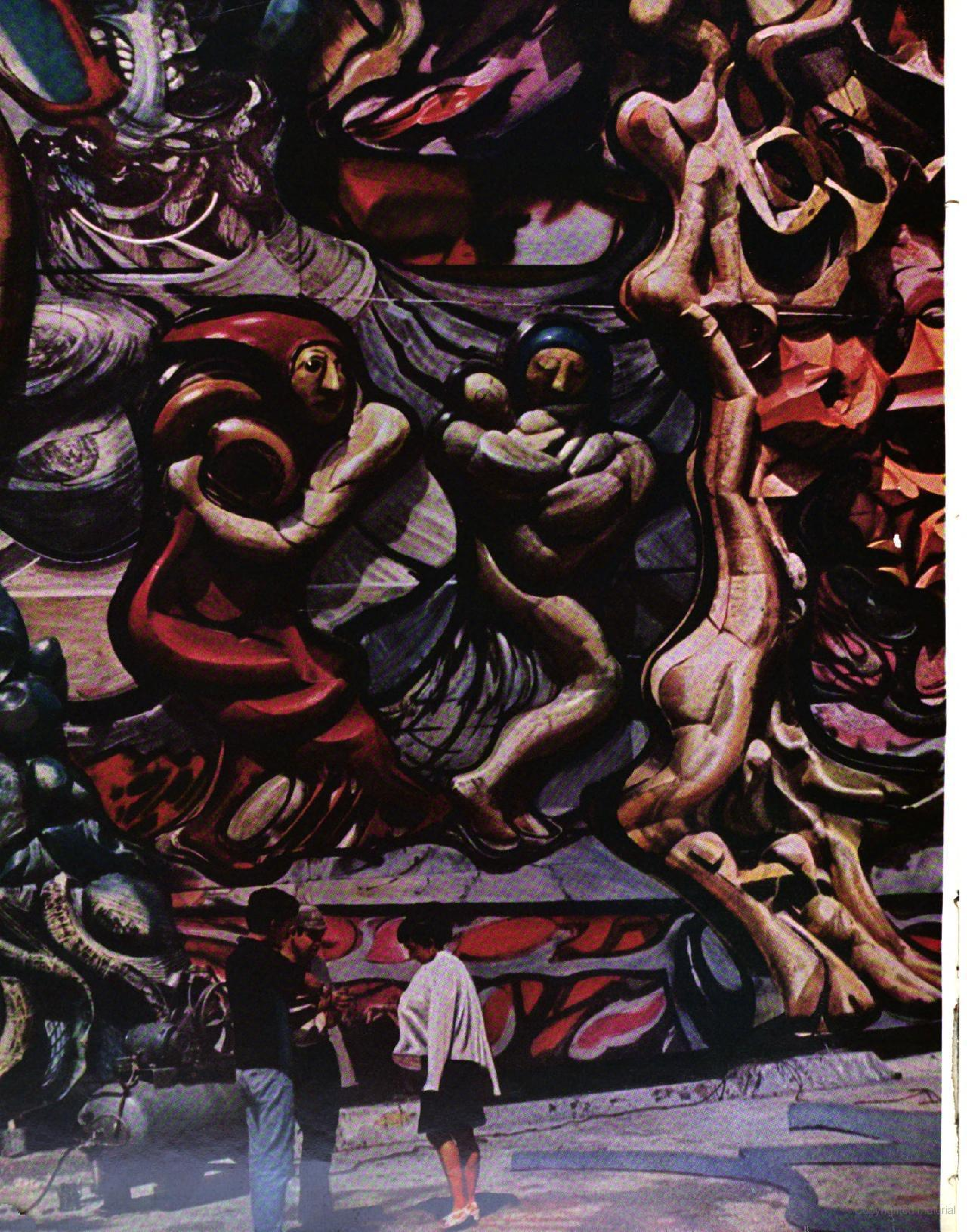

Художник
Давид Альфаро Сикейрос.

Мексика танцует.

точнее, мастерская Сикейроса. Около ворот стояли две легковые автомашины. Потоптавшись в нерешительности у калитки, мы позвонили. Калитка открылась. Из нее выглянул привратник.

Чичков сказал ему несколько слов.

Привратник закрыл перед нами калитку, но вскоре вернулся и сказал:

— Проходите в сад и обождите. У маэстро гости.

— Наверно, журналисты...— решили мы.— Ему и здесь покоя не дают.

Мы прошли в сад. Небольшой, с цветущими кустами роз, зелеными газонами, ярко-синим бассейном. Был полдень. Солнце изрядно припекало. Кинооператоры деловито начали искать точки, откуда можно было снимать художника. Мы с Чичковым укрылись в беседке. Весело щебетали какие-то птички. Полчаса. Час. Сикейроса не было. Чичков поднялся и ушел в мастерскую. Вскоре он вернулся и сказал:

— У него французы, немцы, аргентинцы и бразильцы... Бесконечное интервью под палящим солнцем. Идемте, будем выручать нашего друга.

Мы оказались в большом дворе, с двух сторон которого поднимались огромные, мгновенно поражающие взгляд металлические панно. Мы уже слышали о работе, которую взял на себя Сикейрос, по оформлению зала Полифорума в строящейся в Мехико огромной гостинице. Часто, проезжая по вытянувшейся посредине города улице Инсурхентес, на одном из углов мы замечали часть этого панно, на том месте, где начали возводить стены отеля.

Теперь мы видели гиперболически увеличенные фигуры этой сложной, еще монтируемой композиции, возле которой стояли высокие леса. Во дворе работало не менее десятка электросварщиков, резчиков металла, монтажников и художников — подручных Сикейроса. Это не была обычная студия художника, а скорее монтажная мастерская, заполненная сталью, проволокой, листами железа, сотнями больших банок с краской, освещаемых голубыми огнями электросварки. Здесь каждый был занят своим делом. Все работали, не обращая внимания на художника, окруженного группой людей разного возраста. Журналист в сером костюме, словно экзаменуя Сикейроса, задавал ему на французском языке вопросы по поводу последних студенческих волнений, всколыхнувших всю страну перед Олимпийскими играми. Рядом стояли два литератора из ГДР, обращавшиеся к Сикейросу с вопросами на испанском языке: они были участниками Интернациональных бригад в Испании. Хрупкая девушка с блокнотом в руках стенографировала все ответы Сикейроса, а ее друг, совсем еще подросток, почти вплотную снимал каждый поворот головы художника... Сам Сикейрос как ни в чем не бывало стоял среди гостей в синей трикотажной рубашке, в черных брюках, в шляпе с короткими полями и горячо отвечал на вопросы. Это тоже была работа.

Увидев нас, он, чуть раздвинув окружающих, потянулся к нам руками и, улыбаясь, по-русски произнес:

— Говорит товарищ Сикейрос! Красной Армии ура! Здравствуйте, товарищи.

Чичков сказал мне, что Сикейрос, будучи в Москве, запомнил эти русские слова и при встрече с советскими гостями всегда произносит их.

Наш приход все же сократил эту затянувшуюся пресс-конференцию. Француз и товарищи из ГДР попрощались и отправились к автомашинам. Но аргентинцы и бразильцы остались и пошли вслед за Сикейросом в сад, в беседку. Там они продолжали задавать свои вопросы. Девушка стенографировала, а юноша снимал каждый поворот головы художника. Но вдруг Сикейросу все это надоело.

Обращаясь к нам, он сказал:

— Куда-то исчезла Анжелика. Если она приедет, мы обязательно пообедаем.

Дотошные корреспонденты все не уходили.

Тогда Сикейрос сказал:

— Все... Все. На этом кончаем.

Юноша спрятал фотоаппарат, девушка со вздохом свернула тетрадь. Мы остались одни в беседке. Я спросил:

— Неужели так каждый день?

— О, что вы,— ответил Сикейрос,— сегодня это ничтожно малое количество. Последний день Олимпийских игр, вероятно. Бывают дни, когда одновременно приезжает по нескольку автобусов... Человек по двести...

— По двести?!

— Да... Все хотят посмотреть на старого чудака, который никак не хочет угомониться... И все спрашивают, спрашивают...

— И вы отвечаете?

— Конечно... Пусть знают, что думает Сикейрос. Я привык к гостям... И к русским гостям. Я еще был знаком с вашим послом в Мексике, мадам Коллонтай... К сожалению, она не долго смогла жить у нас... Она плохо переносила высоту. К этому надо привыкнуть... Я встречал здесь вашего Маяковского. Он отлично себя чувствовал у нас... И мы очень дружили с Эйзенштейном. Он здесь работал, снимал фильм о Мексике.

В это время около беседки появилась немолодая женщина.

— Анжелика приехала... Я думаю, она накормит нас обедом.— Сикейрос обратился к ней:

— Все готово?

— Да, конечно.

— Прошу, товарищи.

Мы отправились в старый дом с толстыми стенами. В доме было прохладно. В столовой стоял простой, уже накрытый стол. В комнате появился юноша.

Деталь оформления строящейся гостиницы «Мехико». Автор — Давид Альфаро Сикейрос.

— Мой внук, Давид... Будет художником... Способный мальчик. Покажи, Давид, что ты сделал.

Давид принес небольшой холст, на котором был изображен горный пейзаж в сиренево-голубых тонах. Сикейрос придирчиво повертел его в руках, передал его мне.

— Правда, будет художником?

За обедом он вспоминал посещения Советского Союза. Вспоминал художников и скульпторов, с которыми встречался в Москве. Несколько раз повторил по-русски: «Говорит товарищ Сикейрос»,— и весело смеялся. Видно было, что всеми делами в доме Сикейроса ведает его жена Анжелика. За всеми справками и подтверждениями он обращался к ней.

Нам очень хотелось вытащить Сикейроса к огромным панно и там, возле них, поговорить с ним. Мы знали, что он большой наш друг. Сердцем и словами высказывал и раньше и в последнее время полную поддержку политике Советского Союза, активно разубеждая и споря с теми, кто вокруг событий в Чехословакии пытался сколотить антисоветскую платформу. Нам хотелось услышать, что сам Сикейрос думает о своей работе. Откровенно говоря, мы побаивались, что снова подкатит к дому Сикейроса машина, а то и несколько, и мы окончательно потеряем возможность побеседовать с художником. Впрочем, он и сам чувствовал, что мы приехали не для того, чтобы посидеть у художника за обеденным столом. Поблагодарив жену за вкусный обед, он повел нас через закрытые помещения студии. Коротко объясняя каждую деталь композиции, воспроизведенную на фотокопии, он снова привел нас во двор, где высились раскрашенные металлические конструкции. Двор был уже пуст. Его помощники ушли на обед. Мы остались лицом к лицу с трудно воспринимаемой композицией да еще целиком не смонтированной. Я спросил:

— Какая основная идея, мысль лежит в вашем труде?

— Революционная история борьбы народов Латинской Америки за свою свободу и независимость,— ответил Сикейрос.— Видите фигуры? Они для вас живут порознь, а для меня они вместе... Вот этот негр, висящий на веревке,— это страшное преступление ку-клукс-клана... Уже мертвый, он обращается ко всем — так не только было, так еще расправляются с нами и сейчас... А вот мать с мертвым ребенком... Это голод... Это тоже в Латинской Америке — нищета, бедствия... Все это еще есть... Есть, но не должно быть. Художник не имеет права стоять в стороне от борьбы. Его искусство, если он в совершенстве владеет им, должно впечатлять людей, будить мысли и чувства на борьбу.

До встречи с Сикейросом мы уже немало побродили по картинным галереям и музеям Мехико. Особо большое впечатление произвело на нас народное искусство Мексики, бесчисленные фрески, изображение народных обычаев, праздников, трудовых процессов. При всей индивидуализации типов они все же были как бы обобщенными композиционной манерой многих безвестных художников. В самом Мехико существует огромный Антропологический музей, с прекрасными экспозициями, дающими полное представление об истории страны, обычаев народов Мексики. Может быть, под влиянием всего виденного до встречи с Сикейросом у меня сложилось впечатление о том, что, несмотря на его редкую художническую индивидуальность, манеру творчества, которую вряд ли могут воспринять сторонники канонического реализма, все же глубинные истоки творчества Сикейроса, если можно так сказать, вытекают из народного мексиканского искусства. С некоторой тревогой я задал такой вопрос Сикейросу. Он ответил не сразу. Возможно, вопрос этот был неожиданным для такого большого художника. Сикейрос не торопился со мной соглашаться.

— Не думаю, чтобы это было непосредственное влияние... Народное творчество, как бы оно ни было привлекательно, все же остается безымянным, а значит, малоиндивидуальным...— Сикейрос на мгновение остановился, словно взвешивая каждое слово.— Впрочем, отрицать полностью не могу... Возможно... Главное же в том, чтобы чувствовать, чем живет твой народ... Я живу этим... И это как бы подсказывает мне и форму и содержание. Поэтому я каждый день взбираюсь на эту площадку.— Он показал на леса, придвинутые к краю композиции, туда, где из-за забора свесились во двор гроздья фантастически ярких цветов, растущих на каком-то неизвестном нам дереве.— Я хочу, чтобы то, что сделано мною, ежедневно напоминало людям, сидящим в зале Полифорума, о том, что народ еще беден, голоден... В этом зале будут выступать наши ансамбли, они будут петь песни, танцевать, но все должны знать, что жизнь — это не только танцы, что главное в жизни — борьба.— И тут Сикейрос снова улыбнулся.

Пора прощаться...

Кинооператоры за это время сделали несколько кадров, но для них это было явно недостаточно. Василий Чичков спросил Сикейроса, нельзя ли еще приехать, чтобы поснимать Сикейроса для нового фильма.

— В любой день,— сказал Сикейрос,— но лучше, когда кончатся Олимпийские игры, всем будет поспокойней.

— Тогда через три дня.

— Хорошо... Только я не имею прямого отношения к Олимпийским играм.

— Но вы имеете прямое отношение к Мексике.

— Имею, самое непосредственное.

Сикейрос протянул руку. Мы обнялись.

— До встречи в Москве,— сказал Сикейрос.— Ждите меня весной.

— Будем ждать.

Мы пошли к воротам... И в это время подъехали две легковые автомашины. Из них выходили люди с фотоаппаратами.

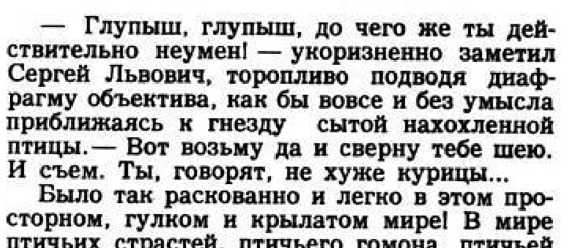
— Опять к вам?

— Хорошо, что не автобусами,— сказал Сикейрос.

...Машина покатилась под горку. Замелькали маленькие дома, деревья с оранжевыми цветами, лавчонки, у которых стояли оседланные кони. Вскоре мы выехали на основную дорогу и помчались по направлению к Мехико.

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки И. УШАКОВА.

— Глупыш, глупыш, до чего же ты действительно неумен! — укоризненно заметил Сергей Львович, торопливо подводя диафрагму объектива, как бы вовсе и без умысла приближаясь к гнезду сытой нахохленной птицы.— Вот возьму да и сверну тебе шею. И съем. Ты, говорят, не хуже курицы...

Было так раскованно и легко в этом просторном, гулком и крылатом мире! В мире птичьих страстей, птичьего гомона, птичьей отрешенности от судеб всего, что не попадало в поле их узкого, как булавочное острие, зрения! Вот эта птичья дух захватывающая отрешенность снизошла здесь и на Сергея Львовича.

Он воспрянул руками, как делал в молодости, откидывая назад длиннющие волосы, неведомо когда сгинувшие бесследно. Проведя ладонями по отполированному временем черепу, расслабленно подумал: «И впрямь верно это у Саади: недалеко от глупости ушло упорное домоседство».

Сергей Львович считал, что, приехав на этот пасмурный остров, разом освободился от всех многоликих забот, совещаний, споров в кулуарах, попросту мелких дрязг, которые, помимо желания и как с ними ни воюй, сопровождают человека, будь он и крупным ученым, до гробовой доски. А Сергей Львович был как раз крупным ученым, авторитетом в своей области...

Собираясь сюда, он купил фотоаппарат, не вняв предупреждениям доброхотов: «Хотите разориться — займитесь фотографией». Разориться он не побоялся, не про него сказано, и теперь самозабвенно карабкался по кручам, даже не прибегая к помощи валидола, выслеживал океанских птиц в самом сердце их гнездовий. Сам знал, что старик он, в общем, крепкий, и ценил в себе это и попусту не растрачивался. Хотя душевно уставал с годами все больше, жил зачастую с нервным перенапряжением. И хотел бы жить спокойней, да где уж, не получалось. Не умел.

Впрочем, вот позволил же он себе эту странную — на взгляд коллег — поездку не на теплые воды, не под сень бамбуковых рощ, а в места что ни на есть голые и сыроватые. Позволил потому, что, как говорится, нет мира и под оливами, а здесь он его найдет. Здесь, вдалеке от мирских искушений и разнотолков.

Сергей Львович мог и не признаваться себе, что, помимо соображений душеспасительных, было у него на примете и выяснение кое-каких обстоятельств, возникших в связи со статьями молодого удачливого коллеги. Сергей Львович одобрительно отозвался в прессе о его работах, не мог пройти мимо, ибо они в какой-то мере развивали положения, которых сам он, в свои собственные цветущие годы, недодумал и не развил. Сергей Львович пришел в науку из практиков, из рудничной геологии, из поисковых партий, и не доверял свою жизнь чисто умозрительным построениям, не замкнутым «на массу», не увязанным с геологи-

ЧАЙ С МОРОШКОЙ НА БЕРЕГУ

ческой структурой района, ну, там платформы в целом.

Молодые лавовые потоки, говорите вы? И какого все же возраста, если поточней? Это любопытно. Даже весьма. Первоначально ваши доказательства убеждают. Ну, а дальше, извините жаргон, будем посмотреть. Именно, именно: дальше нам удобней было бы походить по вашим потокам собственными ножками, к сожалению, малость уже подточенными тромбофлебитом.

Словом, Сергей Львович искренне верил, что приехал сюда отдыхать, до сих пор никакими изысканиями не занимался и ничем особенно не имел в виду утруждать себя впредь. Потому-то ему стало немного не по себе от известия, что на острова приехал также Касьянов Эдуард Николаевич, тот самый подающий надежды кандидат. Стало не по себе от сознания, что не удастся избежать высокоученых толков, поспешных рекомендаций, а то и необходимости давать те или иные прогнозы (назвался цыганкой — значит, гадай)... И вслед за тем он обрадовался, когда ему сообщили, что Касьянов здесь в несколько ином, чем прежде, бывало, качестве, именно в качестве не то жениха (будто бы), не то даже супруга, проводящего в высоких широтах свой медовый месяц.

Нынче ему предстояло познакомиться с Касьяновым на вечеринке, затеянной биологами-охотоведами. Имя Сергея Львовича было им знакомо, чувствовали они в нем родственную душу, возможно, потому, что выступал он изредка в журналах со статьями научно-популярного характера, касаясь иной раз вопросов геоботаники, а то и, глядишь, рискованно стыкуясь с самой бионикой. Так, тренировка ума, не более того. Забавы на досуге...

Вот и дом, где его ждали гостем, — недавно срубленная поверх бетонного фундамента двухэтажная постройка, рассчитанная на любые землетрясения, а в них недостатка не было. Сергей Львович поправил на плече ремешок фотоаппарата. Чувствуя, что волнуется, тщательно вытер туристские ботинки о толстоплетеный обрывок синего трала. Как нельзя более подходил этот скомканный морем японский нейлоновый трал, чтобы соскабливать о его ячею ошметки грязи с обуви. Так же как удивительно уместны были здесь в качестве мыльниц раковины съедобных моллюсков мамаев — весеннего деликатеса...

«Местный колорит, — снисходительно посмеивался Сергей Львович, умываясь на кухне, где что-то активно кипело и шкворчало, и раз от разу с неосознанным щегольством роняя обмылок в такую раковину. — Почему, скажите на милость, меня это трогает? Ведь, если подойти к обмылку в раковине сугубо утилитарно, следовало бы прежде всего предъявить счет здешней торговой власти: не завезли презренных каких-нибудь грошовых мыльниц».

Между тем позвали уже к столу, и кто-то там у окна поспешно освобождал ему самый несокрушимый, антикварного вида стул, и кто-то менял коньячную рюмку на более емкую, так что Сергей Львович огорчился под конец: «Нечего сказать, услужили!»

— Собственно, по какому поводу торжество? — спросил он глуховато-стеснительно, обращаясь ко всем сразу и как бы тем самым представляя себя: уж каков есть, извините и лысину, и несовременный, быть может, вид мой, и эти наигранные бодрые слова. — Я, знаете, как-то не сообразил, без презента...

Рассказ

За сдвинутыми столами сидели здесь, впрочем, и не первой молодости люди, добротно одетые, горластые, уверенные в себе. Они, не снисходя до заслуг и чинов, посмеивались над его стеснительностью, дали понять, что чем свободней будет он себя чувствовать, тем лучше для общества. А юный охотовед, хозяин дома, немного даже испуганно зачастил:

— Да что вы, какой презент! Конец промысла празднуем. А раз так, то и начало охоты, грибной, ягодной поры. Поэтому просьба без условностей, мы тут все свои, мы по-простому...

И Сергею Львовичу сразу стало хорошо: оттого еще надо полагать, что его соседкой справа оказалась женщина задорная, тугая и свежая, как обрызганный росой помидор. К науке, сразу видно, она никакого отношения не имела, а была просто чья-то жена, вроде бы инспектора рыбной охраны, который, тяготея опасно над яствами и над коньяком, был, похоже, един во многих лицах. Сергей Львович, и правда, замечал его то тут, то там, почти в каждой беседе он старался принять участие, говоря как будто со смехом, но категорически, рублеными фразами.

Казалось, тут не было вздорных, плохих, неуживчивых людей. Сергея Львовича порадовала и сдержанность Касьянова, которого он уже заприметил и выделил среди других. Казалось бы, тот еще в начале вечера мог навязаться со знакомством, начать беседу, если даже не прямую дискуссию (иным и праздничный стол — что трибуна или кафедра). Сидел Касьянов рядом с двумя женщинами, и одной из этих двух была его пассия, невеста, что ли, а то и полная уже супруга. Не просто было Сергею Львовичу дотянуться до колена Касьянова, а все же он с неловкостью дотянулся и тронул его.

Касьянов живо повернул к нему темное лицо с упорным, как бы в чем-то упрекающим взглядом глаз. Он был сухощав, вполне спортивного вида, хотя и не атлетического сложения.

— Рад видеть вас здесь, Сергей Львович, — сказал он поспешно. — Я как-то не смел, знаете, навязываться вам...

После первых же фраз Сергей Львович спросил напрямик:

— Как вы отнеслись к ноябрьскому моему отзыву?

— Признаться, я не ожидал, что вы оцените эту мою работу да и смежные с ней по теме так положительно. В известном смысле я ведь вторгся в ваши владения.

— Почему же, почему же? — сказал Сергей Львович с некоторой снисходительностью. — Работы у вас с интересными допущениями... Разумеется, я не мог не сказать о них доброго слова.

— Вот то-то и оно, что с допущениями... Поменьше бы допущений, побольше утверждений.

— А ваша статья о молодых лавовых потоках на...

Касьянов отозвался почему-то небрежно:

— Ну, это так, ничего определенного... взгляд и нечто...

— Впрочем, у нас будет еще время потолковать обстоятельней. Я не любитель превращать милые вечеринки в ристалища для словесных турниров, особливо ежели они скучны для окружающих.

— Я, признаться, тоже, — усмехнулся Касьянов. — Когда на столе коньяк, копченый лосось и красная икра, даже великие научные прозрения ни гроша не стоят.

Сергей Львович оценил шутку коллеги и уже готов был выпрямиться в своем кресле, но его остановил упорный взгляд сбоку. Он и впрямь несколько невежливо устроился с этим разговором как бы через две головы.

— Мм... ваша... Вы познакомите?

— Моя девушка, — поспешил Касьянов на выручку. — Полина.

Сергей Львович церемонно поднес ее руку к губам.

Полина слегка приоткрыла в улыбке твердые губы, и взгляд ее смягчился, крупно задрожали, заволновались в глазах смешинки: любила, видно, подурачиться, но сдержала себя.

— Эдик много рассказывал о вас. Раньше я как-то не интересовалась вашими трудами.

— Быть подругой ученого — тяжелая участь, сударыня. Без сомнения, несправедливую мысль относительно вашего невежества внушил вам сам Эдуард Николаевич. Но тут, знаете ли, у женщин должен быть свой взгляд на вещи.

— Взгляд и нечто, — без улыбки сказал Касьянов.

У Полины было асимметрично, жестко вылепленное лицо, а выглядела она Клеопатрой. Может, косметика. Может, высокая прическа. Может, и то и другое. А скорее всего это твердые, чуть вывернутые губы и распахнутые ресницы, придававшие взгляду не то напряженность, не то блеск значительности, и делали ее красавицей без красоты, царственной без надменности.

Сергей Львович утвердился наконец в своем кресле, отхлебнул глоток пахучей влаги. Вполголоса осведомился у соседки — пунцовой и тугой:

— Эта Полина у моего коллеги — она что, действительно единая и неделимая?.. Действительно всерьез?..

Соседка прижала палец к губам.

— Слух идет, что невеста. А то, гляди, просто так...

— Просто так? Я, знаете ли, ценю точность формулировок.

Женщина уловила пробившуюся в словах собеседника грусть и ответила с пониманием существа дела:

— В таком разе не мешало бы знать, ценят ли они сами эту точность.

Сергей Львович взглянул на нее чуть ли не с обожанием и понял, что захмелел. Но, впрочем, не настолько, чтобы ощутить слабость. Наоборот. Он ощутил прилив сил. Ему захотелось петь. Тем более что за столом уже начинали пробовать голоса — с торжественно тревожной гнусавостью, почти как в церкви, молодежь скандировала некое заклинание: «Магеллан! Магеллан!» То была новая песня, довольно быстро овладевшая юными, неустойчивыми умами.

После сытного обеда Сергей Львович любил напевать что-либо из репертуара кумира своей молодости Вертинского. Ну и уж тем более после рюмки коньяка. Голос у него был изрядно скрипучий, но он этого не замечал. Он даже сожалел, что не уделил в свое время больше времени вокалу. Собственно, какого-то там голоса не было и у самого Вертинского, главное, чем он брал, — настроением, пряной грустью, словами, подчас, увы, пошловатыми. Как и в песенке, что запел Сергей Львович:

Корабли оякорили бухты, —
Привезли тропические фрукты,
Привезли узорчатые ткани,
Привезли мечту об океане.

Если вокруг настоящий, не надуманный сочинителем, не кисейный океан, разве не потешишь душу сознанием, что ты имеешь родство именно с ним, а не с тем горячечно-душным, пошловато-ярким, несерьезным водоемом, откуда развозят по белу свету тропические фрукты и узорчатые ткани?! Потому и слушали Сергея Львовича сочувственно, подпевая не столько словами (слов не знали), сколько речитативным этаким мычанием.

Кончилась вечеринка залихватским гимном охотоведов, от которого дрогнули жалобно стекла (ибо слова знали почти все):

Не нужна нам мягкая перина,
Над кроватью Шишкина картина,
Лишь была бы телогрейка,
Сапоги и тюбетейка,
А в кармане спички да махорка!

На улицу вышли гурьбой. Тонко оседала дождевая пыль. Размыто светились в бухте огни рейсового теплохода.

— Как вы планируете здесь свою работу? — спросил Касьянов, останавливаясь и закуривая.

— Я приехал сюда проветриться, отдохнуть,— неожиданно резко сказал Сергей Львович, будто убеждал в этом самого себя.

— В сущности, и я тоже,— спокойно сказал Касьянов.— Разве так, между прочим...

— Вот и я разве так, между прочим. Да и то вряд ли, дорогой коллега. Завтра я возьму рюкзачок, телогрейку, сапоги и тюбетейку, как в той песне поется, и двинусь из села по берегу куда глаза глядят, до самых оживленных птичьих базаров.

Полина оживилась, глаза ее сверкнули в свете сигареты, как два редких камня, повернутых выгодной гранью.

— Вот и мы с Эдиком тоже! Здесь есть туда подальше пустынная бухта, в которой, говорят, когда-то знаменитый Шелихов зимовал. Вот мы туда катером, нас там высадят. Ой, как это будет замечательно! Давайте с нами вместе, а?

— Нет,— уклонился от ее предложения Сергей Львович,— я как-нибудь пешочком. Я это люблю — быть наедине с миром. И, знаете, когда пройдусь пешком, я себя человеком чувствую. В каком-то, знаете, изначальном смысле, в первородном, без всего того, что придала человеку цивилизация и что его так или иначе подпортило, подкоптило...

— Что ж, мы будем рады повстречать вас в пути,— вежливо сказал Касьянов.— Вам ведь есть что мне сказать, я же чувствую это. Ведь вы чего-то не договариваете, Сергей Львович!

Сергей Львович, смеясь, протянул ему руку.

— Ценю вашу проницательность. Так, значит, до встречи, молодые люди! До чая с морошкой на берегу океана!

С утра он пошел по берегу в полном одиночестве, как и было задумано. Даже транзистора не взял. Надо от всего такого отрешиться, все забыть, стать проще, стать как сама природа. А впрочем, и она непроста, уж ему ли не знать. Эта мимолетная мысль слегка его смутила, но и только. И, словно после рюмки коньяка на вчерашней вечеринке, он неожиданно запел, пританцовывая и разводя руками:

Я ма-аленькая балерина,
Всегда нема.
Всегда нема.
И скажет больше пантомима,
Чем я сама.

Печальная песенка. А Сергей Львович запел ее от избытка чего-то отнюдь не печального. Было так пустынно, куда ни глянь, и так успокоительно светило солнце, что он разделся чуть ли не донага. Но вдруг устыдился самого себя перед этим безмолвным миром, жалкой незащищенности своего блеклого тела — так тощий, долговязый, робкий юноша теряется в обществе опытной и ироничной женщины.

Войдя во вкус перехода, не спеша, не отвлекаясь суетными размышлениями, Сергей Львович тем не менее постоянно ощущал в руках беспокойную тяжесть фотоаппарата, и зрение его было обострено. Особенно занимали Сергея Львовича кулички-песочники: их ничуть не смущал объектив, нацеленный сверкающим жерлом,— сонно щурили глазки, а то и впрямь спали, уткнув клювики в перья и убрав, как шасси, одну ногу куда-то в подбрюшье.

На ночевку он остановился в бревенчатой юрташке, с которой, правда, зимним штормом сорвало двери, да и всю ее своротило набок. Хозяйственно огляде́вшись в своем жилище, он вышел, нарезал высоких шеламайников, всякого буйнотравья и на эту пышную подстилку, источающую йодистое благоухание, бросил лист поролона, потом и спальный мешок.

А вот спички, при всей своей пунктуальной натуре, склонной к раз навсегда установленному порядку сборов, Сергей Львович позабыл. Это надо же, с похмелья, что ли... Забыл не только спички, но и чай, хотя какой уж тут чай без огня.

В юрташке, часто дающей приют путникам — охотникам да рыбакам,— нашлись и ржавый топор, и чайник с потрескавшейся полудой, и отсыревшая соль, и дрова — в ней, как назло, не было только спичек. Долго ковырялся Сергей Львович в разном мусоре, ползал на четвереньках, как не ползал уже лет с полста, с дотошностью следопыта переворачивал чуть ли не каждый окурок, прежде чем обнаружил коробок, в котором ничто не шебуршилось и не стучало, но на поверку застряла все же между синей бумажкой и плоскоотесанным донцем безгласная спичка. И уж Сергей Львович заставил ее сразу воспылать феерическим огнем, для чего не пожалел ни бумаги, ни хрустких сухих водорослей, ни дощечек с оттиснутыми по трафарету иероглифами.

Поужинав и удостоверившись, что костер не зачахнет до рассвета, Сергей Львович пошел в юрташку, зябко ощущая, как тяжелит плечи ночная сырость, как сонливость мало-помалу вяжет тело. Забаррикадировав дверь, чтобы не проникли и не понасмешничали песцы, он улегся с сознанием хорошо прожитого дня, емкого, как без устали ворочающийся за стенами океан.

Утром он повстречал песцов неподалеку, по-летнему неприбранных, вислокосматых, до наглости любопытных, и скормил им остатки своей трапезы. Летом, впрочем, жилось песцам вольготно. В этом Сергей Львович убедился на речке, увидев, как песец охотится за горбушей. Ее вспученные горборылые тела виднелись там и сям по мелководью, рыба шуровала по гальке брюхом, судорожно била хвостом.

Почему-то и Сергею Львовичу захотелось рыбы — душистой ухи или жареного самого что ни на есть горбушечьего горба, самой верхушки, в которой весь жир скопился. Тем более что ее хоть руками хватай, горбушу. Достаточно палкой ударить...

Сергей Львович тут же ринулся на промысел — сперва не таясь, а потом уж подползая к реке по-пластунски, следя за рыбой из кустарника, целясь наверняка. Однако ему следовало предвидеть, что не убьет он горбушу таким способом. Вода не воздух. Да и рыба не дремлет, несмотря на всю ее самоотверженную обнаженность перед любой напастью.

Посрамленный и промокший, медленно перешел Сергей Львович завалящую эту речку, медленно побрел дальше вдоль океана по песку, во влажность которого плотно впечатывались его следы, окаймленные крахмально скрипучими нимбиками. Так брел он и брел весь день, слушая всплески горбуши на речных перекатах, фотографируя в тундре грибы с плотно нахлобученными шляпками, шикшу, дробно чернеющую на кочках, и след закатного солнца на сонно поникшей воде, и пенные завитушки приливной волны. Он по-прежнему пел печально-сладкие песни Вертинского, вел пространные односторонние беседы с куличками, с глупой нерпой акибой, вздумавшей подремать на угретом песочке, и ощущал томящую свободу дыхания, невесомость тела, и любовался своевольной архитектурой скал. И не заметил, когда вся эта их шпилеобразная отвесность, эта стихийная готика стала его угнетать, давить на мысли. Неожиданно он почувствовал, что не только оглушен, а опрокинут одиночеством, выбит из привычной колеи милого переходного состояния. Едва ли не впервые за эти два дня (или три?) он вспомнил Касьянова, скорее, впрочем, его юную спутницу с асимметричным лицом туземной царицы и с напряженным блеском глаз. Что-то щемящее, как тоска по давно утраченному, задело его душу. И поймав себя на этой мимолетной беспричинной боли, он через силу вернулся мыслями к Касьянову, подумал: «А где же эти его молодые лавовые потоки?»

Ибо он действительно их не видел, хотя бессознательно высматривал, наблюдая структуры острова даже тогда, когда охотился с палкой за горбушей. Район, досконально описанный Касьяновым — а это был именно описанный им район,— не давал особого повода для рассуждений о недавней вулканической деятельности. Следовательно, и все построения Касьянова могли поколебаться. Словом, что-то тут не вязалось, но поскольку у Сергея Львовича не было ни малейшего желания докапываться как раз в эти минуты до первопричин, он не собирался уточнять и детали. Он всего-навсего схватывал мимоходом общее, и детали в этом общем проступали пока разрозненно, несогласованно.

Ему хотелось крепкого горячего чаю и покоя. Но только к вечеру следующего дня он наконец добрался до той бухты, где, по слухам, зимовал два века тому назад богатый русский мехоторговец Шелихов, которого склонны были величать и Колумбом Русским и мало ли еще как пышно. Думая об этом вскользь, он и не заметил, когда к нему подошел Касьянов.

— А вот и вы,— встрепенулся Сергей Львович с подлинным облегчением.— Ну, как вам тут живется-можется, коллега?

— Да ничего живется. А у вас что-то вид не очень...

— Пустяки. Я просто соскучился по крепкому чаю. Чай, собственно, вроде водки, если привыкнешь — пропал. Я, жалкий склеротик, забыл в селе чай и — того хуже — спички. Со вчерашнего утра не ел ничего горячего. А вообще здорово все тут. Колоссально! Эти литые несокрушимые базальты, эти... мм...— Сергей Львович почувствовал, что впадает в неискреннюю патетику.— Да, так чай. Кто-то как будто обещал даже чай с морошкой?..

— Чай мы сообразим быстро,— сказал Касьянов.— Мне тут кстати обещали и водочки подбросить из соседней бухты. Одна прелестная аборигенка. Там зверобои сивуча промышляют.

Сергей Львович недоверчиво покачал головой.

— Сомневаюсь. Коли у них там есть водка, они ее и выпьют сами за милую душу.

— Ну что вы,— усмехнулся Касьянов.— Женщины меня никогда еще не подводили. Это исключено.

— Уж если вы ссылаетесь на правило, не знающее исключений...— пожал плечами Сергей Львович.

Теперь они шли друг за другом к полуразваленной юрташке, рыхло проступившей в глубине бухты, и Сергей Львович впервые обратил внимание на модную прическу спутника. Сергей Львович усмехнулся, вспомнив, что в Москве доморощенных биттлов за такие их прически убийственно прозвали «манечками».

— А где ваша скво?

Касьянов запнулся на непривычном слове, но, тотчас сообразив, о чем речь, ответил смеясь:

— Она упала, спасаясь от преследования индейского племени «Воронье крыло». Немного подвернула ногу. Лежит.

— Ничего серьезного?

— Да нет, ерунда, отлежится.— Касьянов поддел носком сапога медузу — много их лежало по берегу блюдечками литого стекла; нет-нет да и попадались здесь привлекательные бутылки, чаще всего из-под виски «Белая лошадь», из-под рисовой водки сакэ, все плотно закупоренные, с тиснением по выпуклым граням; Касьянов и бутылки расшвыривал небрежно, подфутболивал в воду, с шуршанием гнал по песку.— Хотите морского ежа? Нет? Напрасно. У него бесподобная икра. Конечно, в своем роде, сладковатая, морской сыростью отдает. Она весьма полезна. Нет, серьезно. Наличие, так сказать, всех жизненно необходимых человеческому организму аминокислот. Приличный процент белка. Плюс еще какие-то витамины от малокровия. Чем не букет?

Он зашел в глубокую промоину между рифами, отодрал от камней несколько зеленых шипастых тюрбанчиков и сжал их в жестких ладонях. Иглы вмялись, хрустнули слабые панцири; вода стекла, обнажив оранжевую мякоть икры.

— Если где и проявлять научную агрессию,— сказал Касьянов, с причмокиванием растирая по нёбу нежную икру,— так именно здесь, в океанах, занимаясь в первую очередь океанологией. Наши там, наверху, этого не понимают скорее всего. Ведь бездонная кладовая! Космос космосом, но океан пока перспективней.

Сергей Львович невнятно проговорил не

то всерьез, не то шутя, спорить о каких-то самоочевидностях ему не хотелось:

— Да. Все необходимые человеческому организму аминокислоты. Приличный процент белка. Что ж, быть может! Но не всегда мы вольны делать то, что более любо нашему привередливому организму. Иногда приходится увязывать свои интересы с общей конъюнктурой. И, случается, в ущерб себе, ибо конъюнктура — несговорчивая тетка. Вот так-то. Не одни живем в мире. Много нас всяких.

В здешней юрташке хотя бы дверь на петлях держалась. На сдвинутых кроватях с проржавевшими сетками желтела прошлогодняя сбитая трава, и вот на ней-то, уткнувшись лицом в колени, сидела Полина. Она вскинула голову, в тусклом свете оконца черты лица обозначились плоско и темно, только высветленно топорщилась смешная куцая бровка, да диковато замерцал вполбелка глаз. Потом она вся потянулась к Сергею Львовичу, заулыбалась, и он еще раз подивился этому узкому ее разрезу глаз, словно они были вытянуты в одну мохнатую ниточку. И вовсе не по моде это было, не под японку, а от рождения, от мамы с папой.

«Замысловатая какая,— тепло отметил Сергей Львович.— Мохнатенькая, скуластенькая, трогательная. И никакой в ней этой... значительности. Обыкновенный ребенок, осознавший в себе женщину и вот уже входящий во вкус роли».

— Сильно ушиблись? — спросил он нарочито суховато.

— Эдя говорит, пустяк,— слабо покраснела она.— Но я не переношу никакой боли, а было так больно. И я еще страшно испугалась, как бы не скатиться к обрыву, летела ведь кувырком. Ну, а там как в песенке: прощай, мама, прощай, папа...

— Что значит — не переношу боли?..— нахмурился Касьянов.— Надо воспитывать в себе сопротивление болевым ощущениям.

— Ну, не переношу, понимаешь... болевых ощущений.

— Я еще раз говорю: это просто невоспитанность.

Сергей Львович примирительно положил ему руку на плечо.

— Зачем же так строго, Эдуард Николаевич? Вашей девушке в ее возрасте боль просто непривычна. Но мало-помалу привыкают и к боли. Учатся ее стойко переносить по крайней мере.

Поля стеснительно хохотнула, осторожно разжав подпухшие губы; они обветрились и потрескались.

— Хорошенькое же будущее вы мне пророчите! Что ж, придется приспосабливаться заранее.

С этими словами, неуверенно двигая ушибленной ногой, она соскользнула на пол.

— Куда же вы? Лежите. Я пошутил.

— Но есть-то нечего! Эдик в вопросах кулинарии силен, он любит хорошую кухню, только его трудно подвигнуть на готовку, если речь идет о каком-нибудь простом вареве. Вот если бы дичь в белом вине, тут он лицом в грязь не ударит.

— А вы? Разве вы не любите готовить?

— Правду сказать, не очень. Это, конечно, все эмансипация довела, если верить Эдику.— Она прошлась, прихрамывая, по юрташке.— Ничего, ходить полегоньку можно.

— А что она любит? Разве только готовые пирожные,— сказал Касьянов, поеживаясь.— Торты, кексы, эклеры, безе.

Полина взглянула на Касьянова с опаской, так, словно заметила у него признаки повышенной температуры.

— Ну зачем, Эдик, ну зачем? — проговорила она мягко.— Вот всегда ты так — сразу раздражаешься. Было бы из-за чего, право.

Отвечая на недоуменный взгляд Сергея Львовича, Касьянов пробормотал все еще с досадой:

— Здесь, видите ли, природа дает нам все и нет только кондитерского магазина. Полину это слегка удивляет.

В том, что природа здесь не скупится на дары особого свойства, Сергей Львович вскоре убедился. Касьянов натурально священнодействовал, обрабатывая свежую, трепетно-малинового цвета икру горбуши, прогоняя ее сквозь самодельное нейлоновое ситечко, выдерживая в пахучих рассолах. Икра получилась дробинка в дробинку, округлая, полновесная, туго наполненная клейким эликсиром жизни, так что кощунством казалось есть ее ложками, а именно ложками и ели. Позже Касьянов, разойдясь, нажарил сковородку молодцевато упругих подберезовиков, подосиновиков, белых и небелых грибов, хотя ни береза, ни осина, ни какое иное дерево здесь отродясь не росло.

Сергей Львович вскоре убедился, что проворным рукам его коллеги доступно всякое бытовое ремесло. Помимо того, что он мог в мгновение ока зацепить крючком горбушу, сплести из нейлоновых волокон, подобранных в прибое, ловкое ситечко, совершенно восхитительно посолить икру, ему ничего не стоило убить забавного песчонка, выдубить темно-голубую шкурку, добротно, до барабанного звона просушить ее у костра. И все это с ясной головой, простодушно, ничуть не терзаясь угрызениями совести.

— А ведь это — браконьерство,— задумчиво сказал Сергей Львович, разминая в руках вкрадчиво похрустывающий мех.— Да и просто щенка жалко. Зачем вы его?..

— Да так, для сувенира. Полинке вот на память. Мне-то он не нужен.— Касьянов искренне огорчился наивной щепетильности уважаемого ученого.— Можно было бы, конечно, большого пристукнуть, но вы же сами видите, какой свалянный мех у них летом.

Сергей Львович молчал. Это раззадорило и, может быть, даже обозлило Касьянова: он не чувствовал себя виноватым.

— В сущности, и вот эта горбуша, которую мы съели недавно, тоже браконьерство, поскольку всякий лов лосося здесь под запретом. А ведь чистейшая же глупость, если спокойно разобраться. По крайней мере глупость для таких вот речек, где никогда не велся и не ведется промысел рыбы в избыточных количествах. Капля в море, вот что это такое. То же самое и с этим щенком...

— Может, вы меня и убедили,— сухо сказал Сергей Львович,— я ведь мало в этом смыслю. Сужу общими категориями. А впрочем, мне ли быть судьей, если я сам с удовольствием ел эту икру?

Остывая, Касьянов уронил с покровительственной иронией:

— Не нужно самобичеваний, Сергей Львович. Всю тяжесть ответственности за содеянное зло я готов взять на свои плечи, они у меня выдержат. Главное, больше простоты и меньше самоанализа, и все в мире встанет на свои места, шестеренка прильнет к шестеренке. И, простите, я понимаю, что не мне вам говорить, но все же не идет вам всякое такое самоуничижение.

Сергея Львовича всерьез начинала задевать легкость, даже бездумность поведения Касьянова, непостижимо сочетающаяся с добротностью той работы, что проходила через его руки, в каком бы виде и значении ни представала она потом на суд людской. Однако не совсем бездумен он, есть и программа: больше простоты, меньше самоанализа...

— Вот, кстати, что меня отличает от амебы: она не склонна к самоанализу,— далеко не сразу и с усилием ответил Сергей Львович.— Что же касается простоты, то ведь, знаете, она иногда бывает хуже воровства.

Касьянов обиделся, как-то привял немного.

Они долго бродили по окрестным увалам, избегая касаться тем, связанных с их научной деятельностью, отчасти потому, что Сергей Львович тогда на вечеринке откровенно об этом предупредил. Забрели наконец и в густой морошник. То простирался сплошной ковер бруснично-красной в пору созревания, местами желтой ягоды. Каждая ягодка высилась отдельно на своем прямом стебельке, а вместе они образовывали подбитую узорчатой зеленью дразнящую красноту, на которую только упасть ниц и до потери сознания насыщаться ею, теплой, зрело-размякшей. Было в этом необозримом ягоднике что-то плотское, будившее смутные желания, потаенную мечту о доброй, большой и любвеобильной женщине.

Склад мыслей Сергея Львовича получил восторженную окраску, да и обстановка, быть может, заслуживала того. Ведь радуемся мы стройной корабельной роще, каньону, в котором беснуется гремучий поток, чуть не молимся коленопреклоненно на какую-нибудь пирамиду Хеопса,— но вот такой свежетканый ковер, где что ни ягода, то маленькое диво на робком стебельке, тихое откровение Севера, красноустый шепот чуть пригретой его земли, можем и не заметить душевно, а то и пренебречь, как чем-то скоропреходящим. Но осядет прахом в раскаленное лоно своей пустыни пирамида Хеопса, а морошник останется. Не в этом, так в другом уголке великой молчальницы-тундры.

— Надо Полине вашей сказать, какое тут богатство лежит втуне,— рассудительно заметил Сергей Львович, подбрасывая в горсти с десяток ягод, любуясь ими, но не решаясь съесть.

— Да уж она свой собственный морошник нашла подальше,— успокоил его Касьянов.— Ушла туда с рюкзаком.

Когда они возвратились в юрташку, Полины там еще не было.

— Пожалуй, скоро она и не придет,— сказал Касьянов.— Тундра сейчас заманчива.— Он пристально всмотрелся в окошко.— Да и к лучшему. Во-он она у скалы остановилась, аборигеночка — та, что поллитра мне обещала. Ишь ты. Свой изящный изогнула тазобедренный сустав. Однако при ее коренастости что-то не очень... Н-да. Сюда, между прочим, идти не решается: знает, что я с Полиной. Прозрачный женский расчет. Хороша, правда?

Сергей Львович поискал очки: в последние годы зрение стало подводить его.

— Вполне,— сказал он искренне, еще не улавливая, к чему Касьянов клонит.

Даже издали Сергей Львович рассмотрел, что та девушка мужественно, грубо, по-мужски красива. Разве чуть низкоросла.

— Пойду приволокнусь за ней, пока время позволяет,— сказал Касьянов со вздохом, как бы сожалея, что хочешь не хочешь, а ритуал соблюсти надо; обычно суховатый в поведении, тут он сразу преобразился, ровно и ярко заблестел глазами, нервно повел шеей, и, настраивая себя так, он, как говорится, безо всяких чувствовал в Сергее Львовиче невольного, но понимающего ситуацию сообщника.

Что-то скользко торкнулось в груди у Сергея Львовича, но он не придал значения: удивляться-то, собственно, было нечему. Такова жизнь. Немного погодя он вышел вслед за Касьяновым наружу, но нигде его не увидел. Увидел на берегу только эту смуглую девушку и против желания, чего-то стыдясь, посмотрел на нее вопросительно. Будто зная, о чем он может спросить, девушка низко, простуженно сказала:

— Слабо ему, этому вашему. Слабо! А туда же,— торопится, спешит, дорогу не разбирает.

Сергей Львович не уклонился, выслушал все молча, томясь от чувства неловкости. Он достаточно ясно осознавал, что не настолько уж эта грубо привлекательная, угловато сбитая девушка неприступна и горда, как пытается показать. Ибо, если рассуждать последовательно, строгость поведения в любви не была отличительной чертой и ее прабабушек. Но тем лучше, что эта бронзоволицая внезапно вознегодовала, что вспыхнул в ней бунт крови, смешанной, быть может, лет двести назад с какой-нибудь колошской. Сергея Львовича порадовало это проявление воинственной резкости характера, унаследованной не иначе как от индейцев.

— Не стоит из-за этого расстраиваться,— пробормотал он некие серые и необя-

зательные слова, к которым задним числом прислушался с изумлением.— Зато в ваши отношения с этим молодым человеком внесена ясность. Где он запропал, между прочим?

— Там вон, на речке. Кажется, я ему задела нос. Кровь унимает. Кровь, как из сивуча, хлещет.

Ай-яй-яй! Сценка, издали казавшаяся драматической, при ближайшем рассмотрении стала смахивать на фарс: респектабельный молодой человек, подающий такие надежды, возможно, будущая звезда на притухающем уже небосклоне земной геологии — и этот раскрашенный нос...

Девушка ушла, крепко ставя в песок ноги, не виляя телом, не подрагивая талией, она была выше всяческих этих женских ужимок, да и не перед Сергеем же Львовичем ей стараться!

В юрташке Касьянов сказал, с брезгливостью притрагиваясь к распухшему носу:

— Немного не рассчитал дебют. Н-да. У

каждой машки свои замашки. Но водку все-таки она принесла. Женьшеневая. Дрянь какая-нибудь.

Сергей Львович поиграл этак дужкой очков.

— Да нет, девушка все-таки сильна. Своеобразная такая красота океанического типа. Что-то от индейцев, возможно. На острове и поныне есть потомки так называемых колошенских креолов. Не исключено, что и ваша знакомая из их числа. Доказательством тому, и весьма недвусмысленным, может служить ваш дивно разукрашенный нос.

— Н-да,— неопределенно сказал Касьянов, изучая грубо размалеванную бутылочную этикетку, пытаясь скрыть тем самым растерянность и смущение.— К этой женьшеневой явный недокомплект; еще бы женьшеньщину, а?..— И, посапывая носом, деланно засмеялся своему каламбуру.— Мужчину почему-то влечет именно к той прелестнице, которая чем-то его уязвила или обидела.

Сергей Львович заметно уже устал от этого разговора.

— У вас, между прочим, есть довольно милая... женьшенщина. Пользуясь вашей терминологией. Или Полина не в счет?

— Почему? Только в особый счет. Поля — это серьезно, надеюсь. Однако не будем толочь воду в ступе. Боже мой, ну что на самом деле произошло? Все в порядке вещей. С кем не случается? И давайте замнем. Мы же взрослые люди. Вот у нас есть пол-литра. И грибы. И где-то там в кастрюльке бесподобная икра, голубая мечта гурмана. Так давайте кейфовать, шут нас возьми! Для полного кейфа мне не достанет разве приличной сигареты, хотя бы «Шипки» на худой конец.

Сергей Львович никак не мог найти точки опоры. Он никак не мог определить сущность такого вот Касьянова и невольно досадовал. Что-то, однако, мешало видеть в нем заурядного прощелыгу. Быть может, его труды, изыскания? А что, если и в науке он халтурщик? Ничего не скажешь, талантливый халтурщик. Мистификатор. Вот эти самые молодые потоки, ведь нет же у него никаких доказательств, но что они могут здесь, в этой части архипелага, «всплыть», вполне вероятно, этому веришь. Ибо как будто так оно и должно быть. Только интуиция человека, досконально знакомого со всеми обстоятельствами здешней геологической истории, немного настораживала Сергея Львовича. Смущали кое-какие неувязки. И уже чувствуя, что семена смущения дали в душе всходы, Сергей Львович все же написал на работу Касьянова положительный отзыв. И б о к а к б у д т о т а к о н о и д о л ж н о б ы т ь.

Словом, никаких лавовых потоков относительно недавнего времени здесь нет. Касьянов посчитал, что никому не придет в голову его проверить, тем более что не всегда вот так сразу возьмешь и докажешь, как он, этот поток — молодой или не очень. Да и на шута он кому сдался, кроме разве такого пронырливого чудака, как Сергей Львович!

Внезапно Касьянов спросил:

— Вы слышали о моей теории взаимосвязей... Ну, в частности, о растениях — индикаторах полезных ископаемых? И о том, что...

Сергей Львович слышал и знал; признаться, то была не новая теория, но оригинально, вполне по-своему истолкованная.

— Что-то такое мне об этом говорили,— по-стариковски слукавил он.— Правда, меня сейчас больше занимает не эта теория, о которой еще придется спорить. Меня беспокоит ваша, казалось бы, бесспорная работа, которую мне привелось похвалить.

Он что-то говорил и говорил Касьянову, слово цеплялось за слово, рассуждение за рассуждение, и смысл его ворчливо льющейся речи уже давно был собеседнику понятен и, даже более того, был понятен подтекст, скрытое между строк, вписанное в витиеватые логические построения симпатическими чернилами, а именно: зачем ты обижаешь девчонку, паршивец?!.

А все то явное, что выговаривал Касьянову украшенный победно сияющей лысиной ученый муж, он пропускал мимо ушей, оно его не интересовало и не задевало, тем более что непонятно было, к чему старик приплел эти лавовые потоки. И вообще Касьянов относился к нему снисходительно, ибо время Сергея Львовича кончалось и начиналось его время, и это было так же неопровержимо, как неопровержим рассвет, наступающий после ночи.

В свой черед, Сергей Львович то ли брезгливо, то ли, может, брюзгливо сетовал в душе: таким вот, как сей изворотливый товарищ, все до тошноты несложно в мире — и в обращении с женщиной и в подходе к науке: надоела подружка — прогонит, подыщет другую, плохо лежит чья-то недосказанная мысль — подберет, доскажет от себя. Впрочем, не брюзжит ли он на самом деле? Ведь на самом деле Сергей Львович далек был от утверждения, что если молодой человек, оставив в сторонке невесту, приволокнет за другой женщиной, то вот он уже и безоговорочный подлец. Сергей Львович и сам еще не утратил способности к галантному обхождению с прекрасным полом, известного даже мужского кокетства, а однажды много лет назад — был смешной грех! — не устоял перед соблазном поухаживать за чужой женой, женщиной вполне достойной, хотя даже и не красавицей; но что-то в ней было такое, чем обошла природа собственную жену, м-да... Сергей Львович со смущением вспомнил те суматошные деньки и все же извинил себя за давностью времени: у него достало ума не повторять того, что, мягко говоря, не шибко красиво выглядело. Ведь не о любви шла речь, не о том чувстве, которое иной раз толкает человека под колеса паровоза. Нет, нет. Хорошо, что никто ничего не стал тогда усложнять — ни та женщина, ни его жена...

Да чего там, поухаживать можно, разумеется. Только... только как же так? Почти на виду у этой хрупкой славной девчурки, вся царственность которой, этакий вид не более чем защитная пленка легкоранимой натуры? Ох, а не сочиняет ли ее Сергей Львович? Поди, обыкновенная какая-нибудь дурочка. Поди, и учебу давным-давно забросила. Видите ли, пришла пора замуж — причина достаточно уважительная. Да, да! Ныне она в том прекраснодушном возрасте, когда о не достигнутом в свой час, о неосуществленном думается скорее с ленью, чем с горечью.

Касьянов выговорил с усилием то, что ему явно досаждало:

— Надеюсь, вы ни слова ей об этом... о том, что случилось?

Сергей Львович пожал плечами.

— Она ведь и сама не маленькая. Пора бы уже хоть в первом, так сказать, приближении научиться разбираться в людях. А впрочем, я многого требую,— это сложно для любого возраста.

— Так могу ли я все же надеяться?

— Если угодно...

— Ну что ж, пойду заваривать чай. Как раз и Полина показалась. Уже почти и не хромает,— я же говорил, что ерунда.

Сергей Львович остался недоволен собою. Вот относительно лавы он все же сказал, хотя странно, что Касьянов не отреагировал, как следовало ожидать. Но бог с ней, с лавой,— кто пострадает оттого, что она оказалась древней, а не молодой?! Впрочем, нарушатся кое-какие прогнозы, оценки количества и качества, пострадает наука. Обидно, конечно, да наука переживала и не такие потери! А вот если пострадает этот скуластенький, с чувственно припухшими губами человечек, будет больно. Даже ему, Сергею Львовичу, будет больно вчуже. В последнем счете и у него есть дочь примерно такого же возраста. Да и не потому только, что он отец. Речь об элементарной порядочности. О том, что дважды два четыре. О прописных истинах. Стоило только представить эту девушку, как она еще с ребенком во чреве станет уже несчастной, как обезобразят ее личико, одухотворенное некоей невыразимой характерностью, пятна беременности, а более того, душевная мука и раздумья о смутном будущем, чтобы содрогнуться и восстать против такой ее участи. Не то чтобы Касьянов готовил именно такую участь Полине, но этого можно было ожидать. (И тут же вспомнился Сергею Львовичу растерзанный щеночек — хрустко прогибающаяся темно-голубая шкурка этого зверька. Свадебный подарок, сувенир...)

— А вот и я! — звонко воскликнула Полина, становясь в проеме двери и размахивая рюкзачком с морошкой.— Сколько её-о!.. Наелась — как не лопну. Будем пить чай? Чай с морошкой на берегу океана, да? Как романтично, Сергей Львович, мы это с вами придумали!

— Боюсь, что мне придется уйти.

Воцарилось тягостное молчание.

— Почему? Куда? Надолго?

Сергей Львович не стал уточнять причин, а только слабо пожал девушке руку, самые кончики пальцев.

У Касьянова вытянулось лицо, но он смирил себя, ничем другим не выдал волнения, не стал фальшиво перечить.

— У Сергея Львовича срочные дела,— сказал он Полине.

— Но чай?! Минутное же дело!

— О, как будто весь смысл жизни в твоем чае с морошкой!

Он все-таки сорвался с верного тона.

— Эдик! Ты что-то от меня скрываешь. Сергей Львович поругал тебя, да? Что-нибудь по твоей работе?

Касьянов быстро на нее взглянул — бы-

стро и колко. Резко обозначились, побежали вниз от носа обычно незаметные морщины.

Сергей Львович уже вышел из юрташки, но ему хорошо были слышны сказанные вслед за тем слова Касьянова, тем более что тот постарался произнести их с демонстративной отчетливостью:

— Дело не в работе. Я животом здесь все лавы отшлифовал, филигранная техника, со мной не очень-то поспоришь. Но вообще-то он сказал, что я подлец. Как говорится, тем не менее...

Сергей Львович вздрогнул и невольно оборотился. Он увидел, как прильнула к Касьянову Полина.

— Так именно и... так и сказал?

— Ну, в частности, что я, видишь ли, бабник... Прямо и грубо сказать об этом ему помешали интеллигентская мягкотелость, деликатное воспитание, полученное в... в лучших домах...

— Но откуда ему...— задохнулась Полина.— Как он может! Ведь ты не такой! Он же тебя не знает!— Обмякнув, она проговорила уже тихо, с отчужденной безразличной ненавистью:— Такой вредный старикашка. А еще академик.

Она теснее прижалась к Касьянову, как бы выражая безграничное доверие в тяжелую для него минуту, обхватила его руками. Она была искренней в своем негодовании, но со стороны эта ее вспышка могла показаться довольно наигранной. Прежде всего об этом подумал Касьянов.

— Перестань!— сказал он, резко отталкивая ее.— А если он прав? Тебе еще не поздно подумать обо всем этом в более уравновешенной обстановке. Но он... хоррош! Да все мы хороши. Все мы немножко лошади. Ну и что? Теперь веревку на шею?

Слова его, в которых обнаженно бились и злость, и обида, и чуть-чуть опаска за возможные в будущем осложнения, долетали до Сергея Львовича все глуше, все жалостливей.

Я ма-ленькая балерина,
Всегда нема.
Всегда нема...

Голос у него был сухой и хриплый, и вообще получалось не столько грустно, сколько смешно. Горько раздумывал он об испорченном отдыхе — даже в таком захолустье настигла его эта житейская чехарда, конфуз какой-то, прямо тьфу, до чего скверно, если все вспомнить. Беспощадно донимал он себя запоздалыми упреками, пока взгляд его не скользнул случайно по стыку скалы, сложенной заурядным конгломератом, и цельного лавового выхода,— правда, на довольно изрядной высоте. В другой раз, нарочно не задавшись целью, можно было бы и мимо пройти. Сергей Львович уже чувствовал, если не знал наверное: лава молодая, младенец розовый в чепчике из конгломератов, только пустышку ей ткнуть в базальтовые молочные зубки... Но теперь это не имело значения ни для Сергея Львовича, ни для Касьянова. Теперь, когда речь пошла совсем о другом. О ценностях с иным удельным весом. Гм... Ведь и раньше Сергей Львович не сомневался в способностях Касьянова. Просто не мог не поверить истину сомнением.

Я ма-аленькая балерина...

Нет, с пением решительно сегодня не ладилось.

К месту ночлега Сергей Львович добрался в сумерках, когда в сапогах у него тяжело зачавкала вода: еле прошел непропуск, начался прилив. В первую очередь он разжег костер и поставил чайник: с морошкой или без, а чаем все же нужно было подкрепиться. Впрочем, у Сергея Львовича и морошка где-то завалялась в кармашке рюкзака. По вкусу она ему не пришлась, если откровенно: ягода, конечно, красивая, но мучнистая и пресная, как кисель без сахару.

Кряхтя, Сергей Львович начал стаскивать резиновые сапоги: портянки набрякли, подкладка внутри задиралась,— и он едва не отчаялся, прежде чем удалось стащить оба.

Всего одна жизнь

Великий гуманист, ученый, исследователь, путешественник, художник, спортсмен — чемпион мира по конькам и чемпион страны по лыжам; человек, ставший национальным героем в тридцать лет (позже его стали называть совестью Европы, гражданином мира) — Фритьоф Нансен...

Фильм «Всего одна жизнь» — попытка рассказать о славных делах этой жизни.

Подводя ее итоги, Нансен сказал, что годы ушли, а он, в сущности, сделал так мало!..

Этого «мало», однако же, было так много! Картина о многих событиях лишь напоминает их короткими, до предела сжатыми эпизодами. Тем не менее авторам сценария — норвежским писателям Одд Банг Хансену и С. Эвенсму, а также советским кинодраматургам Ю. Дунскому и В. Фриду, как и режиссеру-постановщику С. Микаэляну, удалось удивительно стройно скомпоновать некое единое целое, полностью подчиненное образу центрального героя в его развитии, как основной теме повествования.

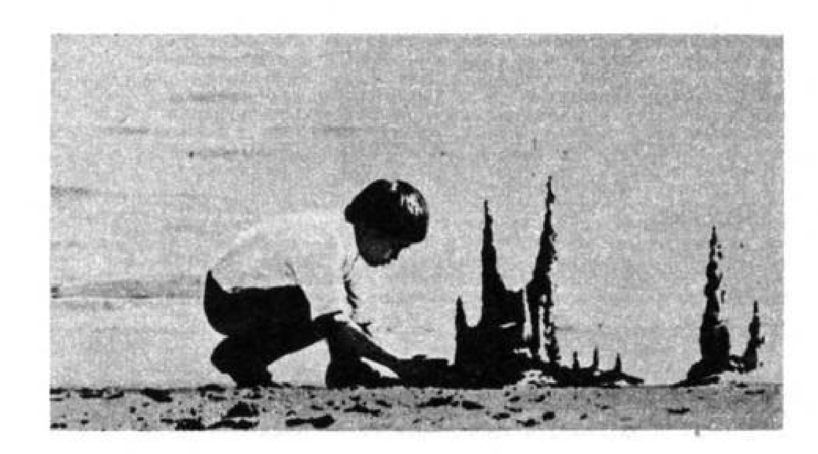
Гуманистические идеалы Нансена, его раздумья об обществе, его борьба за мирное и разумное решение сложнейших вопросов мировой политики; интерес и симпатии к новому социальному строю, рожденному в России Октябрьской революцией, выражены в фильме убедительно и интересно.

А. ЭРШТРЕМ

На снимке: кадр из фильма. Кнут Вигерт — Нансен; И. Калмеер—Амундсен (справа).

ЛАУРЕАТ ЗОЛОТОГО ДРАКОНА

ВЫСШИЙ ПРИЗ НА КИНОФЕСТИВАЛЕ В КРАКОВЕ

Всего полчаса занимает фильм, но, какую бы картину ни давали после него, эта двухчастевка не уходит из памяти. Будто завораживают киргизские кинодокументалисты своими «Замками на песке». А рассказывают они (сценарист и режиссер Я. Бронштейн и А. Видугирис) всего лишь про обычного мальчишку, который лукаво смотрит на вас с экрана и хитро подмигивает, как заговорщик...

Дело в том, что он строит замки; замысловатые, большие, красивые замки на песчаном берегу. Мальчик так увлечен работой, что и не заметил, как на его строительную площадку пришел «враг»: рыбак-велосипедист; налетел и разрушил сказку. Но маленький зодчий — мужественный человек: он заново возводит свои башни и бойницы. Только теперь слишком близко вода. И волна разрушает его город. А беспечная девчонка еще и ногой наподдала по остаткам «строений»; гневный вид мальчика заставляет ее бежать в смятении...

Вообще зодчему не везет: комендант пляжа ругается и отбирает у него деревянную палочку: можно прийти в отчаяние! И вдруг перед мальчиком сказочная фея: она грациозна, воздушна, все ее движения — полет... Это тренируется на пляже гимнастка, такая, как Наташа Кучинская. Красота питает вдохновение. И вот зодчий снова строит свой город. А вокруг него собираются люди; им тоже, глядя на творца, захотелось построить свои замки...

Это фильм-новелла. Фильм немой: в нем не сказано вслух ни одного слова. Зато есть музыка композитора А. Волконского, шум волн... А главное, есть счастливая победа поэзии и мечты.

Н. ЗЫБИНА

ИНТЕРЕСНАЯ ГИПОТЕЗА

БОЛЬШАЯ ЛУНА СТОЛКНУЛАСЬ С ЗЕМЛЕЙ

Космические станции облетели Луну, сфотографировали в профиль и анфас, с близкого и далекого расстояния. Кажется, все идет хорошо: наши знания о Луне постоянно растут. Но мы многого не знаем о Луне. В частности, откуда взялась сама Луна, как она произошла?

Как раз в эти последние дни старого года в нашу редакцию пришел человек, который сказал, что он, кажется, знает, откуда взялась Луна. Так мы познакомились с московским инженером Анатолием Ивановичем Шейко.

В 1966 году он предложил гипотезу о происхождении Луны. В 1967 году на ежегодных чтениях, посвященных научному наследию К. Э. Циолковского, он сделал доклад, где изложил основные идеи. И вот он сидит перед нами, рассказывает. Мы рассматриваем схемы, отзывы ученых.

Вот один из этих отзывов.

А. ЯКОВКИН,
член-корреспондент АН УССР

В сложной проблеме происхождения Луны подробно разрабатывались в основном две взаимно исключающие гипотезы: захват Землей приблизившегося к ней другого тела и отделение от Земли материи, из которой позже сформировалась Луна.

Невозможность захвата при сближении двух тел была строго доказана. Эти два тела разрушатся при прямом ударе или навсегда разойдутся. Поэтому считается ошибочной гипотеза, по которой готовая, где-то сформировавшаяся Луна была захвачена Землей при случайном близком прохождении.

Также доказана ошибочность гипотезы Дж. Дарвина (1845—1912), согласно которой Луна отделилась от Земли, бывшей в то время еще жидкой, пластической и быстро вращавшейся.

Как видим, проблема происхождения планет и их спутников чрезвычайно сложна.

А. И. Шейко выдвигает новую идею: некоторая Большая Луна, масса которой раза в три больше существующей Луны, столкнулась с Землей, причем удар был по касательной. Он разбил Большую Луну на части и осколки разной величины. Взрывная волна расширяющегося газа затормозила одну из крупнейших частей, которая, имея уменьшенную скорость, была захвачена Землей на орбиту спутника. Идея, на наш взгляд, оригинальна, интересна и допускает математическую обработку.

— На чем же вы основываете вашу гипотезу? — обращаемся мы к А. И. Шейко.

— Сама идея захвата Луны Землей разработана, исходя из принципа загроможденного межзвездного и особенно межпланетного пространства.

Пять миллиардов лет назад околосолнечное пространство было сильно загромождено космическими телами различного размера и различной структуры. Из этого материала и сформировалась так называемая Большая Луна.

Обращаясь вокруг Земли по геоцентрическим орбитам, Большая Луна и другие тела постепенно теряли свою скорость. Этому способствовали их столкновения друг с другом, встречи с потоками метеоритов и плотными пылевыми облаками. Замедлив свой бег, огромные тела в конечном счете падали на Землю и разбивались при взрыве. Некоторые части их снова выходили на геоцентрические орбиты, но уже с меньшим средним радиусом, снова в условиях загроможденного космоса падали на Землю, частично опять отбрасывались на еще более близкие к Земле орбиты и т. д., пока почти все крупные и мелкие тела из околоземного роя не упали на Землю. И только особо крупная Большая Луна, вызвавшая соответственно особо мощный взрыв при падении на Землю, смогла быть отброшенной от Земли на очень большое расстояние, видимо, превышающее тридцать — сорок радиусов Земли. В этой удаленной от Земли зоне степень загроможденности пространства газово-пылевым веществом, крупными и мелкими метеоритами и т. д. была во много раз меньше, чем вблизи Земли. Поэтому Луна смогла удержаться на этой орбите, так и не упав на Землю.

— Как вы себе представляете это грандиозное столкновение Земли с пра-Луной?

— В результате взрыва образовалась громадная масса раскаленного газа, большое количество жидкой, расплавленной магмы и осколков пород различного размера.

В силу притяжения Земли бóльшая часть этой взорванной массы Большой Луны слилась с нашей планетой или окружила ее в виде раскаленной атмосферы. В итоге Земля оказалась покрытой расплавленным слоем в среднем толщиной во много десятков или даже в несколько сот километров за счет взорванной Большой Луны и взорванной массы Земли.

Другая часть массы, имеющая скорость более чем 11,2 км/сек., ушла совсем из сферы притяжения нашей планеты.

Третья, одна из крупнейших частей, имевшая начальную скорость от 8 до 11 км/сек., была захвачена Землей на эллиптическую околоземную орбиту с малым эксцентриситетом. Так и возникла Луна.

Особое значение в акте захвата Луны имеет взрывная волна расширяющегося газа, а также та, вторая часть взорванной Большой Луны, которая совсем уходила из сферы притяжения. Они затормозили будущую Луну, значительно облегчили захват ее Землей.

В итоге после столкновения Луна стала вращаться вокруг своей оси против часовой стрелки. Земля приобрела бóльшую скорость вращения и была отброшена (по спирали) на более близкую к Солнцу орбиту.

Гипотеза о столкновении Большой Луны проясняет многие загадки Земли, и в частности тайны зоны Тихого океана, причины чрезвычайно глубокого залегания очагов землетрясений в этой зоне — до 500—700 километров вместо обычных 100—300 километров. Решаются некоторые вопросы возникновения и развития первичной земной коры.

Гипотеза подтверждает мнение о том, что Земля в период ее окончательного сформирования была в целом твердым телом (за исключением ее верхнего слоя), так как в целиком расплавленной Земле не смогли бы сохраниться приблизительные контуры Тихоокеанского магматического котла, который после описываемой катастрофы имел, по-видимому, глубину много сотен километров.

УВЕЛИЧИВАЯ ВЛА

В. Е. ЦАРЕГОРОДЦЕВ,
зам. председателя Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР

Идут последние дни 1968 года. Что принес он ученым? Какие рейды в область неведомого были совершены нашими исследователями, какие новые материки были нанесены на карту, какие белые пятна закрашены в цвета знания?

«Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней...» — писал В. И. Ленин.

Увеличивая власть над природой... Уходящий год в Советском Союзе был урожайным на открытия. Недавно комитет вручил дипломы еще трем группам исследователей. По случайному стечению обстоятельств это произошло в один и тот же день. Каждое из этих открытий достаточно интересно и каждое, по существу, помогает увеличить власть разума, власть человека над природой.

...Они работают в Дубне, в Объединенном институте ядерных исследований. Руководит группой академик, лауреат Ленинской премии, автор трех открытий Георгий Николаевич Флеров.

Остальные четверо молоды, но уже известны в науке. Сергей Поликанов — доктор физико-математических наук, лауреат Ленинской премии; Всеволод Михеев блестяще защитил кандидатскую диссертацию; кандидату физико-математических наук Владимиру Перелыгину присуждается уже второй диплом комитета — первый он получил за открытие элемента курчатовий; автором интереснейших исследований является кандидат физико-математических наук Анатолий Плеве. Пятый из этой группы навсегда останется молодым: талантливый физик Владимир Фомичев трагически погиб в возрасте двадцати семи лет, диплом открытия ему присужден посмертно.

В 1962 году в Лаборатории ядерных реакций Объединенного института ядерных исследований в Дубне эта группа ученых открыла неизвестное ранее спонтанное деление ядер из метастабильного (возбужденного) состояния с энергией возбуждения, лежащей ниже барьера деления.

Что значит эта мудреная фраза? Вряд ли возможно в нашем кратком рассказе раскрыть смысл этого нового для ученых физического явления. Скажем только: оно позволяет глубже заглянуть в тайны атомного ядра.

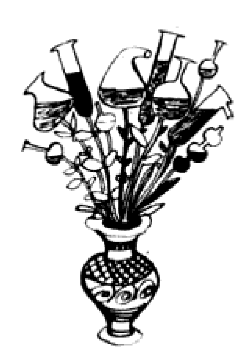
Интересно, что теоретики не предсказывали это открытие. Казалось невозможным даже объяснить его на первых порах. Но потом стало ясно, что открытие поможет развить теорию деления ядер. А что такое деление ядер и какое значение оно имеет, я думаю, не нужно напоминать читателю. Достаточно сказать, что это процесс, от которого зависит вся ядерная энергетика. И вот так всегда: чистая теория рано или поздно дает выход в практику. С точки же зрения науки эта работа имеет еще большее значение, так как обнаруживает новое свойство материи, помогает глубже проникнуть в тайны ее строения.

Второе открытие. Вторая группа исследователей — доктор химических наук, лауреат Ленинской премии М. Е. Вольпин и молодой научный сотрудник В. Б. Шур из Института элементоорганических соединений АН СССР. Но прежде чем будет изложена суть их работы, скажу несколько вступительных слов.

На протяжении многих десятков лет ученые пытались разными способами заставить азот вступить в химическую реакцию. Для этого строят специальные химические заводы, где создаются колоссальные температуры и давления. Только так можно получить аммиак — ценнейшее вещество, буквально хлеб химической промышленности, основу всех азотистых удобрений. Так было во всем мире. И вот двум советским ученым — М. Е. Вольпину и В. Б. Шуру — удалось добиться химической реакции азота в обычных, «комнатных» условиях, при помощи солей переходных металлов, например, титана, хрома, молибдена, ванадия, железа и др.

Работа открывает заманчивые перспективы. Все понимают, например, что значит для бескрайних полей нашей страны получить в изобилии дешевые азотистые удобрения. Это хлеб, это сахар, это новый подъем нашего сельского хозяйства.

СЕНСАЦ

Рисунки Б. АЛИМОВА.

А. ДЕНИСОВ

Совсем недавно на выставке во Франции подлинную сенсацию вызвали духи Кулон — изделие рижской парфюмерной фабрики «Дзинтарс».

Мы беседуем с главным специалистом фабрики Айной Пашко.

— Сейчас мода на духи в корне изменилась, — рассказывает Айна.— А в мире ароматов это бывает не часто, скажем, раз в сто лет.

Во всем мире сейчас пользуются успехом легкие запахи, которые не оставляют за собой шлейф. Или, как говорят специалисты, с короткой волной.

Короткая волна вернула духам интимность. Их аромат — для самой себя и для самого близкого человека. Он только ваш, потому что ощутим лишь на коротком расстоянии, на короткой волне.

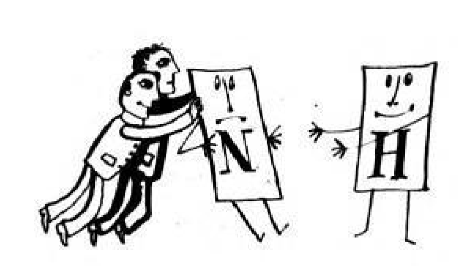
...Мы в мозговом центре фабрики ароматов — лаборатории. Сотни колб, нет, наверное, тысячи.

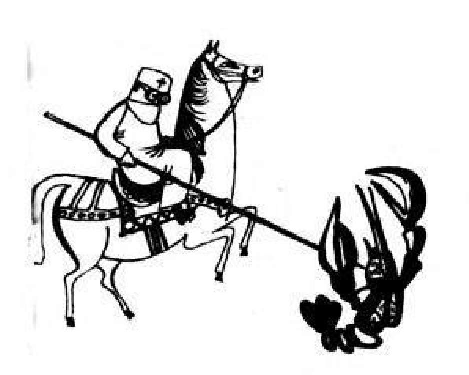
Айна протягивает их одну за другой, и даже мой непросвещенный нос отчетливо ощущает совершенно несхожие запахи.

— Как же вы объединяете их в единый букет?

...СТЬ НАД ПРИРОДОЙ

Третье открытие связано с раком — страшной болезнью, одним из самых загадочных недугов человечества. Как победить его? Как разгадать характер злокачественных опухолей, найти закономерности их развития? Любое открытие в этой области — ступенька к победе. Перед тем, как начать лечить, ведь необходимо понять, всесторонне исследовать.

Именно таким открытием стала работа ученых из Института эпидемиологии и микробиологии АМН СССР, из Института экспериментальной и клинической онкологии и Института антибиотиков АМН СССР. Ученые одновременно и независимо друг от друга открыли у опухолеродных вирусов неизвестные ранее свойства.

Работа ученого... Часто целой жизни не хватает, чтобы начать и полностью завершить исследование. Действительному члену Академии медицинских наук Льву Александровичу Зильберу диплом открытия присужден посмертно. Но мысль учителя живет в работах его учеников. Среди получивших диплом ученица Льва Александровича, молодой доктор биологических наук И. Н. Крюкова, продолжающая его исследования. Работу в Институте экспериментальной клинической онкологии и в Институте антибиотиков вели доктор медицинских наук Г. Я. Свет-Молдавский и кандидат биологических наук А. С. Скорикова.

Полвека ученые всего мира считали, что опухолеродные вирусы могут вызывать заболевание только у тех видов животных, в организме которых они обнаружены. Однако оказалось, что птицы и другие животные могут быть источником вирусов, вызывающих опухоли у человека. Это открытие коренным образом изменило направление многих исследований в онкологии и вирусологии, приблизило ответ на вопрос, как возникают опухоли, стало еще одной ступенькой к победе над этим страшным недугом.

...Ядерная физика, химия, медицина. Мне кажется, что эти три диплома, выданные в один день, показывают ветви развития советской науки сегодняшнего дня — науки, проникающей в тайны строения мира, создающей вещества по заказу, побеждающей болезни, увеличивающей власть человека над природой.

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ

В первых номерах «Огонька» 1969 года мы начинаем публиковать повесть американского писателя Патрика Квентина «Дело по обвинению...».

События, происходящие в семье владельца журнально-издательской фирмы Ч. Д. Кэллингхема, вскрывают мораль и нравы буржуазного общества, которые выступают в еще более обнаженном и неприглядном виде после загадочного убийства одного из героев повести.

Повесть иллюстрирована художником П. Караченцовым.

...«Ты не имеешь никакого отношения к тому, что случилось, всю ответственность должна нести я. Если бы я не позвонила тебе в тот вечер, ты бы вообще ничего не знал. Какой смысл впутывать тебя, тем более что ничего страшного не произошло. По закону я невиновна, пока моя вина не доказана...»

...ИЯ В МИРЕ АРОМАТОВ

— Про парфюмерию недаром говорят, что она и наука и искусство,— отвечает Айна Пашко.— Наука — это известные нам сочетания, которые дают характерный аромат. А искусство — чувство пропорции при подборе и смешении новых компонентов.

Если быть совсем точным, то парфюмерию следует назвать эмпирической наукой. Дело в том, что ученые до сих пор не проникли в тайну запаха. Механизм запаха остается загадкой, почти три десятка теорий его происхождения, по существу, ничего не объясняют.

Единственная, точно установленная в наши дни закономерность душистых веществ связывает аромат с количеством атомов углерода в молекулах органических соединений.

Благоухающие вещества обычно построены с помощью атомов углерода. Если этих атомов пять или шесть, то молекула, как правило, обладает максимально интенсивным запахом. Количество атомов углерода нарастает, и постепенно гаснет аромат. Он становится все слабее и окончательно исчезает, когда атомы углерода перешагивают через цифру двадцать.

И в этом проявляется разумная предусмотрительность природы. Ведь чем больше атомов углерода в молекуле, тем выше ее молекулярный вес и ниже летучесть вещества. Если же молекула не улетает, если она не умеет порхать в эфире, тогда природа вполне логична — и пахнуть ей незачем.

Это отступление необходимо для того, чтобы стало понятнее виртуозное мастерство парфюмеров, чей труд находится за гранью постижимого наукой. Потому-то они и называют искусством сложение в единый аромат нескольких по-разному благоухающих веществ.

— Скажите, Айна, сколько в духах различных компонентов?

— От десяти до семидесяти.

— И каждый из них обладает индивидуальным запахом?

— Почти все. Кроме фиксаторов, которые сами по себе почти не пахнут, а только удерживают запах. Так что каждая новая композиция — это не механическая смесь. Тут все намного сложнее. Вот самый простой пример: запах альдегидов никто не назовет приятным, но крошечные их добавки облагораживают аромат, делают его пикантным.

— Чем же отличаются духи короткой волны от длинной?

— В первую очередь подбором таких компонентов, которые дают в сумме легкий, свежий аромат. И введением такого фиксатора, который удерживает запах только на коротком расстоянии...

Из-за старой, длинноволновой моды мы как-то забыли, что парфюмерия — вещь интимная,— продолжает рассказывать Айна.— Ее нельзя выставлять напоказ. Там, где речь идет о помаде, красках, пудре,— это дело вашего вкуса. Но отсутствие чувства меры при употреблении духов затрагивает интересы не одного человека, а сразу нескольких.

— ?!.

— Представьте себе помещение, где работают вместе, скажем, пять женщин. Даже если одна из них злоупотребляет стойким, густым ароматом, это верная головная боль у остальных в конце рабочего дня. А если все пять... Я лично прихожу в ужас, когда при мне вынимают из сумочки флакон духов.

Любые духи длинной волны, особенно если их употребляют побольше да погуще, становятся устойчивым и душным облаком. То же самое относится и к мужским одеколонам старой модели. При неумеренном потреблении обычный «Шипр» превращает мужчин в ходячую головную боль для людей с нормальным обонянием.

— Какие же одеколоны короткой волны предлагаете вы мужчинам?

— Пока их два: «Рижанин» и «Фигаро».

— В этом году изделия вашей фабрики выдвинуты на Знак качества. Есть ли среди них короткая волна?

— Конечно,— отвечает Пашко.— Знак качества, как известно, присуждают той продукции, которая находится на уровне лучших мировых образцов. А некоторые наши изделия, в том числе и духи короткой волны, превосходят этот уровень.

Пашко подходит к макету карты мира, на котором, как трассы самолетных рейсов, протянулись десятки красных нитей от Риги ко всем континентам.

— Мы продаем свою продукцию в десятки стран: Англию, Канаду, США, Швецию, Турцию, Бразилию... Даже во Францию.

Вано МУРАДЕЛИ,
народный артист СССР

МОГУТ ЛИ БЫТЬ НА СОЛНЦЕ ПЯТНА?

Разумеется, могут! Они часто появляются на нашем светиле. Астрономы уже давно установили их периодичность.

В природе рождение такого рода явлений от нас не зависит. Если же употреблять подобное выражение в переносном смысле, как это сделал в своей статье «Пятна на музыкальном солнце» («Огонек» № 40) музыкальный критик Иннокентий Попов, то нужно подчеркнуть, что наличие подобного рода пятен, борьба с ними, уничтожение их во многом зависят от нас самих.

Я горячо приветствую эту статью и разделяю ее эстетические положения. Образ, найденный автором, кажется мне очень точным. Действительно, музыка наша переживает сейчас период бурного подъема. И в творческой и в исполнительской областях успехи столь велики, что мы можем гордиться ими. Лучшие произведения советских композиторов все чаще по праву считают классическими. Что же касается талантливости и мастерства наших музыкантов-исполнителей (в первую очередь инструменталистов), то в связи с ними Советский Союз уже давно называют великой музыкальной державой мира.

Но как в годы наибольшей солнечной активности пятна на солнце становятся особенно ощутимы, так и сейчас отдельные слабости и недостатки нашей музыки, советской музыкальной культуры в целом особо заметны и сказываются весьма остро.

Иннокентий Попов справедливо связывает их в первую очередь с тем, что мы еще плохо осознаем сущность тех огромных изменений, которые произошли во взаимоотношениях между композитором, исполнителем и слушателем после появления массовых средств информации: звукозаписи, радио, телевидения. Это действительно так! Еще древние греки прекрасно понимали могучую эмоциональную, следовательно, и эстетически воспитывающую роль музыки. Известный миф об Орфее — убедительнейший тому пример. У нас же создалось парадоксальное положение: возможности воздействия музыки возросли в десятки, если не в сотни раз, а используем мы их совершенно недостаточно. Подчас использование это идет даже со знаком минус. Из-за одностороннего крена некоторых участков музыкальной пропаганды в облегченную развлекательность эстетические вкусы части слушателей оказываются весьма заниженными.

Эстетическое воспитание массового слушателя стало важнейшей проблемой. Не случайно все больше и больше внимания уделяет ей за последние годы музыкальная общественность. Не случайно и то, что вопрос этот занимает так много места на творческой дискуссии Четвертого Всесоюзного съезда композиторов. Я отнюдь не против так называемой легкой музыки, и сам много работал и охотно работаю в различных эстрадных жанрах. Но, во-первых, легкая музыка вовсе не синоним эстетической пошлости. Сотни и сотни прекрасных произведений композиторов всех времен и народов — свидетельство тому. Едва ли не у каждого из классиков есть шедевры в этих жанрах. Не говорю уже о Глинке, Чайковском, Моцарте, Шуберте. Их изумительные творения в области песни, романса, танца общеизвестны. Напомню о Бетховене. Ведь и этот Прометей музыки, мысливший на первый взгляд лишь гигантскими философскими категориями, погружавшийся в большей частью в драматически-трагедийную сферу эмоций, писал великолепные застольные песни (вспомните хотя бы Шотландскую и Ирландскую застольные), менуэты, экоссезы. И в наши дни крупнейшие таланты современности часто отдают дань эстрадной бытовой музыке. Творчество десятков моих товарищей подтверждает это.

Во-вторых, и это главное, понимать музыку лишь как развлечение глубоко неверно. Ведь ей доступно очень многое. По глубине и яркости осмысления явлений жизни посредством эмоций она почти внеконкурентна. Вряд ли какой-нибудь другой род искусства может сравниться с ней в раскрытии тончайших движений человеческой души. Там, где подчас бессильна даже литература, язык музыкальных образов звучит ярко, с неотразимой, впечатляющей силой. Как же можно отказываться в повседневной музыкальной жизни от бесценных завоеваний классики, приумноженных советскими композиторами!

Представьте себе человека, который из всего огромного богатства мировой литературы любит, ценит и преимущественно читает лишь облегченные юмористические рассказы. Они имеют право на существование, однако никому не приходит в голову ориентировать на них план советских книжных издательств, журналов и газет.

Я очень рад, что читатели «Огонька» живо откликнулись на больной вопрос нашей массовой музыкальной пропаганды. Их горячая заинтересованность в судьбах советской музыкальной культуры, их решительное неприятие музыки как средства бездумного развлечения, их возмущение растленной «музыкой толстых», так блестяще разоблаченной в свое время еще Горьким,— вернейший показатель эстетического здоровья советского народа и залог того, что борьба против пятен на нашем музыкальном солнце будет массовой, решительной, а значит, действенной и результативной.

Особенно хотел бы подчеркнуть: как показывает опубликованная «Огоньком» в № 51 подборка писем читателей, в понимании музыки как могучего средства идейно-эмоционального воздействия едины все категории слушателей — рабочие и интеллигенция, пенсионеры и молодежь.

У нас нет-нет да и услышишь еще в кулуарах разговоры о том, что пресловутый выдуманный нашими идеологическими врагами «конфликт поколений» советских людей якобы сказывается в области художественных вкусов, что молодежь вообще любит только «наиновейший модерновый джаз», который, так сказать, выражает дух атомного века.

Читатели «Огонька» еще раз опровергли надуманность подобных рассуждений.

Между прочим, несколько дней назад я получил письмо, очень растрогавшее меня. Собственно, это даже не письмо, а удостоверение, присланное мне Новороссийским ГК ВЛКСМ, которое удостоверяет, что песня «Бухенвальдский набат» направлена городским молодежным штабом по отправке писем в будущее (есть у них, оказывается, такой штаб!) в 2017 год — положена в капсуле-контейнере на дно Черного моря у подножия Суджукского маяка. Кроме естественной для каждого автора радости, меня охватило чувство волнения, что именно «Бухенвальдский набат»—одна из самых гражданственных моих песен — удостоилась столь высокой чести. Значит, работа советских композиторов в этих жанрах нужна массовому молодежному слушателю!

Еще и еще раз выражаю удовлетворение высокими эстетическими вкусами читателей «Огонька» и солидаризируюсь с их беспокойством по поводу крена в развлекательность, ощутимого в каналах нашей массовой музыкальной информации. Думаю лишь, что иногда они слишком резки в суждениях. В частности, не стоит так односторонне оценивать последний сочинский песенно-эстрадный фестиваль. Отрицательные явления, отмечаемые читателями, действительно имели на нем место. В частности, у многих исполнителей чувствовалась сугубо микрофонная манера пения, обедняющая выразительные возможности певческого голоса. Но было на сочинском фестивале и немало эстетически ценного как в области песенного творчества, так и в области исполнительства, и сбрасывать это со счетов несправедливо.

Необходимо подчеркнуть еще два момента. Первый из них связан с усилием борьбы двух идеологий, которая, естественно, находит свое отражение и в музыке. ЦК КПСС неоднократно подчеркивал, что необходимо решительно усилить борьбу против всех и всяческих проявлений буржуазной идеологии. В области музыки эти влияния буржуазной идеологии, на мой взгляд, хоть и в весьма опосредствованном, но оттого ничуть не менее ядовито-опасном виде воплощаются в разного рода новейших западных эстрадно-музыкальных боевиках, несущих нам бесконечное количество пошлости. (Бесспорно, джазовые транскрипции классиков не что иное, как кощунство, варварство.) Что это именно активное, целенаправленное насаждение буржуазной идеологии, убеждает, кстати, следующий факт. Больше и систематичнее всего этот современный вариант «музыки толстых» транслируется западными радиоканалами, рассчитанными специально на экспорт в социалистические страны. Для своего же, «внутреннего потребления» они ее передают значительно меньше.

И второй момент — авангардизм в музыкальном творчестве. Вопрос этот, к сожалению, остался на втором плане в письмах читателей. К сожалению, потому что, несмотря на в общем-то стойкий иммунитет советской музыки к авангардистской зауми, говорить об этом нужно. Для нас авангардизм опасен не сам по себе. Лишь незначительная часть композиторской молодежи, да и то отнюдь не хронически, «болеет» им. Опасно его тлетворное, ядовитое дыхание, распространяющееся подчас в той или иной степени на произведения композиторов, в целом не приемлющих авангардистские приемы композиции. Авангардизм убивает, стерилизует мелодический дар композитора, лишает музыку национальной почвенности, духовной содержательности, эмоционального прямодушия. А без этих качеств музыка мертва, нежизненна, не нужна людям. Свидетельство тому — многовековая история музыки и все творчество советских композиторов, которые добились крупнейших успехов, твердо идя вперед по пути народности и реализма.

Итак, могут ли быть на солнце пятна? В природе могут. Там они неизбежны. В человеческой жизни мы всегда стремимся свести их к минимуму, ибо они опасны...

12 месяцев „свободного" мира

Уходит 1968 год. Еще до того, как он начался, Организация Объединенных Наций провозгласила его «Международным годом прав человека». Десятого декабря исполнилось 20 лет Всеобщей Декларации Прав Человека, под которой стоят подписи всех ведущих капиталистических государств.

Ни одно из важнейших положений этого документа на деле не соблюдается в мире капитализма, где царит не право, а сила, не любовь и уважение к человеку, а культ золотого тельца.

Мы рассказываем о том, что происходило в 1968 году, с помощью фотографий.

Фото ЮПИ, журналов «Вие нуове», «Ньюсуик», «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «Лайф», «Штерн», «Шпигель».

ЯНВАРЬ

Каждый человек имеет право «на жизнь» и «на личную неприкосновенность»,— утверждает в статье третьей Декларация Прав Человека.

Но чего стоит ваше право на жизнь, когда на вас падает с неба терпящий аварию бомбардировщик с четырьмя водородными бомбами на борту? Такая катастрофа произошла в районе Туле, в Гренландии. На этот раз бомбы не взорвались. Но побережье оказалось радиоактивным. Вы видите на снимке, как американская поисковая группа отмечает флагами опасный район.

Случай в Гренландии был уже шестнадцатой катастрофой, грозившей атомным взрывом. Вспомните Паломарес, Сасэбо...

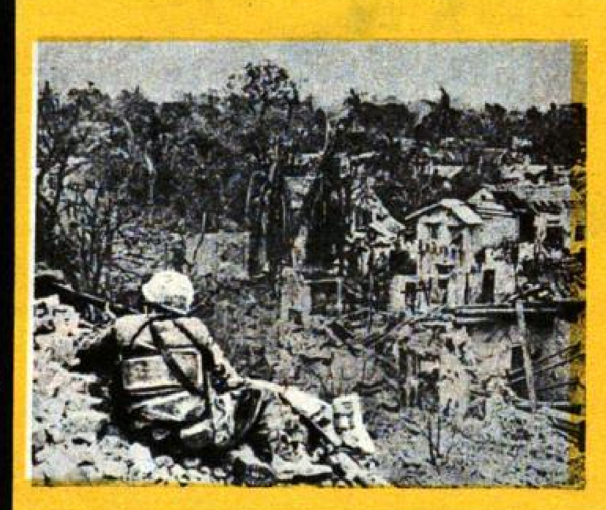

Пограничники Корейской Народно-Демократической Республики задержали в своих территориальных водах американское шпионское судно «Пуэбло».

Наглый шпионаж уже давно вошел в практику империалистических держав. Между тем Декларация провозглашает: «Никто не может подвергаться посягательствам на его честь и репутацию».

Миссия «Пуэбло» — посягательство на честь целого государства. Попав в тюрьму, офицеры и матросы корабля просили прощения у корейского народа. Они призвали своего президента публично извиниться перед КНДР. На снимке: капитан «Пуэбло» подписывает признание в шпионаже.

ФЕВРАЛЬ

Это Гуэ — древняя столица Вьетнама. В феврале американские агрессоры превратили город в руины. «Чтобы захватить город, надо его разрушить»,— сказал майор-янки. Эта фраза обошла всю американскую печать. Конечно, ни одна газета при этом не вспомнила о том, что политика выжженной земли, практикуемая США во Вьетнаме, находится в вопиющем противоречии с Декларацией Прав.

Вторая фотография также снята в Гуэ. Хотя с тем же успехом ее можно было бы сделать в любом районе Южного Вьетнама. Посмотрите на этих палачей — разве про них можно сказать словами Декларации: «Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства»?

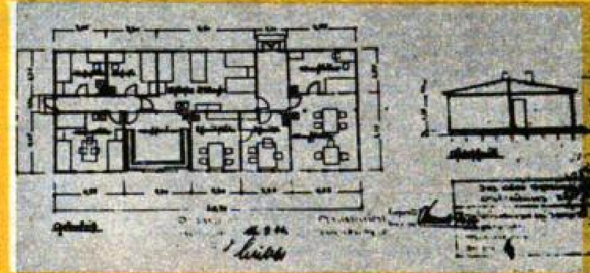

МАРТ

Траурный венок из первых весенних цветов возложила у «Дома Родезии» в Лондоне депутат английского парламента госпожа А. П. Керр, чтобы выразить протест против преступления южнородезийских расистов. Шестого марта самозваные власти Солсбери повесили трех африканцев — борцов за свободу своего народа.

«Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей»,— заявила Организация Объединенных Наций. В «белой» Родезии в этом праве отказано четырем миллионам африканцев.

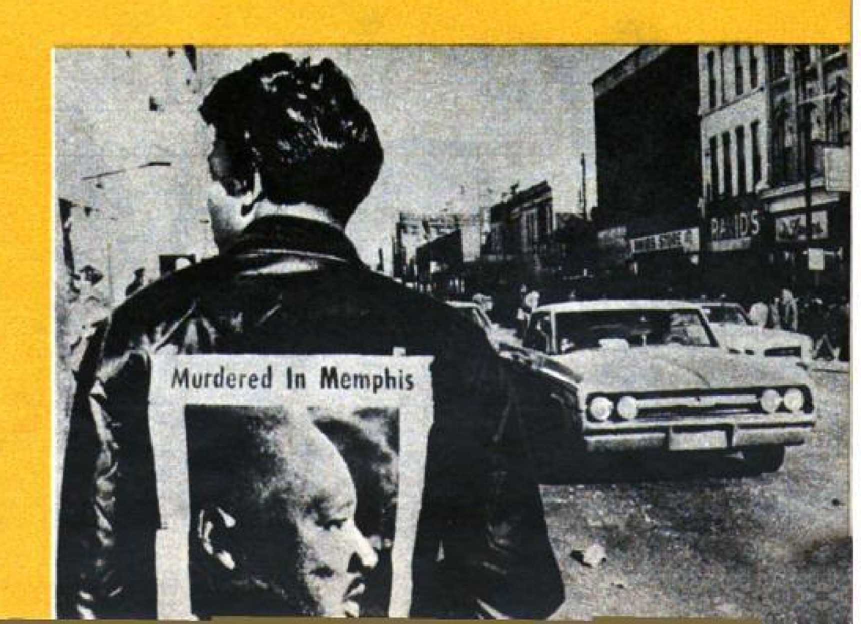
Вот фотокопия плана, по которому был построен барак в нацистском концентрационном лагере. Подпись внизу слева неопровержимо свидетельствует о том, что нынешний президент Федеративной Республики Германии Генрих Любке участвовал в строительстве концлагерей в фашистской Германии.

Сегодня этот человек возглавляет западногерманское государство. Стоит ли удивляться тому, что в этой стране по-прежнему запрещена компартия, зато вполне легально действует партия неонацистов?

АПРЕЛЬ

Словно ураган, прокатился по негритянским гетто взрыв протеста после того, как четвертого апреля в Мемфисе беглый уголовник-рецидивист убил одного из виднейших негритянских общественных деятелей Америки — Мартина Лютера Кинга.

«Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации... и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации»,— сказано в Декларации. Но расист Джордж Уоллес баллотируется в президенты США, минитмены и бэрчисты открыто призывают вешать негров, а наемные убийцы стреляют в Мередита и Кинга.

МАЙ

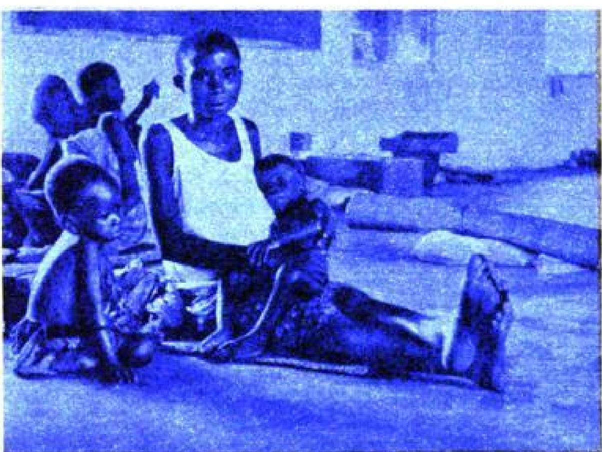
«Легкая зарплата, тяжелые танки» — написано на плакате. Такие плакаты расклеивали на улицах французские рабочие во время майской забастовки, в которой участвовало рекордное число — десять миллионов трудящихся. Согласно Декларации Прав Человека, «каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение». В ответ на законные требования рабочих и крестьян правительство Франции мобилизовало армию и привело в готовность танки.

Биафра — это отколовшаяся провинция Нигерии, провозгласившая себя независимой. Биафра — это кровопролитные бои, разжигаемые империалистами, страдания гражданского населения — народности Ибо, голодающие дети. Только потому, что Биафра — это нефть, за которую ведется борьба между монополиями Старого и Нового света. Монополии же интересует прибыль, а не судьба голодающих детей.

Жажда прибылей двигала и западногерманской компанией «Химия Грюненталь», выпустившей лекарство талидомид. 27 мая в Альсдорфе начался судебный процесс над руководителями компании, который продлится два года. Но это не поможет десяти тысячам детей-уродов, появившихся на свет из-за применения талидомида. Видимо, напрасно в Декларации сказано, что «материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь».

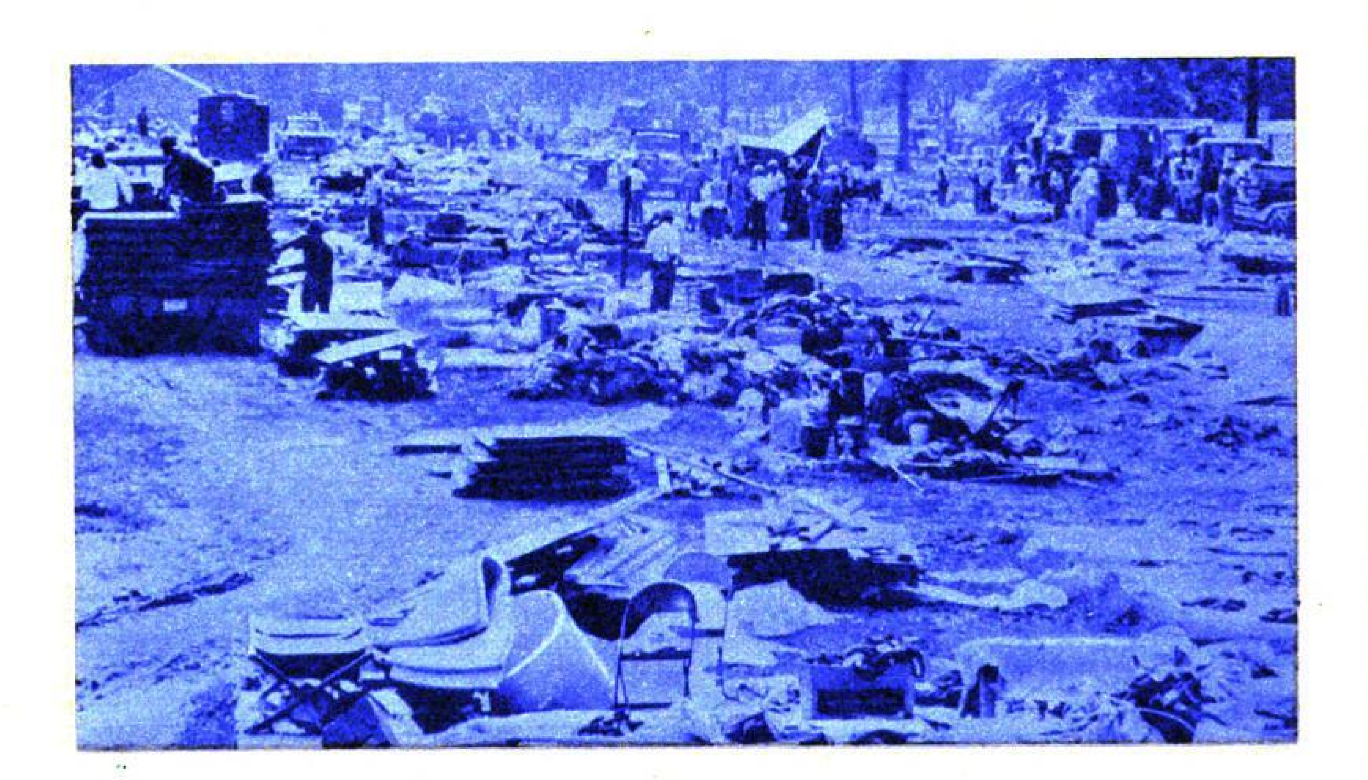

ИЮНЬ

Десять миллионов американцев хронически недоедают, тридцать миллионов человек официально считаются в США бедняками. Бедствующая Америка отправила своих представителей в столицу, требуя от властей помощи. Но не дождалась ее. Палаточный городок, в котором они поселились в Вашингтоне, был разгромлен войсками и полицией. Как же быть со Всеобщей Декларацией Прав Человека, которую Соединенные Штаты обязались выполнять и которая предусматривает «право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы»?

ИЮЛЬ

Снова Америка. Это крупнейшее и богатейшее из капиталистических государств являет собой средоточие всех пороков капиталистической системы. Среди них едва ли не на первом месте преступность.

В Санфорде (штат Мэн) полиция окружила дом Ричарда Гудвина, чтобы арестовать его за участие в бандитском налете. Гудвин приставил револьвер к голове своей двадцатипятилетней жены. «Если вы войдете,— крикнул он полицейским,— я спущу курок».

Пока полиция совещалась, вездесущие телевизионщики предложили бандиту выйти из дома. Они хотели заснять необычную сцену и проинтервьюировать его. Спускаясь по лестнице вместе с женой, Гудвин споткнулся. Раздался случайный выстрел. Его жена — мать двоих детей была убита.

Случайное убийство? Нет. В июле американцы всегда подводят итоги полугодия. Что касается преступности, то в первые шесть месяцев 1968 года она побила все рекорды. Каждые 43 минуты в стране совершалось убийство, каждую минуту — семь серьезных преступлений, через каждые 20 секунд где-то в Америке происходила кража со взломом.

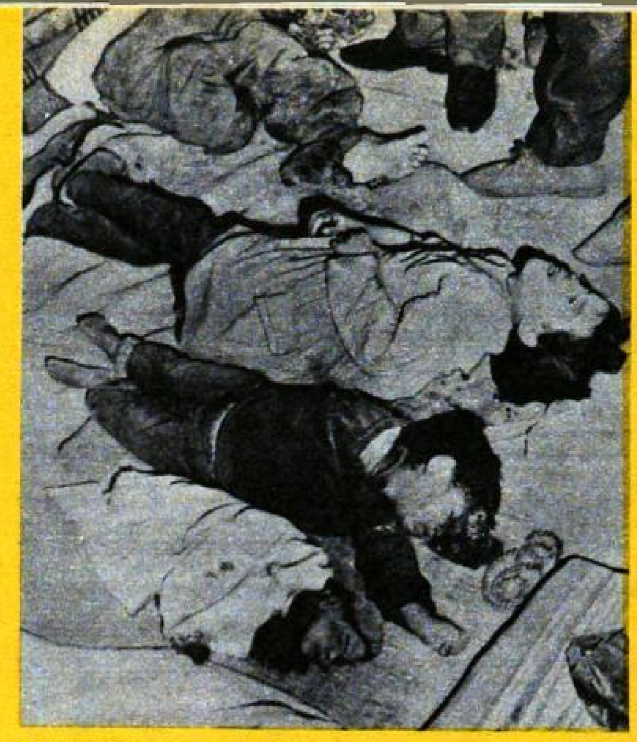

АВГУСТ

«Только для белых» — написано на этой скамье. Вопреки статье второй Декларации, провозглашающей права и свободы «без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи», Южно-Африканская Республика сделала разделение рас своей государственной политикой.

В соответствии с решением ООН, «каждый человек имеет право на свободу мирных собраний...». Только не те, кто выступает против политики правительства США. Чикагские полицейские объясняли это демонстрантам резиновыми дубинками, кастетами и кулаками как раз в тот момент, когда представители демократической партии выбирали своего кандидата в президенты. Права на раны и на тюрьму были демонстрантам обеспечены.

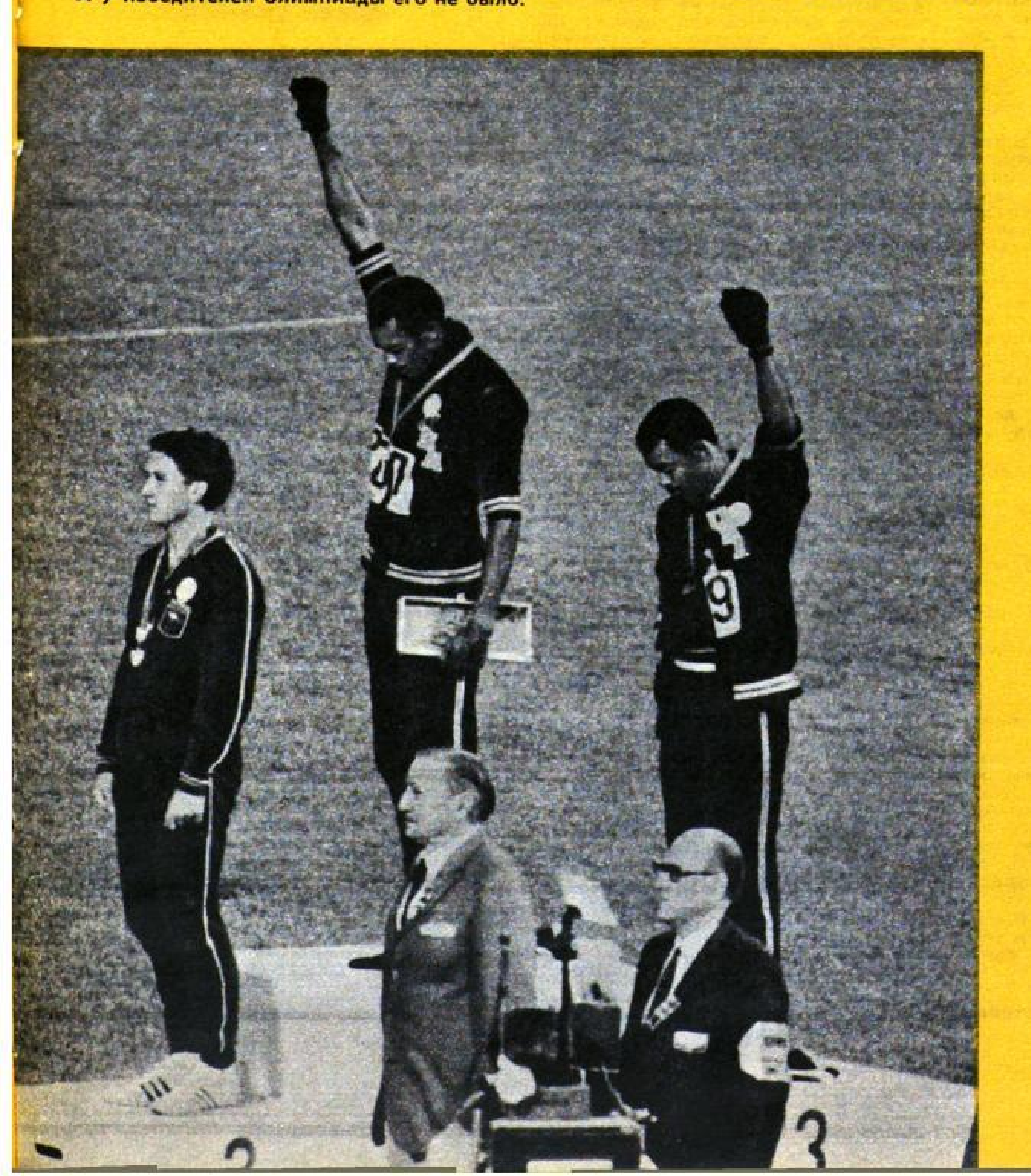
СЕНТЯБРЬ

400 тысяч жителей Иордании и района Газы лишились крова и вынуждены были спасаться бегством из-за агрессии Израиля на Ближнем Востоке. Эти данные привел в конце сентября генеральный секретарь Лиги арабских стран. Полтора года Тель-Авив незаконно оккупирует арабские земли.

Но этого мало агрессору! В течение всех двенадцати месяцев этого года самолеты и пушки Израиля, нарушая решение Совета Безопасности о прекращении огня, сеют смерть и разруху в ОАР, Сирии, Иордании. Эта фотография сделана в Хфар Ассаде (Иордания), где в результате израильского налета погибли мирные жители, дети.

ОКТЯБРЬ

На пьедестале почета победители Олимпиады в Мехико в беге на 200 метров — американские негры Томми Смит (в центре) и Джон Карлос. Когда в их честь поднялся флаг США, спортсмены склонили головы и подняли вверх руку в черной перчатке. Их мужественный жест протеста против расизма в Соединенных Штатах встретил поддержку всего мира. Но руководители американских олимпийцев изгнали Смита и Карлоса из команды. У чиновников-расистов было провозглашенное Декларацией «право на свободу убеждений и на свободное выражение их». А у победителей Олимпиады его не было.

НОЯБРЬ

Афины. На судебном процессе Алекос Панагулис заявил, что греческая служба безопасности применила варварские пытки, чтобы вырвать у него признания в антиправительственной деятельности. Что за дело полковникам-фашистам до Декларации Прав Человека, которая в статье пятой запрещает подвергать людей пыткам!

ДЕКАБРЬ

В банках очереди. Люди меняют франки на марки. Вслед за кризисом доллара, за падением фунта стерлингов зашатался казавшийся вполне надежным французский франк.

Уже второй год затянувшийся валютный кризис сотрясает капиталистический мир. Под угрозой деньги — основа основ капитализма. Все тяготы финансовых потрясений ложатся, естественно, на простой люд. Скачут вверх цены во всех валютах, растут налоги.

Так заканчивается декабрь — месяц, в котором подводят на Западе невеселые итоги «Международного года прав человека».

Джозеф Белл.

Живой Шерлок Холмс

В. ФАРХАС

В октябре 1911 года лондонский журнал «Госпиталь» в некрологе «Смерть великого педагога» с прискорбием оповестил своих читателей, что 4 октября на семьдесят четвертом году жизни скончался главный хирург Эдинбургской королевской лечебницы профессор Джозеф Белл.

Отличный педагог, доктор Джозеф Белл за многолетнюю службу в Эдинбургском университете воспитал не только плеяду выдающихся врачей, но в известной мере способствовал появлению на литературном небосклоне знаменитых писателей. Благотворное влияние на свое творчество от общения с этим человеком ощущали многие известные литераторы.

Нам хочется рассказать о некоторых эпизодах, имевших огромное значение для рождения таких шедевров детективной литературы, как рассказы Конан Дойля о Шерлоке Холмсе.

С профессором Джозефом Беллом Конан Дойль познакомился в юношеские годы в Эдинбургском университете, когда учился на медицинском факультете. Конан Дойль, которого профессор выделял среди студентов, был у него кем-то вроде секретаря при демонстрации больных. Известный уже в тот период, хирург Белл учил студентов не только искусству врачевания, но и наблюдательности.

— Большинство людей,— внушал он своим слушателям,— смотрят, но не наблюдают. А ведь стоит только хорошенько вглядеться, и по лицу человека можно узнать его национальность, по рукам — профессию, а все остальное — по походке, манерам или, скажем, по висящим на костюме ниткам. По мозолям, например, можно отличить шахтера от каменетеса, столяра от штукатура, по походке — солдата от матроса. Внимательный врач,— уверял он,— может почти безошибочно предсказать, на что через минуту будет жаловаться словоохотливая пациентка.

Профессор Белл еще с юношеских лет отличался исключительной наблюдательностью. Его сестра миссис Сесиль рассказывала: «Когда наша семья путешествовала, Джозеф, не обмолвившись со спутниками по вагону даже словом, рассказывал нам, откуда и куда они едут, об их занятиях и привычках, а когда его наблюдения подтверждались (а так было почти всегда), мы смотрели на него, как на волшебника».

Джозеф Белл отлично владел методом дедукции. Он имел зоркий глаз, схватывавший мельчайшие детали. Однажды вечером, когда он сидел в больнице за письменным столом, к нему постучались.

— Войдите...

В кабинет вошел мужчина. Взглянув на него, Белл спросил:

— Чем вы так озабочены?

— Откуда вы взяли, доктор, что я озабочен? — удивился посетитель.

— Это видно по вашему поведению,— сказал Белл.— Не обремененные заботами люди обычно стучат два, максимум три раза. А вы постучали четыре.

В беседе с пациентом выяснилось, что Белл не ошибся. У больного действительно были большие заботы...

Во время приема больных в клинике Белл иллюстрировал студентам примеры наблюдательности. Он ставил пациентам диагноз раньше, чем они начинали рассказывать о своих болезнях. По едва заметным приметам он определял профессию человека.

— Холодный сапожник,— окинув посетителя внимательным взглядом, говорил он.

— Как вы узнали? — спрашивали студенты.

— У него потерты штаны на коленях, на внутренней стороне. Холодные сапожники держат деревянную подставку лапки между коленями.

Другого пришедшего в клинику больного он спросил:

— Вы с южной стороны вошли в город?

— Да.

— Пересекли там площадку для гольфа?

— Совершенно верно.

— Понравилась вам эта прогулка?

— Да, очень. Вы меня там видели, доктор?

— Нет, я там не был.

— Откуда же вы знаете?..

Профессор усмехнулся и объяснил:

— Видите ли, почва на этой площадке — единственная в своем роде, красновато-глинистая. В дождливое время она прилипает к обуви. Ночью был дождь, и земля, когда вы пересекали площадку, еще не просохла. По следам глины на ваших ботинках можно определить, что вы там были.

В своей автобиографии Конан Дойль рассказывает и о таком случае. Пришедшего в клинику больного профессор спросил:

— Вы служили в армии?

— Так точно! — приняв стойку смирно, ответил пациент.

— В горнострелковом полку?

— Так точно, господин доктор!

— Недавно ушли в отставку?

— Так точно.

— Были сержантом?

— Так точно! — лихо отвечал больной.

— Стояли на Барбадосе?

— Так точно, господин доктор!

Ассистировавшие профессору студенты с восхищением смотрели на своего руководителя. Догадки его казались им чудом. А он после беседы с пациентом повернулся к ним и объяснил, насколько просты и логичны его умозаключения.

— Видите ли, господа, этот человек, проявив при входе в кабинет вежливость и учтивость, все же не снял шляпу. Это у него еще армейское. Если бы он уже давно был в отставке, то успел бы усвоить гражданские манеры. В осанке его — властность, по национальности он явно шотландец, все говорит за то, что он был командиром. Что касается его пребывания на Барбадосе, то он болеет элефантизмом — заболевание, распространенное среди жителей Вест-Индии.

Этот случай глубоко врезался в память Конан Дойлю и впоследствии послужил ему завязкой для рассказа «Грек-переводчик», в котором два знаменитых детектива по неприметным на первый взгляд мелочам состязаются в наблюдательности.

Окончив в 1881 году Эдинбургский университет, Конан Дойль исколесил полсвета. Он был судовым врачом, ходил в Арктику на китобое, плавал на лайнере к берегам Африки, а затем в качестве глазного врача обосновался в Англии. Но дела у него шли неважно. Как ни старался привлечь пациентов, они не появлялись. В поисках заработка Конан Дойль занялся сочинительством. Он решил последовать примеру француза Габорио и американца По — попытать счастья в детективном рассказе.

Но Конан Дойль желал, чтобы его детектив не был похож ни на Дюпена Эдгара По, ни на Лекока Эмиля Габорио. Он хотел, чтобы его герой обладал необычайной наблюдательностью, умел видеть, анализировать и при помощи анализа и дедукции делать единственно правильные выводы.

«И тут я вспомнил,— рассказывает в своей автобиографии Конан Дойль,— своего старого учителя Джозефа Белла. Будь он детективом, сказал я себе, он бы из своего изумительного, но неорганизованного любительства сделал бы что-нибудь близкое к точной науке».

И дальше: «Не удивительно, что, повстречавшись с таким человеком, я позже, пытаясь создать образ сыщика-ученого, использовал и широко разработал его метод».

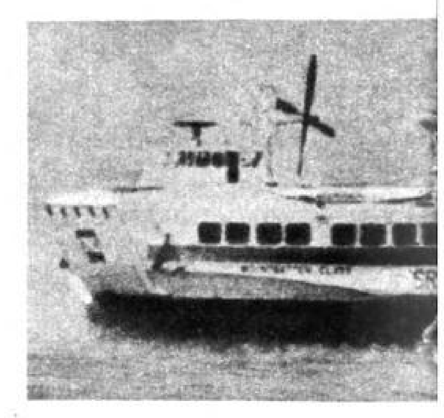
Р. Л. Стивенсон, автор знаменитого «Острова сокровищ», тоже когда-то учившийся в Эдинбургском университете, прочтя первые рассказы о Шерлоке Холмсе и узнав в нем черты своего бывшего наставника, спрашивал в письме к Конан Дойлю: «Уж не мой ли это старый приятель Джо Белл?»

Впоследствии и сам Джозеф Белл не отрицал своего сходства с Шерлоком Холмсом. В методе знаменитого сыщика он признал свою школу, а в авторе этих рассказов Конан Дойле — способнейшего своего ученика, достойно воспринявшего уроки наставника.

Медицинский журнал «Госпиталь», отдавая заслуженную дань Джозефу Беллу — врачу-практику и крупному ученому, автору многих научных трудов и редактору солидных медицинских периодических изданий,— большую часть посвященного ему некролога уделил описанию роли и влияния его на литературное творчество Конан Дойля. В подписи под опубликованным вместе с некрологом снимком прямо сказано: «Д-р Белл — прототип Шерлока Холмса».

Итак, прототип найден. Но надо было дать литературному герою имя. После долгих раздумий Конан Дойль назвал его Шерлоком Холмсом, соединив имя известного английского игрока в крикет с фамилией американского писателя и врача Оливера Уэнделла Холмса.

Первая повесть о похождениях Шерлока Холмса, напечатанная в 1887 году в рождественском ежегоднике «Битон», успеха не имела. Но все же Конан Дойлем заинтересовался один американский издатель, заказавший ему несколько рассказов. Читатели приняли их с восторгом — Шерлок Холмс начал завоевывать мир...

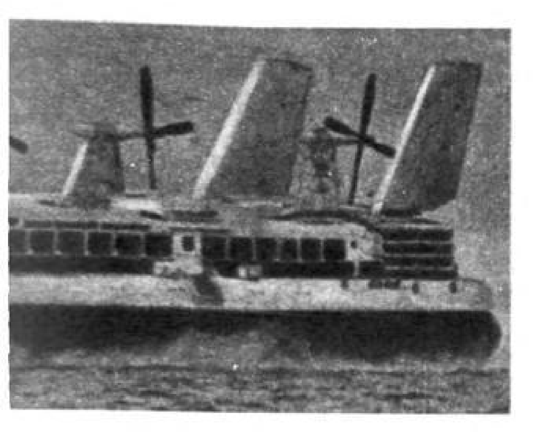

ЛЕТАЮЩИЙ МОСТ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

АВТОРА НАДО УВАЖАТЬ

Перед вами быстроходный паром на воздушной подушке, который совершает рейсы через Ла-Манш. Этот летающий мост построен в Англии.

ЧИСТЮЛЯ ДЖОРДЖ

Джордж — так зовут черепаху, живущую в зоопарке норвежской столицы. Она любит чистоту и порядок. Каждую неделю ее панцирь старательно моют и чистят. Это право завоевано ее искренним другом Джереми, сыном директора зоопарка.

◄

СЛУЖБА В КЛЕТКЕ

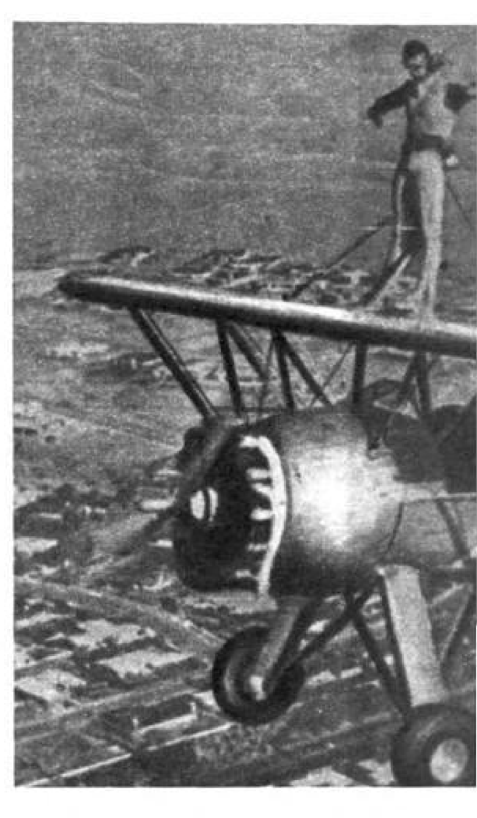
Молодой датчанин Петер Оргенсон отказался от служ-ы в армии и в знак проте-та заточил себя в клетку. Однако полиция перевезла го вместе с клеткой в ка-арму.

ФУТБОЛ С БУБЕНЦАМИ

Итальянские футболисты ввели новшество: снабдили мячи маленькими, но очень звонкими колокольчиками. По мнению игроков, звуки колокольчика помогают им ориентироваться на поле во время тренировок.

НА КРЫЛЕ САМОЛЕТА ►

Недалеко от Лос-Анжелеса открыта школа воздушной акробатики. Все ученики этой школы — женщины. На снимке: семнадцатилетняя Сью Сорен. Она уже больше ста раз поднималась в воздух и проделывала на высоте разные упражнения.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЗУБЫ

Цирковой артист Джон Месис, выступая в Милане, вот так задержал на взлете спортивный самолет.

В девятом номере «Нового мира», который поступил к читателям только в декабре, опубликованы материалы из литературного наследства Валентина Овечкина.

В редакционном вступлении сказано: «Пока не все еще оставшееся после Валентина Овечкина литературное наследство собрано и изучено. Сейчас мы предлагаем читателю лишь немногое... Это не опубликованные при жизни писателя очерки, рассказы, отрывки из незаконченных произведений, автобиографические наброски, выдержки из записных книжек — дорогие свидетельства о замыслах покойного писателя, многолетнего члена редколлегии нашего журнала, замечательного человека, чей талант и вся жизнь были безраздельно отданы своему партийному и литературному долгу».

Публикацию не печатавшихся по уверению журнала рассказов Овечкина редакция начинает с «Елисея Булки». Не знаю, заглядывают ли работники «Нового мира» в другие журналы или настолько влюблены в свой, что не остается времени. Как бы там ни было, нельзя выдавать за «неопубликованное» то, что читателям знакомо давно.

Рассказ «Елисей Булка» был напечатан в четвертом номере «Журналиста», который в отличие от «Нового мира» не опаздывает и вышел в свет в начале апреля.

Чем дальше в лес, тем больше дров...

В примечании к другому рассказу Овечкина «Аблакат» редакция «Нового мира» пишет: «В конце двадцатых годов в газете «Беднота» был опубликован рассказ В. Овечкина «Савельев», подписанный псевдонимом Валентин Буровой. Сюжетным центром рассказа была кража лошадей, поимка вора и угроза похорон заживо. (Здорово передан «сюжетный центр» — не правда ли? — М. Л.) Ни в какие сборники В. Овечкин рассказ не включал... Через восемь лет Овечкин использовал сюжет «Савельева» для написания рассказа «Аблакат». Но и этот рассказ ни в один из своих сборников писатель не включал».

Вот так, ни больше ни меньше: «не включал». А на самом деле «Аблакат» опубликован еще тридцать лет назад. Как это было?

Двадцатого ноября 1928 года газета «Беднота» объявила конкурс на лучший рассказ. В нем решил принять участие и председатель сельскохозяйственной коммуны имени Калинина, Таганрогского округа, Северо-Кавказского края, Валентин Овечкин. Однако подписать свое первое произведение не решился и отослал его в Москву под псевдонимом — «Валентин Буревой» (а не Буровой.— М. Л.). Какова же была радость молодого селькора, когда, получив «Бедноту» за 21 апреля 1929 года, он увидел в ней свой рассказ. Через некоторое время газета подвела итоги конкурса. Из полутора тысяч поступивших рассказов жюри рекомендовало в печать всего двадцать семь. Десять участников конкурса были отмечены премиями и похвальными отзывами. Среди них и автор рассказа «Савельев» — Буревой (Овечкин).

Через несколько лет Валентин Владимирович переработал свой первый печатный рассказ и под названием «Аблакат» включил в сборник «Рассказы», который вышел в 1939 году в Краснодаре, где в то время жил и работал автор. Сборник был издан большим для того времени тиражом и получил положительную оценку критики. Кроме «Аблаката», Овечкин включил в него еще 13 рассказов. Опасения, что редакция «Нового мира» может объявить их тоже «непубликовавшимися», заставляет перечислить эти произведения: «Сын», «Ошибка», «Цена человека», «Болезнь», «Обида», «Неурядица», «Родня», «Письмо из дому», «Подпасок Федька», «Без остатка», «Водяной», «Ночью на таборе», «Аблакат», «Данилыч».

Может быть, не стоило бы об этом писать, если... Если бы был жив Овечкин... Тогда наверняка он сам выступил бы против неправды, потому что, как верно замечено, превыше всего ценил «партийный и литературный долг». За те пятнадцать лет, которые я знал его, у меня в памяти сотни случаев, подтверждающих это. Накануне шестидесятилетия писателя, в мае 1964 года, «Литературная газета» заказала мне юбилейную статью о нем. Я с удовольствием написал, но, зная щепетильность Овечкина, попросил до публикации показать статью ему, что и было сделано. Вскоре в редакцию газеты на имя А. Чаковского пришла из Ташкента, где жил писатель последние годы, телеграмма: «Статью обо мне не давайте... Вообще непонятно, зачем заказана статья такого плана. Подробно пишу Лапшину... Валентин Овечкин».

Через два дня пришло письмо. Его, как и другие письма Овечкина, которых у меня да, наверное, и у других друзей покойного скопилось довольно много, неплохо бы опубликовать (они очень поучительны). В том же, о котором речь, Овечкин писал: «Согласитесь, что появление этой Вашей статьи в «Литературной газете» вызвало бы у читателей просто недоумение... Какой повод для ее напечатания? Не видно никакого повода. Мое шестидесятилетие? А бог с ним, с шестидесятилетием... Один раз в моей жизни отмечалось уже нечто вроде юбилея, 50 лет, ну и хватит».

Таков был он, Валентин Овечкин... Необыкновенно правдивый. Исключительно щепетильный, когда дело касалось его или написанных им произведений.

Поэтому справедливое утверждение редакции «Нового мира», что Овечкин был «многолетним членом редколлегии журнала», накладывает на его работников особую ответственность. Сегодня больше, чем когда-либо, Овечкин находится «под неослабным вниманием» миллионов читателей у нас и за рубежом. Достаточно сказать, что его произведения изданы в нашей стране 91 раз общим тиражом более четырех миллионов экземпляров. Надо уважительно относиться к этим сочинениям!.. Нужно уважать их автора, его жизненные и творческие принципы, независимо от того, был ли он членом редколлегии того или другого печатного органа или не был!

Михаил ЛАПШИН

— Неужели не клюнет?

Рисунок В. Тильмана.

Звонили Петровы. Оказывается, я ошибся: мы все собираемся не у нас, а у них.

Рисунок К. Шабельника.

Рисунок А. Шварца.

Надоело...

Рисунок А. Грунина.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

УДРУЧЕННЫЙ

Из глубины веков дошли до нас слова, первоначальный смысл которых затемнен, корни их трудноопределимы, некоторые компоненты слова в силу тех или иных обстоятельств, законов или капризов языка утеряны или изменены до неузнаваемости.

В самом деле, что значили и как образовались такие, скажем, слова, как «удручить», «удрученный», «водрузить»? Находятся ли они в родстве между собой? И если да, то какое слово является патриархом этого рода?

Нынешний смысл этих слов ясен: удрученное (состояние) — угнетенное, подавленное; удручающее (зрелище) — тяжелое, тягостное, гнетущее; удручить — огорчить, опечалить, вызвать тягостное чувство.

Слово «водрузить» — это то же, что и «установить», «крепить» что-либо на чем-либо. «Каждый боец рвался к зданию рейхстага, чтобы водрузить на его вершине знамя победы».

Видите, насколько разностильны и разнозначимы эти слова. А между тем они дети одного и того же родителя — славянского «друк», «дрюк»: шест, палка, кол.

Теперь нетрудно установить их первоначальное, прямое значение: «удручить» — побить дубиной, палкой; «водрузить» — установить шест, древко.

НЕУКЛЮЖИЙ

Слово может служить синонимом к «нерасторопный», «неловкий», «нескладный», «несовершенный». Современная речь не признает это прилагательное без отрицательной приставки. Но еще с полвека назад слова «уклюжий», «клюжий» можно было найти в произведениях писателей, и означали они: «совершенный», «ладный», «подходящий». Оказывается, предок этих слов древнее существительное «клюдь» — «красота», «порядок», сохранившееся и поныне в некоторых диалектах.

СКОСТИТЬ

Когда Актер в пьесе А. М. Горького «На дне» произносит: «Скости половину долга»,— нам понятно: он просит сбавить часть денег, которые задолжал.

Слово «скостить», то есть скинуть сколько-либо со счета, отнять, убавить, пришло в нашу речь в XIX веке из языка счетоводов. Оно образовано от «кость» — костяшек на счетах. «Скостить» — откинуть ряд костяшек для уменьшения полученного числа.

ПЕНЯ

Задержались ли вы с оплатой коммунальных услуг, не погасили в срок задолженности по квартплате — сверх положенной суммы с вас взыщут дополнительно несколько копеек. Это штраф за нарушение вами денежных или иных договорных обязательств. Иначе пеня.

Откуда она, эта «пеня»? И давно ли появилась в русской речи? Это — древнее слово. Его можно найти еще в рукописных памятниках старины. Им пользовался Пушкин. Так, в его «Истории Пугачева» можно прочесть: «Члены канцелярии осуждены уплатить войску... значительную пеню».

В русский язык «пеня» пришла из старославянского «пена» — «штраф». Но тот сам заимствовал это слово из латинского «пена», которое первоначально означало «выкупные деньги за долг», а затем вообще всякое наказание.

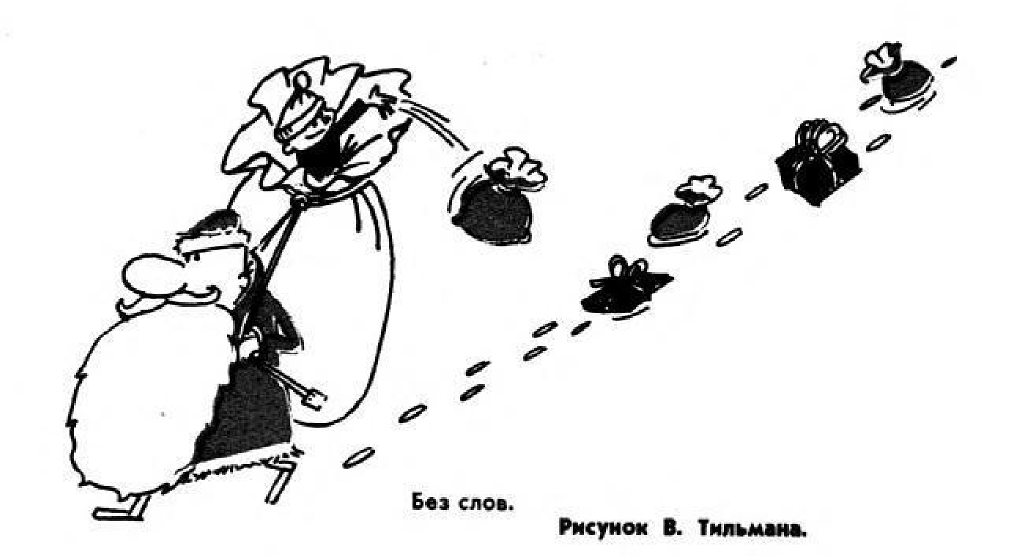
Так что же, изобретено это слово латынью?

Нет. Оказывается, это лишь переоформленное ею имя древнегреческой богини кары и возмездия — Пойне.

Вот какое божественное происхождение у скромного слова «пеня»!

Э. ВАРТАНЬЯН

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Без слов.

Рисунок В. Тильмана.

— Нечем платить — снимайте шубу...

Рисунок А. Шварца.

— Вот бы его в нашу баскетбольную команду.

Рисунок Н. Елинсона.

Рождение моды.

Рисунок А. Шварца.

РАЗГОВОР ЗА ОБЛАКАМИ

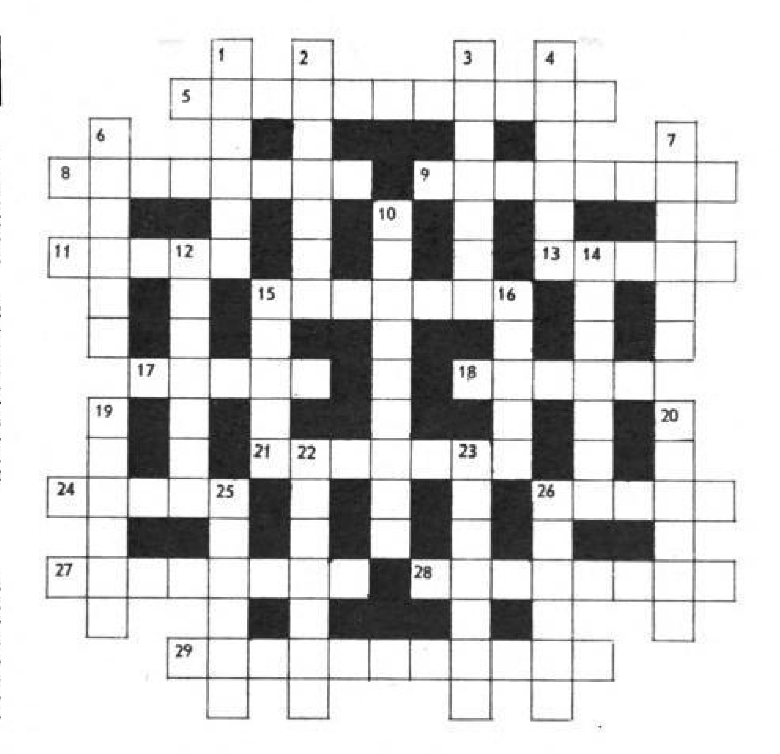
Снимок, помещенный на первой странице обложки, сделан на 330-метровой высоте, в одном из залов ресторана «Седьмое небо». (См. в номере репортаж «Этажи седьмого неба».)

Фото К. БАРЫКИНА и И. ТУНКЕЛЯ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский математик XIX века. 8. Опера Дж. Пуччини. 9. Аттракцион. 11. Заяц. 13. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 15. Грузоподъемный механизм. 17. Диск для игры в хоккей. 18. Озеро в Финляндии. 21. Виртуозная музыкальная пьеса. 24. Сооружение для самолетов. 26. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 27. Французский писатель. 28. Коллекция растений. 29. Наука о землетрясениях.

По вертикали: 1. Водный источник. 2. Архитектурный стиль XVI—XVIII веков. 3. Крупное соединение военных кораблей. 4. Итальянский певец. 6. Птица отряда куликов. 7. Древнегреческая эпическая поэма. 10. Основоположник современной гидро- и аэромеханики. 12. Ежегодный торг. 14. Город в Куйбышевской области. 15. Начало шахматной партии. 16. Метрическая мера веса. 19. Промежуток времени. 20. Пианист, народный артист СССР. 22. Врач. 23. Устройство, преобразующее электрические колебания в звуковые. 25. Командир крейсера «Варяг». 26. Ручной инструмент для выпиливания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали: 5. Орнитология. 8. Пианино. 9. Ожогина. 10. Сонет. 16. Магеллан. 17. Конвейер. 18. Шаль. 19. «Соть». 20. Телевидение. 21. Пирс. 23. Вага. 24. Мечников. 25. Интернат. 27. Шакал. 30. Трибуна. 31. Уругвай. 32. Сизоворонка.

По вертикали: 1. Эрбий. 2. Пинос. 3. Ворот. 4. Лимон. 6. Марсель. 7. Диккенс. 11. Новосибирск. 12. Балакирев. 13. Нагульнов. 14. Котангенс. 15. Гектограф. 22. Синоним. 23. Варшава. 26. Рубин. 27. Шамот. 28. Лубок. 29. Пушка.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00526. Сдано в набор 29/XI-68 г. Подписано к печ. 17/XII-68 г. Формат бум. 70 × 108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 988 000 экз. Изд. № 2214. Заказ № 3305.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

Крокодил:
— Черт меня дернул надеть этот костюм!

Рисунок В. Тильмана.

Лесные дружинники.
Рисунок В. Тильмана.

— Осторожно, она синтетическая.
Рисунок И. Сычева.

— Куда же ты, Вася? Я пришла!

Рисунок не для ОРУДа.
Рисунок В. Тильмана.